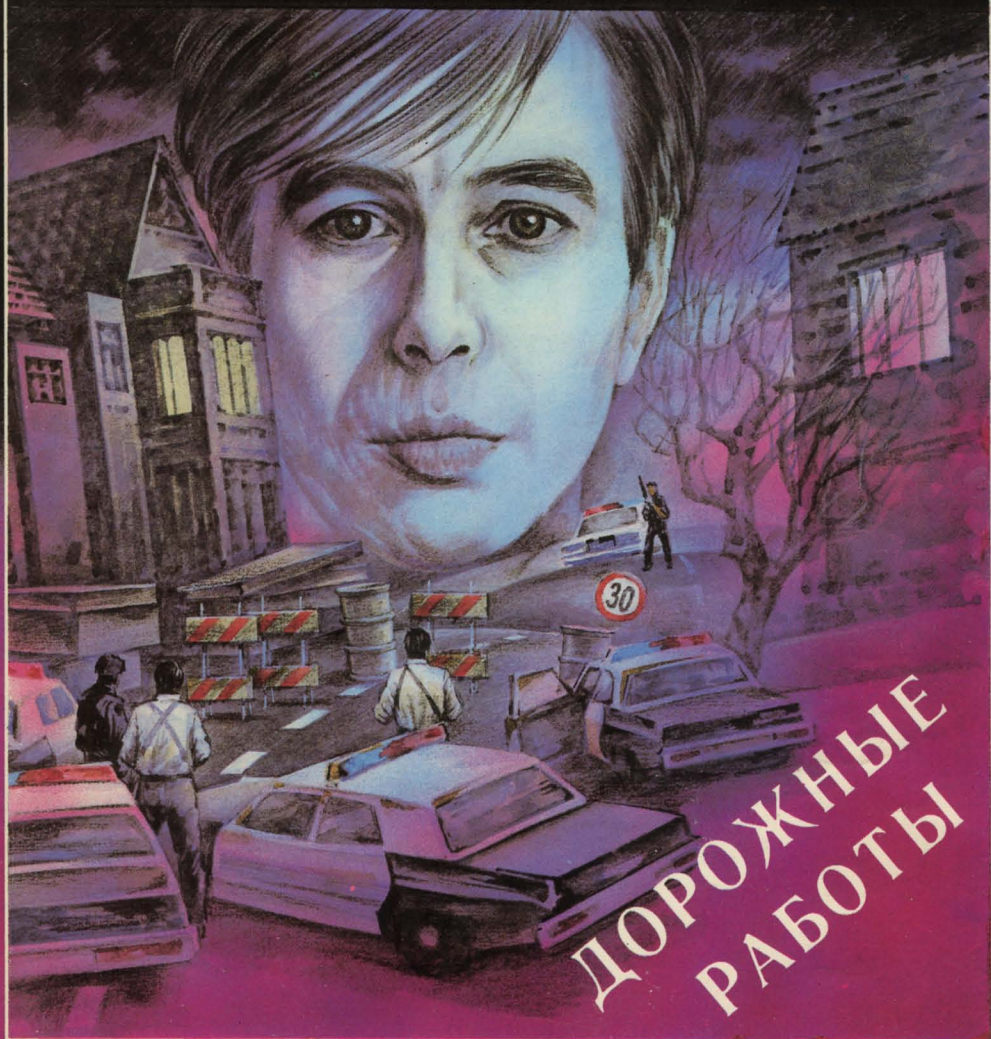

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ДОРОЖНЫЕ
РАБОТЫ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 27

Stephen King

ROADWORK

Стивен Кинг
ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ: роман

Copyright © 1981 by Stephen King

ISBN 0-451-14736-7

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

Посвящается Шарлотте Литлфилд

Книга притчей Соломоновых 31, 10-28.

ПРОЛОГ

*Я не знаю почему. Вы не знаете почему.
Похоже на то, что и сам Господь Бог не
знает почему. Просто это дело прави-
тельства, вот и все.*

Из интервью с уличным
прохожим по поводу
Вьетнама, около 1967
года.

Но Вьетнам был уже позади, и страна понемногу приходила в себя.

В этот жаркий августовский день 1972 года автобус службы новостей был припаркован у западной заставы, где заканчивалась скоростная автострада №784. Небольшая толпа собралась вокруг наспех сколоченного покрытого тканью помоста. Ткань казалась тонкой полоской плоти на скелете из голых досок. Позади помоста на вершине поросшей травой насыпи стояли будки для уплаты дорожного сбора, а перед ним открывалось болотистое поле, тянувшееся к предместьям города.

Молодой репортер по имени Дейв Алберт брал интервью у случайных людей из толпы, коротая время в ожидании прибытия мэра и губернатора на торжественную церемонию.

Он поднес микрофон пожилому человеку в темных очках.

— Ну, — сказал пожилой человек, робко глядя в камеру, — я думаю, что это великое дело для города. Мы давно в этом нуждались. Это... великое дело для города.

Он сглотнул слюну, отдавая себе отчет, что повторяется, но не в силах остановиться под гипнозом циклопического жужжащего глаза последующих поколений. — Великое, — добавил он, словно по инерции.

— Спасибо вам, сэр. Спасибо вам большое.

— Как вы думаете, мое интервью используют в вечерних новостях?

Алберт улыбнулся профессиональной, бессмысленной улыбкой. — Трудно сказать, сэр, но у вас хороший шанс.

Звукооператор указал на поворот возле заставы, где только что появился Крайслер Империал губернатора, мерцающий и сверкающий в лучах солнца. Алберт кивнул в ответ и поднял вверх один палец. Вместе с оператором он подошел к парню в белой рубашке с закатанными рукавами. Парень смотрел на помост с угрюмым видом.

— Не могли бы вы высказать свое мнение по поводу всего этого, мистер...?

— Доуз. Отчего же, могу. — У него был низкий, приятный голос.

— Быстрее, — пробормотал оператор.

— Я думаю, что это кусок говна, — сказал человек в белой рубашке все тем же приятным голосом.

Оператор скорчил рожу. Алберт кивнул, с упреком взглянув на человека в белой рубашке, и изобразил ножницы указательным и средним пальцами правой руки.

Пожилой джентльмен наблюдал за этой сценой с выражением неподдельного ужаса. Наверху, неподалеку от будок, губернатор выбирался из своего Империала. Его зеленый галстук ослепительно сиял на солнце.

— А это будет в каком выпуске: в шесть или в одиннадцать? — вежливо осведомился человек в белой рубашке.

— Хо-хо, дружище, да ты бунтовщик, — кисло сказал Алберт и двинулся вперед, чтобы перехватить губернатора. Оператор потащился следом. Человек в белой рубашке наблюдал, как губернатор осторожно спускается по травянистому склону.

Алберт вновь встретился с человеком в белой рубашке семнадцать месяцев спустя, но так как ни один из них не помнил о том, что им уже довелось познакомиться, то можно считать, что эта встреча была первой.

Часть первая

НОЯБРЬ

*Вчера поздней ночью дождь постучался в
мое окно
Я пересек погруженную во мрак комнату
и в свете фонарей
Мне показалось что внизу на улице я
увидел
Дух столетия
Говорящий нам что мы все стоим на
краю.*

Эл Стюарт.

20 ноября, 1973

Он действовал, не давая себе возможности задуматься о том, что он делает. Так безопаснее. У него в голове словно стоял прерыватель, который срабатывал всякий раз, когда голос внутри него пытался спросить: *Но почему ты все это делаешь?* И тут же часть его сознания погружалась в темноту. Эй, Джорджи, кто вырубил свет? Прости, это я. Какая-то ерунда с проводкой, надо полагать. Секундочку. Выключи, а потом снова попробуй включить. Вот так, свет появился. Но мысль исчезла. Все в полном порядке. Продолжим, Фредди — так на чем мы остановились?

По пути на автобусную остановку ему попала вывеска следующего содержания:

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИН ХАРВИ
Ремингтон, Винчестер, Колт, Смит-Вессон
Охотники — наши желанные гости

Серые тучи роняли на землю редкий снежок. Это был первый снег в этом году, и он падал на асфальт, словно белые хлопья пищевой соды, а потом таял. Он увидел маленького мальчика в красной вязаной шапочке, который шел по улице, разинув рот и высунув язык, чтобы поймать снежинку. Она просто-напросто растает, Фредди, — подумал он, глядя на ребенка, но тот продолжал свое занятие, запрокинув голову к небу.

Он остановился перед оружейным магазином Харви и заколебался. Перед входом стоял стенд со свежими газетами, и заголовок на первой полосе гласил:

**ХРУПКАЯ ДОГОВОРЕННОСТЬ
О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ
ПОКА СОБЛЮДАЕТСЯ**

Внизу на стенде была укреплена запачканная белая табличка с надписью:

**ПОЖАЛУЙСТА, ЗАПЛАТИТЕ ЗА СВОЮ ГАЗЕТУ!
МЫ РАССЧИТЫВАЕМ НА ВАШУ ЧЕСТНОСТЬ,
ПРОДАВЕЦ ПЛАТИТ ЗА ВСЕ ГАЗЕТЫ**

Внутри было тепло. Помещение магазина было длинным, но не очень просторным. Проход был только один. Слева за дверью была стеклянная витрина, уставленная коробочками с патронами. Он немедленно узнал патроны .22, так как в детстве в Коннектикуте у него была однозарядная винтовка этого калибра. Он мечтал о такой винтовке на протяжении трех лет, а когда, наконец, получил ее, то не знал, что с ней делать. Некоторое время он палил по консервным банкам, а потом подстрелил голубую сойку. Выстрел оказался не таким уж точным. Сойка сидела на снегу, и вокруг нее расплывалось розовое кровавое пятно. Она медленно открывала и закрывала клюв. После этого он повесил винтовку на стену, и там она и висела в течение трех лет, пока он не продал ее мальчишке, живущему вверх по улице, за девять долларов и картонную коробку разных юмористических книжонок.

Другие патроны не выглядели такими знакомыми. Тридцать-тридцать, тридцать-ноль-шесть, а некоторые вообще были похожи на масштабную модель гаубичных снарядов. Интересно, каких животных убивают этими штуками? — подумал он. Тигров? Динозавров? И все же ему нравился вид этих патронов, лежащих под стеклом витрины, словно дешевые карамельки в привокзальном магазинчике.

Человек, бывший, по-видимому, продавцом или владельцем магазина, разговаривал с толстым мужчиной в зеленых штанах и зеленой робе. Роба была с накладными карманами. Они разговаривали о пистолете, который лежал в разобранном состоянии на одной из витрин. Толстяк вдвинул обратно затворную рамку, и оба принялись рассматривать смазанный маслом патронник. Толстяк что-то произнес, и человек за прилавком рассмеялся.

— Автоматические всегда заклинивают, говоришь? Это тебе твой папаша напел, Мак. Сознайся.

— Гарри, ты весь набит дерьмом, по самые брови.

«Ты весь набит им, Фред, — подумал он. — По самые брови. Ты знал об этом, Фред?».

Фред ответил, что знал.

Справа была стеклянная витрина, уходившая к самому концу магазина. На ней были выставлены подвешенные на крючки винтовки. Он был в состоянии отличить двухствольные дробовики, но все остальное было для него полной загадкой. И тем не менее некоторые люди — к примеру, вон те двое у прилавка — управляют с этим миром столь же легко, как он в колледже справился с курсом общего бухгалтерского учета.

Он прошел дальше по магазину и взглянул на витрину с пистолетами. На глаза ему попались несколько пневматических, несколько .22-х, .38-й с деревянной рукоятью, .45-е и пистолет, в котором он узнал сорок четвертый «Магнум» — тот самый, который был у Грязного Гарри в том фильме. Он слышал, что Рон Стоун и Винни Мэйсон обсуждали этот фильм в прачечной, и Винни тогда сказал: «Легавому никогда бы не позволили таскать с собой по городу такую пушку. Такой штукой можно проделать в человеке огромную дыру даже с расстояния в одну милю».

Толстяк по имени Мак и человек за прилавком по имени Гарри собрали пистолет.

— Позвони мне, когда к тебе поступит этот «Меншлер», — сказал Мак.

— Ладно, позвоню... но твое предубеждение против автоматического оружия просто нелепо, — сказал Гарри.

(Он решил, что Гарри наверняка должен оказаться владельцем магазина — простой служащий никогда бы не обвинил покупателя в нелепости). Ты хочешь заполучить «Кобру» на следующей неделе?

— Было бы неплохо, — сказал Мак.

— Не обещаю.

— Ты никогда ничего не обещаешь, и все-таки ты лучший оружейник в этом городе, черт тебя дери, да ты и сам об этом прекрасно знаешь.

— Конечно, знаю.

Мак в последний раз провел рукой по пистолету, лежащему на стеклянной витрине, и повернулся, чтобы уйти. Мак наткнулся на него — *Смотри внимательнее, Мак. И не забывай при этом улыбаться*, — а потом вновь двинулся к выходу. Под мышкой Мак держал газету, и он разглядел кусок заголовка:

ХРУПКАЯ ДОГО

Гарри повернулся к нему, все еще улыбаясь и качая головой. — Могу я чем-нибудь вам помочь?

— Надеюсь. Но хочу предупредить вас заранее, в оружии я ничего не понимаю.

Гарри пожал плечами. — Ну и на здоровье, кто сказал, что вы должны быть экспертом? Вы хотите сделать кому-то подарок? На Рождество?.

— Да, именно так, — ответил он, ухватившись за представившуюся возможность. — У меня есть двоюродный брат — Ник, так его зовут. Ник Адамс. Он живет в Мичигане, и уж он-то сходит с ума по оружию. Ну, сами понимаете. Любит охотиться, конечно, но для него это нечто большее. Что-то вроде, ну, как бы это выразить...

— Вроде хобби? — спросил Гарри с улыбкой.

— Да, точно. — Он хотел сказать «вроде фетиша», но не успел найти нужное слово. Взгляд его упал на кассовый аппарат, к которому была прилеплена замызганная наклейка для автомобильного бампера. На ней была выведена следующая надпись:

ЕСЛИ ОРУЖИЕ ПРЕСТУПНО, ТО ПУСТЬ ИМ ПОЛЬЗУЮТСЯ ТОЛЬКО ПРЕСТУПНИКИ

Он улыбнулся Гарри. — Знаете, а ведь это очень верная мысль.

— Никто в этом не сомневался, — сказал Гарри. — Так этот ваш двоюродный брат...

— Ну, понимаете, это вроде как дело принципа. Он знает, как я увлекаюсь лодочным спортом, и разрази меня гром, если этот засранец не подарил мне шестидесяти-сильный мотор фирмы «Эвинруд» на прошлое Рождество. Прислал мне скоростной доставкой. А я-то подарил ему охотничью куртку. Вот я и почувствовал себя как в ослиной заднице.

Гарри сочувственно кивнул.

— Ну так вот, примерно с неделю тому назад получаю от него письмо, такое радостное, словно его написал мальчишка, получивший бесплатный билет в цирк. Короче, он со своими шестью дружками сложился и купил себе путевку в такое место в Мексике... ну, что-то вроде охотничьей свободной зоны...

— Охотничий заповедник без ограничений?

— Во-во, точно. — Он слегка хихикнул. — Стреляй, сколько душе угодно. И в кого угодно, вот такая штука. Олень, антилопа, медведь, бизон, и все едино.

— А название этого места случайно не Бока Рио?

— Честно говоря, я не помню. Но мне кажется, что оно называлось как-то подлиннее.

Взгляд Гарри принял несколько мечтательное выражение. — Тот парень, который только что ушел, я и еще двое других ездили в Бока Рио в 1965-ом. Я подстрелил зебру. Ну, доложу я вам, это была и зебра. Я поставил ее чучело в своей домашней трофейной. Это было лучшее время в моей жизни, вне всяких сомнений. Завидую я вашему двоюродному брату.

Так вот, я обсудил это дело со своей женой, и она сказала: давай, чего уж там. У нас был очень удачный год

в прачечной. Я работаю в прачечной «Блу Риббон» в западной части города.

— Да, я знаю где это.

Он почувствовал, что может вести этот разговор с Гарри хоть до конца дня, хоть до конца года, сплетая правду и ложь в одну мерцающую прекрасную ткань. Пусть мир катится ко всем чертям. Пусть отправляются к гребаной матери бензиновый кризис, высокие цены на говядину и хрупкая договоренность о прекращении огня. Давай-ка поговорим всласть о двоюродных братьях, которых никогда не было на свете, верно, Фред? Ты прав как никогда, Джорджи.

— В этом году мы заполучили к себе в клиенты центральную больницу, а заодно и психиатрическую клинику и три новых мотеля.

— Скажите, а мотель «Кволити Мотор Корт» на авеню Франклина тоже вы обслуживаете?

— Да, мы.

— Я там пару раз останавливался, — сказал Гарри. — Простыни всегда были очень чистыми. Странная штука, когда останавливаешься в мотеле, никогда не задумываешься, кто стирает простыни.

— Ну так вот, у нас был очень удачный год. Я и подумал, не купить ли мне Нику винтовку и пистолет. Я знаю, что ему всегда хотелось иметь сорок четвертый «Магнум». Я слышал, как он упоминал о нем...

Гарри принес «Магнум» и аккуратно положил его на стекло витрины. Он взял кольт в руку. Ему понравилось ощущение веса. Чувствовалось, что эта штука создана для серьезного дела.

Он положил кольт обратно на витрину.

— Патронник этой модели... — начал было Гарри.

Он рассмеялся и сделал останавливающий жест. — Не надо рекламировать, я и так уже раз рекламирован. Новичка всегда легко поддеть на крючок. Сколько патронов мне надо купить к этой штуке?

Гарри пожал плечами. — Купите, скажем, коробок десять, почему бы и нет? Он всегда сможет докупить, если

надо будет. Цена кольта двести восемьдесят девять с налогами, но я продам вам его за двести восемьдесят, патроны прилагаются. Что вы на это скажете?

— Здорово, — сказал он с абсолютной искренностью. А потом, почувствовав, что требуется еще что-то сказать, добавил:

— Красивая штукавина.

— Если это все-таки Бока Рио, то вашему двоюродному брату найдется, где ее применить.

— Теперь насчет винтовки...

— А что у него есть?

Он пожал плечами и старательно развел руками. — Простите меня, но я действительно не знаю. Два-три дробовика и еще штука, которую он называет самозарядный...

— Ремингтон? — Гарри спросил его так быстро, что он немного испугался. Ощущение было такое, словно он шел по груди в воде, и вдруг она внезапно отхлынула.

— По-моему, да. Но я могу и ошибаться.

— Ремингтон — лучшая марка, — сказал Гарри, кивнув, и он снова почувствовал себя в своей тарелке. — Какую сумму вы собираетесь потратить?

— Ну, я буду с вами абсолютно честен. Мотор стоил ему где-то около четырех сотен. Так что я потрачу как минимум пятьсот. Шестьсот — это предел.

— Вы с двоюродным братом, похоже, действительно большие друзья, так ведь?

— Мы вместе выросли, — прочувственно произнес он. — Думаю, если надо, я пожертвовал бы ради Ника и правой рукой.

— Ну что ж, давайте я вам кое-что покажу, — сказал Гарри. Он выбрал из связки ключ и подошел к одному из стеклянных шкафов. Открыв его, он взобрался на табуретку и вынул оттуда длинную, тяжелую винтовку с инкрустированным прикладом. — Пожалуй, это будет стоить немного больше, чем вы собирались потратить, но это восхитительное ружье. — Гарри передал ему винтовку.

— Что это?

— Это сорок шестой «Уэзерби». Стреляет такими тяжелыми патронами, что у меня сейчас их и в продаже-то нет. Надо будет заказывать из Чикаго — сколько потребуются. Заказ будет выполнен примерно через неделю. Это идеально отъюстированный механизм. Давление в стволе во время выстрела — свыше восьми тысяч фунтов... это все равно что выстрелить в кого-нибудь самолетом.

Если выстрелить в голову оленю, в качестве трофея придется довольствоваться хвостом.

— Ну, не знаю, — сказал он, и в голосе его послышалось сомнение, хотя он уже решил, что именно такая винтовка ему и нужна. — Я знаю, что Нику нужны трофеи. Ведь это необходимая часть...

— Разумеется, — сказал Гарри, беря «Уэзерби» и открывая патронник. Отверстие выглядело таким большим, что, казалось, туда можно было посадить почтового голубя. — Никто не ездит в Бока Рио за мясом. Зато с этой штукой вам не придется преследовать распроклятое животное по пересеченной местности миль этак двенадцать, к тому же оно будет мучиться все это время, не говоря уже о том, что вы пропустите обед. Эта крошка рассеет все его внутренности в радиусе двадцати футов.

— И сколько?

— Ну, что вам сказать? В городе его продать трудно. Кому нужно какое-то непонятное противотанковое ружье, когда тут больше не на что охотиться, кроме фазанов? А если подстрелить фазана и подать его к столу, то вкус будет как у автомобильного выхлопа. Розничная цена — девятьсот пятьдесят, оптовая — шестьсот тридцать. А вам я его отдам за семь сотен.

— Но ведь это получается... чуть ли не тысяча долларов.

— Тем, у кого покупок больше, чем на триста долларов, мы предоставляем десятипроцентную скидку. Так что получается девятьсот. — Он пожал плечами. — Вы подарите это ружье своему двоюродному брату, и я вам гарантирую, что у него такого нет. А если есть, то я его

у вас выкуплю за семьсот пятьдесят. Могу даже расписку написать — видите, насколько я уверен.

— Не шутите?

— И не думаю. И не думаю. Конечно, если это слишком дорого, то тут уж ничего не поделаешь. Можем посмотреть другие ружья. Но если он настоящий дока в этом деле, то какую бы еще модель я вам ни предложил, у него запросто может оказаться парочка таких экземпляров.

— Понятно. — Он изобразил раздумье. — А телефон у вас здесь есть?

— Конечно, там, в подсобке. Хотите позвонить жене и посоветоваться с ней?

— Пожалуй, стоит.

— Разумеется. Идемте.

Гарри провел его в заднее помещение, где царил полный беспорядок. Там стояла скамейка и изрезанный деревянный стол, залитый чистящей жидкостью и усыпанный оружейными внутренностями, пружинами, техническими справочниками и баночками с этикетками, в которых хранились куски свинца.

— А вот и телефон, — показал Гарри.

Он присел, взял трубку и набрал номер. Гарри пошел обратно, чтобы упаковать «Магнум».

— Спасибо, что вы позвонили в службу «Погода по телефону», — сказал ясный, записанный на пленку голос. — Сегодня днем прошли метели, переходящие к вечеру в легкий снегопад...

— Привет, Мэри, — сказал он. — Слушай, я звоню тебе из места, которое называется оружейный магазин Харви. Ну да, точно, это насчет Ники. Я нашел пистолет, о котором мы говорили, да, безо всяких проблем. Он оказался прямо на витрине. А потом этот парень показал мне винтовку...

— ...к завтрашнему дню ожидается прояснение. Этой ночью температура может опуститься до тридцати, а завтра в середине дня поднимется до сорока градусов по Фаренгейту. Вероятность осадков этой ночью...

— Так как ты считаешь, что я должен делать? — Позади него в дверном проеме стоял Гарри — ему видна была тень.

— Да, — сказал он. — Я знаю.

— Спасибо, что вы позвонили в службу «Погода по телефону», и не пропустите программу «Ньюсплас-Сиксти» с Бобом Рейнольдсом — каждый вечер в шесть часов самая свежая сводка погоды. До свидания.

— Ты не шутишь? Уж кому это знать, как не мне.

— Спасибо, что вы позвонили в службу «Погода по телефону». Сегодня днем прошли метели, переходящие в...

— Ты уверена, дорогая?

— Вероятность осадков этой ночью около восьмидесяти процентов, завтра...

— Ну, хорошо. — Он повернулся, улыбнулся Харви и показал ему кружок из большого и указательного пальцев. — Он очень славный парень. Сказал, что гарантирует мне, что у Ника такой винтовки нет:

— ...ожидается прояснение. Этой ночью температура может опуститься до...

— Я тебя тоже люблю, Мэри. Пока. — Он повесил трубку. Господи, Фредди, это было без сучка и без задоринки. Это точно, Джордж. Это точно.

Он поднялся. — Она сказала: покупай, если ты так решил. Я решил.

Гарри улыбнулся. — А что вы сделаете, если она пошлет вам на Рождество конверт с бомбой-сюрпризом?

Он улыбнулся в ответ. — Отошлю назад нераспечатанным.

Когда они шли обратно в магазин, Гарри спросил:

— Чеком или наличными?

— «Американ Экспресс», если можно.

— И даже нужно.

Он вынул кредитную карточку. На обратной стороне на специальной полоске было написано:

БАРТОН ДЖОРДЖ ДОУЗ

— А вы уверены, что патроны поспеют в срок, чтобы я смог переправить весь подарок Фреду?

Гарри оторвал взгляд от кредитного бланка. — Фреду?

Улыбка его стала еще шире. — Ник — это Фред, а Фред — это и есть Ник, — сказал он. Николас Фредерик Адамс. У нас что-то вроде шутки по поводу его имени. Еще с тех пор, как мы были детьми.

— А, вот оно что. — Он вежливо улыбнулся той самой улыбкой, которая обычно появляется на лице у людей, услышавших шутку, понятную лишь избранным. — Не могли бы вы расписаться вот здесь?

Он расписался.

Гарри вытащил из-под прилавка еще одну книгу, потяжелее, прикованную железной цепочкой за кольцо, продетое в левом верхнем углу рядом с корешком. — А здесь запишите ваше имя и адрес для федеральных властей.

Он почувствовал, как пальцы его судорожно сжали ручку. — Ну разумеется, — сказал он. — Видите ли, я ни разу за всю свою жизнь не покупал оружия, и поэтому немного волнуюсь. — Он написал свое имя и адрес:

*Бартон Джордж Доуз
1241 улица Крестоллин, Запад*

— Они во все суют свой нос, — сказал он.

— Это еще ерунда по сравнению с другими их выходками, — сказал Гарри.

— Мне ли не знать. Знаете, что я тут слышал в новостях как-то на днях? Хотят принять закон, по которому каждый парень, который ездит на мотоцикле, должен надевать защитное устройство для подбородка. Для *подбородка*, Господи ты боже мой, нет, вы только подумайте! Какое дело правительству до того, что кто-то хочет сломать себе челюсть?

— Ясное дело, никакого, — сказал Гарри, убирая книгу под прилавок.

— Или возьмите, к примеру, этот новый участок авто-страды, который они вздумали построить в западной части города. Какой-то сопляк-начальник решает: дорога пройдет здесь, и тут же государство рассылает пачку писем, в которых написано: извините, здесь пройдет новый участок автострады №784. У вас есть год, чтобы найти себе новый дом.

— Бессовестные подонки.

— Вот именно. *Суверенное право государства отчуждать частную собственность за компенсацию* — что это должно значить для человека, который прожил в том самом доме не сколько-нибудь, а двадцать лет? Занимался там любовью, вырастил там своего ребенка, возвращался туда после путешествий? Они вертят своими законами как хотят, чтобы сделать для тебя петлю попрочнее.

Осторожно! Берегись! Но прерыватель слегка замешкался, и кое-что вырвалось наружу.

— С вами все в порядке? — спросил Гарри.

— Да-а. Я просто съел на ленч один из этих сэндвичей черт знает с какой начинкой, а не стоило бы. Живот от них чертовски пучит.

— Попробуйте-ка вот это, — сказал Гарри, доставая пачку таблеток из нагрудного кармана. На ней было написано:

УСПОКОИТ ВАШ ЖИВОТ

— Спасибо, — сказал он. Он взял одну из таблеток и отправил ее в рот, не обращая внимания на прилипший к ней кусочек корпии. Посмотрите на меня — я снимаюсь в рекламе. Эта таблетка поглощает избыток соляной кислоты, вес которой в сорок семь раз превышает ее собственный!

— Меня они всегда выручают, — сказал Гарри.

— Так вот, насчет патронов...

— Все будет в порядке. Через неделю. Максимум — черед две. Я закажу вам семьдесят штук.

— Послушайте, а почему бы вам не оставить все эти пушки прямо здесь? Прикрепите к ним бумажку с моим именем или что-нибудь в этом роде. Наверное, это глупо, но честно говоря, мне не хотелось бы держать их у себя дома. Глупо — правда?

— Каждому свое, — спокойно заметил Гарри.

— Отлично. Дайте-ка я напишу вам номер своего рабочего телефона. Когда придут эти пули...

— Патроны, — перебил Гарри. — Эти штуки называются патронами.

— Патроны, — сказал он с улыбкой. — Так вот, когда вы их получите, позвоните мне. Я заберу покупки и отправлю их брату. Оружие ведь можно отправлять экспресс-почтой, не правда ли?

— Конечно. Вашему двоюродному брату придется только расписаться за них на другом конце, вот и все.

Он написал свое имя на одной из визитных карточек Гарри. На карточке было написано:

Гарольд Свиннертон

849-6330

ОРУЖЕЙНЫЙ МАГАЗИН ХАРВИ

Патроны

Антикварное оружие

— Послушайте, — сказал он, — если вы — Гарольд, то кто же тогда Харви?

— Харви был моим братом. Он умер восемь лет назад.

— Мне очень жаль.

— Нам всем было жаль. В один прекрасный день он пришел сюда, открыл магазин, протер кассовый аппарат, а потом свалился замертво от сердечного приступа. Милейший человек, второго такого не сыскать. Он мог запросто свалить оленя с пару сотен ярдов.

Он наклонился над прилавком, и они пожали друг другу руки.

— Я позвоню, — пообещал Гарри.

— Уж пожалуйста.

Он вновь вышел под снег, мимо ХРУПКОЙ ДОГОВОРЕННОСТИ О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ. Снегопад усилился, а перчатки он забыл дома.

А чем это ты там занимался, Джордж?

Щелк — сработал прерыватель.

К тому времени, когда он добрался до автобусной остановки, все происшедшее вполне могло показаться ему случаем из газетной хроники, о котором он где-то читал. И не более того.

Улица Крестоллин, Запад, была длинной и извилистой. Спускаясь по ней вниз, можно было наслаждаться великолепными видами парка и реки, пока взгляд не наткнулся на новые многоэтажные дома. Два года назад их построили на авеню Уэстфилд, и они закрыли большую часть вида.

№1241 представлял собой двухэтажный фермерский дом, с одним гаражом. Перед домом была большая лужайка — кусок голой земли в ожидании снега, настоящего снега. Подъездная дорога была покрыта асфальтом, подновленным прошлой весной.

Он вошел в дом и услышал, как работает телевизор — новая кабинетная модель фирмы «Зенит», купленная этим летом. На крыше была снабженная моторчиком антенна — он установил ее сам. Она была против — из-за того, что должно было случиться, но он настоял на своем. Если ее можно установить, то почему бы не снять и не взять ее с собой, когда придется переезжать? Барт, не глупи. Это просто лишняя трата денег... лишняя работа для тебя. Но он продолжал настаивать, и в конце концов она сказала, что готова *ублажить* его. Именно так она и говорила в тех редких случаях, когда что-то настолько захватывало его воображение, что ему удавалось протащить свою затею сквозь липкую патоку ее аргументов. Ну да ладно, Барт. Так и быть, на этот раз я тебя *ублажу*.

В настоящий момент она наблюдала за разговором Мерва Гриффина со знаменитостью. Знаменитостью на этот раз был Лорн Грин, который рассказывал о своем

новом полицейском сериале под названием «Гриф». Лорн говорил Мерву о том, что он в восторге от своей работы на этом шоу. Он подумал, что вскоре на экран должна вылезти какая-нибудь никому не ведомая негритянская певичка и спеть песенку. Что-нибудь вроде: «Я оставила свое сердце в Сан-Франциско».

— Привет, Мэри, — сказал он.

— Привет, Барт.

На столе была свежая почта. Он бегло просмотрел ее. Письмо Мэри от ее слегка ненормальной сестры из Балтимора. Счет за кредитную карточку «Гаф» — тридцать восемь долларов. Информация о чековом свете: в графе «дебет» — 49 пунктов, в графе «кредит» — 9, баланс — 954 доллара 47 центов. Хорошо, что в оружейном магазине он воспользовался «Американ Экспресс».

— Кофе горячий, — сказала Мэри. — Или ты хочешь чего-нибудь выпить?

— Выпью, пожалуй, — сказал он. — Сиди, я сделаю себе сам.

Еще три конверта: извещение из библиотеки с просьбой сдать просроченную книгу. «Лицом к лицу со львами» Тома Уикера. Уикер выступал в шоу «Ротари Ланчен» с месяц тому назад, и он оказался самым удачным собеседником за долгие годы.

Письмо от Стивена Орднера, занимающего важный пост в «Амроко» — корпорации, которая почти полностью поглотила «Блу Риббон». Орднер просил его зайти, чтобы обсудить уотерфордскую сделку — подойдет ли пятница, или же он собирается уехать на День Благодарения? Если да, то пусть позвонит. Если нет, то пусть приводит с собой Мэри. Карла всегда рада возможности повидаться с Мэри и вдоволь посплетничать и так далее и тому подобное...

И еще одно письмо от управления дорожного строительства.

Он долго смотрел на него в тусклом послеполуденном свете, едва проникающем через окна, а потом положил

всю почту на буфет. Он сделал себе виски со льдом и пошел со стаканом в гостиную.

Мерв все еще продолжал свою болтовню с Лорном. Цвета нового «Зенита» были не просто великолепны — они обладали чуть ли не магическим действием. Если да, то пусть позвонит. Если наши межконтинентальные баллистические ракеты так же хороши, как и наши цветные телевизоры, — подумал он, — то в один прекрасный день должно здорово рвануть. Волосы Лорна были серебряными — самого немыслимого оттенка. *Парень, я сдеру с тебя скальп*, — подумал он и тихонько засмеялся. Это была самая любимая из фраз его матери. Трудно было сказать, почему мысль о скальпировании Лорна Грина показалась ему такой забавной. Возможно, просто легкий приступ запоздалой истерии после посещения оружейного магазина.

Мэри с улыбкой посмотрела на него. — Что-нибудь смешное?

— Да нет, ничего, — сказал он. — Это я так, о своем.

Он сел рядом с ней и клюнул ее в щеку. Она была высокой женщиной тридцати восьми лет — в том самом кризисном возрасте, когда ранняя миловидность решает, чем же ей становиться в среднем возрасте. У нее была очень хорошая кожа. Грудь была маленькой и, судя по всему, не собиралась отвисать. Она много ела, но безукоризненно отлаженный обмен веществ помогал ей оставаться стройной. Даже через десять лет она вряд ли испугалась бы появиться в купальнике на пляже, независимо от того, как боги решат распорядиться ее внешностью. Это навело его на мысли о своем больном животе. Эй, Фредди, у каждого руководителя должен быть свой эркер¹. Это символ успеха, наподобие «Дельты-88». Точно, Джордж. Присматривай за старым будильником, держись подальше от раковых палочек, и ты еще разменяешь свой девятый десяток.

¹ Игра слов. Bay window имеет два значения: эркер, окно-«фонарь», но также и живот, брюхо — прим. перев.

- Как сегодня шли дела? — спросила она.
- Хорошо.
- Ты ездил на этот новый завод в Уотерфорде?
- Сегодня нет.

Он не был в Уотерфорде с конца октября. Орднер знал об этом — должно быть, птичка напела ему на ухо, — поэтому и прислал письмо. Новая прачечная должна была разместиться в помещении бездействующей текстильной фабрики, и оборотистый торговец недвижимостью, проворачивающий эту сделку, постоянно звонил ему. Надо поскорее обстричь это дельце, — долдонил ему в уши оборотистый торговец. Вы, ребята, не единственные люди в западной части, кому пальцы прищемило дверью. Быстрее у меня не получается, я и так стараюсь изо всех сил, — отвечал он оборотистому торговцу. Вам надо запастись терпением.

— А как насчет того места в Кресенте? — спросила она. — Я имею в виду этот кирпичный дом.

— Это нам не по карману, — сказал он. — Они запросили сорок восемь тысяч.

— За эту дыру? — переспросила она возмущенно. — Да это просто грабители с большой дороги.

— Точно. — Он сделал изрядный глоток виски. — Что пишет старуха Би из Балтимора?

— Все как обычно. Занимается в группе гидротерапии для поднятия уровня самосознания. Ну не смешно ли? Барт...

— Да уж точно, — быстро ответил он.

— Барт, надо предпринять какие-то действия. Двадцатое января уже на носу, и нас выбросят на улицу.

— Я и так стараюсь изо всех сил, — сказал он. — Мы просто должны запастись терпением.

— Этот маленький домик в колониальном стиле на улице Юнион...

— Продан, — сказал он и осушил стакан.

— Вот об этом-то я и толкую, — сказала она раздраженно. — Это было бы идеальное место для нас двоих. С теми деньгами, которые город нам выплачи-

вает за дом и участок, мы запросто могли бы купить этот дом.

— Мне он не понравился.

— Тебе вообще что-то в последнее время ничего не нравится, — сказала она с неожиданной горечью. — Ему, видите ли, не нравится, — пожаловалась она телевизору. На экране уже вовсю распевала негритянка.

— Мэри, я делаю, что могу.

Она повернулась и посмотрела на него долгим взглядом. — Барт, я знаю, как ты привязан к этому дому...

— Нет, ты не знаешь этого, — ответил он.

21 ноября, 1973

Легкая снежная пена покрыла за ночь весь мир, и когда двери автобуса с пыхтением открылись и он вышел на тротуар, повсюду были видны следы людей, побывавших здесь до него. Он завернул за угол и пошел вниз по улице Фер. Сзади до него донеслось тигриное мурлыканье тронувшегося с места автобуса. Потом мимо проехал Джонни Уокер, объезжающий клиентов уже по второму кругу. Джонни махнул ему из кабины принадлежащего прачечной бело-голубого фургона, и он махнул в ответ. Было самое начало девятого.

Рабочий день прачечной начинался в семь, когда Рон Стоун, управляющий, и Дэйв Реднер, который командовал в мойке, приходили, чтобы поднять давление в котле. Прачки прибегали в семь тридцать, а девушки из гладильной — в восемь. Он ненавидел подвальные помещения прачечной, где день за днем продолжалась тяжелая, изнуряющая работа, но парадоксальным образом работающие там мужчины и женщины любили его. Они называли его по имени. За некоторыми исключениями, они ему тоже нравились.

Он вошел через грузовой вход и двинулся вдоль корзин с простынями, которые не успели прогладить вчера вечером. На каждую корзину был плотно натянут целлофан, чтобы внутрь не попала ни одна пылинка. Чуть дальше Рон Стоун укреплял приводной ремень на старом «Милноре», а Дейв и его помощник, вылетевший из колледжа

парень по имени Став Поллак, загружали в стиральные машины простыни из мотеля.

— Барт! — приветственно крикнул ему Рон Стоун. Он не мог не кричать — тридцать лет разговоров с людьми в постоянном грохоте сушильных, гладильных и стиральных машин превратили крик в норму. — Этот сукин сын «Милнор» все заедает и заедает. Давно уже пора отбеливать, и Дейву приходится управлять этой штукой вручную. И с отжимкой сплошные неполадки.

— Мы получили килгаллонский заказ, — сказал он успокаивающе. — Еще два месяца...

— На уотерфордском заводе?

— Ну да, — сказал он, чувствуя легкое головокружение.

— Еще два месяца, и у меня мозги отсохнут, — мрачно сказал Стоун. — А тут еще переключать эту дрянь... да это хуже, чем управлять парадом польской армии.

— Со временем заказы уменьшатся, надо полагать.

— Уменьшатся? Да мы не разгребем эту гору и за три месяца. А тогда уже лето наступит.

Он кивнул, не желая продолжать этот разговор. — Кого вы обслуживаете первым?

— При каждой загрузке кладите сто фунтов полотенец. Вы знаете, как они всегда жалуются, что полотенце не хватает.

— Ну да, они на все жалуются.

— Сколько у вас?

— На приемке указали шесть сотен. В основном от Шрайнеров. Большая часть заказа осталась на понедельник. Таких грязных простынь я не видел за всю свою жизнь. Некоторые могут стоять в вертикальном положении.

Он кивнул на новичка — Поллака. — Как он тут справляется? — Помощники в «Блу Риббон» менялись постоянно. Дейв нагружал их работой выше крыши, а от воплей Рона они сначала начинали нервничать, а потом возмущаться.

— Пока все в порядке, — сказал Стоун. — Помнишь последнего?

Он помнил. Паренек продержался три часа.

— Да, помню. Как его звали?

Рон Стоун сдвинул брови. «Черт его знает. Бейкер? Баркер? Что-то в этом роде. Я тут его встретил в прошлую пятницу — он раздавал листовки, что-то по поводу коммунизма и уничтожения денег. Здорово, правда? Парень не может удержаться на рабочем месте, и вот он отправляется рассказывать всем подряд, как это плохо, что Америка не может стать такой же, как Россия. Это просто разбивает мне сердце».

— Загрузите потом Говарда Джонсона, хорошо?

Лицо Стоуна приняло обиженное выражение. — Мы всегда обслуживаем его в первую очередь.

— К девяти?

— Клянусь твоей задницей.

Дейв махнул ему, и он помахал в ответ. Потом он двинулся наверх, в свой кабинет, минуя по дороге химчистку и бухгалтерию. В кабинете он устроился за письменным столом на вращающемся стуле и пододвинул к себе коробку со свежей корреспонденцией. На столе у него стояла табличка с надписью следующего содержания:

ПОДУМАЙ!

Это может оказаться для тебя внове

К табличке этой он относился с полным равнодушием, но не выбрасывал ее, потому что это был подарок Мэри. Когда она подарила ему эту штуку? Пять лет назад? Он вздохнул. Коммивояжерам, заходившим в этот кабинет, табличка казалась забавной. Они гоготали над ней во всю глотку. Впрочем, если коммивояжеру показать изображение голодающих детей или Гитлера, совокупляющегося с Девой Марией, то он и тогда будет гоготать во всю глотку.

У Винни Мэйсона, той самой маленькой птички, которая, без сомнения, щебетала на ушко Стиву Орднеру, на письменном столе была другая табличка:

ПОДУРАЙ!

Что это вообще могло означать — ПОДУРАЙ? По-моему, даже коммивояжер над этим не засмеется, верно, Фред? Верно, Джордж, ты как всегда прав. С улицы донесся мощный грохот дизельных двигателей, и он повернулся на стуле, чтобы посмотреть, что там такое. Дорожные строители были готовы к началу очередного рабочего дня. Огромная платформа с двумя бульдозерами проезжала мимо прачечной. За ней двигался хвост потеврявших всякое терпение легковушек.

С третьего этажа, расположенного над химчисткой, можно было наблюдать за ходом дорожного строительства. Дорога шла через жилые и деловые районы западной части города, словно длинный коричневый надрез, свежий операционный шрам, обработанный лечебной грязью. Она уже пересекла улицу Гилдер и похоронила под собой сквер на авеню Хебнер, куда он часто водил гулять Чарли, когда тот еще был малышом... чуть ли не грудным ребенком, ей-богу. Как назывался этот сквер? Он не помнил. Скорее всего просто-напросто сквер на авеню Хебнер — так мне кажется, Фред. Там была небольшая бейсбольная площадка, несколько качелей и пруд с утками и маленькой хижиной посередке. Летом крыша хижины всегда была покрыта птичьим дерьмом. В сквере на авеню Хебнер Чарли в первый раз в жизни узнал, что значит качаться на качелях. Что ты можешь сказать по этому поводу, Фредди, старый козел, носок дырявый. Испугался он сначала и заплакал, а потом понравилось, и когда пришло время идти домой, он снова заплакал, но на этот раз потому что я его снял. Пока ехали домой, промочил себе все штаны, а заодно и все сиденье. Неужели это действительно было четырнадцать лет назад?

Мимо проехала еще одна платформа, на которой был установлен асфальтоукладчик.

Гарсонский квартал был уничтожен около четырех месяцев назад — он был расположен в трех или четырех

кварталах к западу от авеню Хебнер. Парочка-другая зданий, в которых нашли себе приют множество ссудных компаний и один-два банка, не считая дантистов, хиромантов и докторов по болезням ног. Всей этой ерунды было не особенно жаль, но, Господи, как больно было смотреть на разрушение старого кинотеатра. В начале пятидесятых он посмотрел там некоторые из своих любимых фильмов. «Наберите «М» в случае убийства» с Рэем Милландом. «День, когда на земле было все спокойно» с Майклом Рэнни. Этот как раз вчера вечером показывали по телевизору, и он собирался пересмотреть его, но уснул перед гребаным экраном и так и не проснулся до самого национального гимна. К тому же, он пролил молоко на ковер, и Мэри отреагировала на это без особой радости.

И все-таки старый кинотеатр — это было что-то. Теперь появились эти новомодные кинотеатры в предместьях — небольшие шикарные здания, вокруг которых мили на четыре тянется автостоянка. Кинотеатр №1, Кинотеатр №2, Кинотеатр №3, Просмотровый зал, Кинотеатр MCMXLVII. Он сводил как-то Молли в одно из таких заведений в Уотерфорде посмотреть «Крестного Отца», и билеты стоили по два пятьдесят за штуку, а внутри все выглядело как в кегельбане. Балкона, конечно, тоже не было. А в старом кинотеатре был и мраморный пол в вестибюле, и балкон, и древний, чудесный, запачканный жиром попкорновый автомат, где большой пакет можно было купить за полцента. Человек, надрывавший ваш билет (который стоил вам шестьдесят центов), носил красную форму, как у швейцара, а лет ему было по меньшей мере за шестьсот. И он всегда прокаркивал одну и ту же фразу. «Надеюсь, картина вам пондравится». Сам зал был огромным и темным, а в воздухе витал запах пыльного бархата. Когда вы садились на свое место, то колени не упирались в спинку следующего стула. А над головой висела громадная стеклянная люстра. Никто не хотел под ней садиться, потому что если бы она упала, отскребать вас

пришлось бы шпателем. Да, старый кинотеатр действительно был...

Он виновато взглянул на наручные часы. Прошло уже почти сорок минут. Господи, вот уж действительно невеселые новости. Он только что потерял сорок минут, а ведь даже нельзя сказать, что он много о чем успел подумать за это время. Так только, о парке и о старом кинотеатре.

Скажи, Джорджи, у тебя что-то не ладится, что-нибудь не так?

Очень может статься, Фред. Такое чувство, что, может быть, ты и прав.

Он провел пальцами по щеке и, ощутив влагу на лице, понял, что плакал.

Он спустился вниз, чтобы поговорить с Питером, который отвечал за доставку белья клиентам. Прачечная уже вошла в рабочий ритм: гладильная машина застучала и зашипела, принимая в свое чрево первую из простыней Говарда Джонсона, стиральные машины ритмично шумели, заставляя пол вибрировать, рубашечные прессы, подгоняемые Этель и Рондой, издавали звук *хиссссссух!*

Питер сказал ему, что заказ универсального магазина уже погрузили на четвертый грузовик, и спросил, не хочет ли он взглянуть на него перед отправкой. Он ответил, что, пожалуй, не стоит. Он спросил у Питера, отправились ли первые партии в «Холидей Инн». Тот ответил, что их уже погрузили и что тупой осел, управляющий этой гостиницей, уже успел два раза позвонить и справиться насчет полотенец.

Он кивнул и снова отправился наверх на поиски Винни Мэйсона, но Филлис сказала, что Винни и Том Гренджер в новом немецком ресторанчике ведут переговоры по поводу скатертей.

— Пожалуйста, задержите для меня Винни, когда он вернется.

— Обязательно, мистер Доуз. Мистер Орднер звонил и спрашивал, перезвоните ли вы ему сегодня.

— Спасибо, Филлис.

Он вернулся в кабинет, достал из коробки новую корреспонденцию и бегло просмотрел ее.

Коммивояжер просился на прием по поводу нового отбеливателя «Йеллоу-Гоу». Интересно, как это им удастся придумывать такие названия, — удивился он и отложил записку для Рона Стоуна. Рон обожал навязывать Дейву всевозможные новинки, особенно, если удавалось выпросить бесплатно фунтов пятьсот нового продукта для проведения испытаний.

Благодарственное письмо от Объединенного Фонда. Он отложил его, чтобы приколоть на доску объявлений внизу у часов.

Рекламный проспект офисной мебели из магазина «Все, что нужно для руководителя». В корзину.

Рекламный проспект «Телефонного Друга», который может передавать сообщение и записывать информацию объемом до тридцати секунд, когда вас нет поблизости. *Меня здесь нет, дуралей. Повесь трубку.* В корзину.

Письмо от леди, которая сдала в прачечную шесть рубашек своего мужа и получила их обратно с прожженными воротничками. Он со вздохом отложил его в сторону, чтобы заняться этим позднее. Судя по всему, Этель опять пропустила стаканчик во время ленча.

Посылка из университета с индикаторами для проверки качества воды. Он отложил ее в сторону, чтобы заняться этим после ленча с Роном и Томом Гренджером.

Рекламный проспект рекламной компании с вложенным письмом, в котором подробно объяснялось, как получить задаром восемьдесят тысяч долларов, причем все что нужно для этого сделать — это умереть. В корзину.

Письмо от оборотистого торговца недвижимостью, продающего уотерфордский завод, в котором он считает своим долгом проинформировать, что одна компания по производству обуви очень этим заводом заинтересовалась, и не какая-нибудь там мелкая лавочка, а компания «Том МакАн», а также напомнить, что девятистодневный срок исключительного права покупки для «Блу Риббон»

истекает двадцать шестого ноября. *Берегись, ничтожный владелец прачечной. Приближается час расплаты. В корзину.*

Еще один коммивояжер для Рона. Этот пытается сбыть средство для химической чистки с сомнительным названием «Суайп». Он отложил его к «Йеллоу-Гоу».

Он уже собрался было повернуться к окну, но в этот момент зажуужал интерком. Винни вернулся из немецкого рестораника.

— Пришлите его ко мне.

Тут же появился Винни. Это был высокий молодой человек двадцати пяти лет с оливковым цветом лица. Как обычно, его темные волосы были уложены в тщательно организованном беспорядке. На нем были темно-красная спортивная куртка и темно-коричневые брюки. В довершение всего — галстук-бабочка. Что скажешь, Фред? Помоему, парень — настоящий щеголь. Да, Джорджи, мне тоже так кажется.

— Как поживаешь, Барт? — спросил Винни.

— Прекрасно, — ответил он. — Что там за история с этим немецким рестораном?

Винни засмеялся. — Жаль, что тебя там не было. Этот старый бош чуть в ножки нам не повалился, настолько он был рад, что мы к нему приехали. Знаешь, Барт, когда мы переедем в этот завод, «Универсальная чистка» будет просто уничтожена. Представляешь, они даже не послали ему рекламный проспект, не говоря уже о представителе фирмы. Этот бош, похоже, думал, что скатерти придется стирать на кухне. Но, доложу я тебе, у него там и местечко! Ты просто не поверишь. Настоящий пивной зал. Всех конкурентов он просто уничтожит. А запах... Господи ты Боже мой! — Он сделал несколько загадочных жестов руками, чтобы изобразить запах, и вынул пачку сигарет из внутреннего кармана спортивной куртки. — Когда он откроется, я собираюсь сводить туда Шэрон. У меня десятипроцентная скидка».

В результате странного эффекта наложения он услышал голос Гарри, владельца оружейного магазина: *Тем,*

у кого покупок больше, чем на триста долларов, мы предоставляем десятипроцентную скидку.

Господи, — подумал он. — Неужели я действительно купил вчера это оружие? Неужели это правда?

В одной из комнат его сознания отключили свет.

Эй, Джорджи, что это ты...

— Каков объем заказа? — спросил он. Голос его звучал немного хриловато, и ему пришлось прочистить горло.

— Когда он откроется — от четырех до шести сотен скатертей в неделю. Плюс салфетки. Все из настоящего полотна. Он хочет, чтобы они имели оттенок «белоснежная слоновая кость». Я сказал: никаких проблем.

Винни полез за сигаретой и медленно достал ее из пачки. Он успел прочитать название. Кое-что в Винни Мэйсоне вызывало его глубокую антипатию — дерьмовые сигареты, которые он курил. Надпись на коробке гласила:

ЗАЛИХВАТСКИЙ МАТРОС СИГАРЕТЫ СРЕДНЕЙ СИЛЫ

Кто на свете, кроме Винни, стал бы курить «Залихватского матроса»? Или «Короля Сано»? Или «Английские овальные»? Или тому подобную дрянь? Если бы кто-нибудь выпустил новый сорт под названием «Дерьмо на палочке» или «Почерневшее легкое», Винни обязательно стал бы их курить.

— Я сказал ему, что нам придется обслуживать его в течение двух дней, пока мы не переключимся на новый режим работы, — сказал Винни, дав ему возможность напоследок вдоволь налюбоваться пачкой сигарет и убирая ее в карман. — Я имею в виду, пока мы не переедем в Уотерфорд.

— Именно об этом я и хотел с тобой поговорить, — сказал он. Уничтожить его, Фред? Конечно, покажи ему, где раки зимуют, Джордж.

— Вот как? — Он щелкнул удлиненной золотой «Зиппо» и закурил. Выдохнув облако дыма, он поднял брови, словно английский характерный актер.

— Я получил вчера письмо от Стива Орднера. Он хочет, чтобы я зашел к нему в пятницу вечером поговорить об уотерфордском заводе.

— Да?

— Этим утром, пока я внизу разговаривал с Питером Вассерманом, Стив Орднер звонил мне. Мистер Орднер хотел, чтобы я ему перезвонил. Похоже на то, что ему ужасно не терпится о чем-то узнать, а?

— Вполне возможно, — сказал Винни, озарив свое лицо улыбкой №2: *Влажное покрытие, двигайтесь с осторожностью.*

— Так вот, мне хотелось бы узнать, кто это сделал мистера Орднера в одночасье таким нетерпеливым? Вот что мне хотелось бы узнать.

— Ну...

— Да брось ты, Винни. Кончай изображать из себя застенчивую горничную. Сейчас уже десять часов утра, а я еще должен поговорить с Орднером, я должен поговорить с Роном Стоуном, я должен поговорить с Этель Гиббс по поводу прожженных воротничков. Признавайся, ты ковырялся у меня в носу, когда я отвел глаза в сторону?

— Ну, мы с Шэрон были воскресным вечером у Сти... у мистера Орднера на обеде...

— И ты чисто случайно упомянул, что Барт Доуз почему-то медлит с Уотерфордом, а ведь новый участок 784-й автостреды придвигается все ближе и ближе, не так ли?

— Барт! — протестующе воскликнул Винни. — Это была дружеская беседа. Все это было...

— Ну, конечно, никто в этом и не сомневался. Его маленькая записка с приглашением также была очень дружеской. Уверен, что и наш коротенький телефонный разговор также оказался бы очень дружеским. Но дело-то не в этом. Дело в том, что он пригласил тебя и твою

жену на обед в надежде на то, что ты сболтнешь что-нибудь важное, и у него нет никаких причин для разочарования.

— Барт...

Он прицелился в Винни указательным пальцем. — Винни, слушай меня внимательно. Если ты еще хоть раз вот так насрешь у меня на ковре в гостиной, тебе придется подыскивать себе новую работу. Имей это в виду.

Винни был потрясен. Он совсем позабыл про сигарету, которая медленно догорала у него между пальцев.

— Винни, я хочу тебе кое-что объяснить, — сказал он, возвращаясь к нормальному тону. — Я знаю, что любой молодой человек твоего возраста успел прослушать от пожилых людей моего возраста вплоть до шести тысяч лекций на тему о том, как пожилым людям моего возраста приходилось завоевывать мир, когда они были в твоем возрасте. Но эту лекцию ты заработал, как пить дать.

Винни открыл рот, чтобы возразить.

— Я не хочу, конечно, сказать, что ты вонзил мне в спину нож, — сказал он, жестом остановив протесты Винни. — Если бы я так считал, то уведомление о твоём увольнении лежало бы у меня на столе еще до того, как ты сюда вошел. Ты просто вел себя как последний дурак. Ты попал в большой дом и выпил три бокала за обедом, а потом подали суп и салат и всякие вкусные разности, и прислуживала вам за столом горничная в черной форме, а Карла играла роль хозяйки поместья, но без малейших признаков снисходительности, а на десерт вас угощали земляничным тортом или черничным пирогом со взбитыми сливками, а потом подали кофе с бренди, и ты распахнул им всю свою душу. Ну что, признайся, так все это и происходило?

— Вроде того, — прошептал Винни. Три пятых его лица выражали стыд, а две пятых — упрямую ненависть.

— Он начал с того, что спросил, как там поживает Барт. Ты сказал, что Барт в полном порядке. Он сказал,

что Барт — чертовски классный парень, но не станет ли он еще лучше, если будет чуточку побыстрее шевелить ушами в уотерфордской сделке. Ты сказал, что, конечно, станет. Тогда он сказал, кстати говоря, раз уж к слову пришлось, а как там продвигаются у вас дела? Ты ответил, что вообще-то это не относится к твоей сфере деятельности, а он сказал, да ладно, чего уж там, Винсент, уж кто-кто, а ты-то должен быть в курсе всех дел. И ты сказал, что Барт еще сделку не заключил, и ты слышал, что люди Тома МакАна интересуются этим местом, но, может быть, это просто слухи. Тогда он сказал, что уверен в том, что Барт знает, что делает, а ты ответил да-а, это уж точно, и вы выпили еще по чашечке кофе с бренди, и он спросил тебя, думаешь ли ты, что «Мустанги» победят в серии «плей-офф», а потом вы с Шэрон отправились домой, получив приглашение зайти еще раз, так, Винни?

Винни ничего не ответил.

— И ты отправишься к нему на обед, когда Стиву Орднеру в очередной раз понадобится твой донос.

— Простите меня, — угрюмо сказал Винни и начал было подниматься.

— Я еще не кончил.

Винни снова сел и уставился в угол комнаты тлеющим от ярости взглядом.

— Двенадцать лет назад я занимал твою должность, ты знаешь об этом? Двенадцать лет — тебе это, наверное, покажется большим сроком. Что же касается меня, то я едва ли смогу ответить, куда эти годы подевались. Но я помню эту работу достаточно, чтобы знать, что она тебе нравится. И что ты хорошо с ней справляешься. Реорганизация химчистки и введение новой системы нумерации заказов — это был настоящий шедевр.

Винни уставился на него в изумлении.

— Я начал работать в прачечной двадцать лет назад, — сказал он. — В 1953 году мне было двадцать лет. Мы с Мэри только что поженились. Я два года учился на бизнес-курсах, и мы с Мэри собирались подождать, но, видишь ли, в качестве противозачаточного средства

мы использовали прерванный половой акт. И вот мы занимались любовью, а кто-то внизу хлопнул дверью, и этот звук вызвал у меня немедленный оргазм. Мэри забеременела. Так что каждый раз, когда я чувствую себя довольным собой, я просто напоминаю себе, что всю мою судьбу определила одна захлопнутая дверь. Это унижительно, и это волей-неволей воспитывает в тебе смирение. В те дни не было никаких послаблений в законе об абортах. Если девчонка от тебя забеременела, то ты либо женишься на ней, либо сбегаешь от нее. Третьего не дано. Я женился на ней и поступил на первую же работу, которую удалось найти, то есть сюда. Я был помощником в мойке, то есть занимался тем же самым, что делает парень по фамилии Поллак вот в эту самую минуту. В те времена все операции выполнялись вручную, и мокрое белье приходилось вынимать из стиральных машин и закладывать в огромный выжиматель фирмы «Стонингтон», в который влезало пятьсот фунтов белья. А если ты загрузил белье неправильно, тебе запросто могло отхватить ступню. На седьмом месяце Мэри потеряла ребенка, и доктор сказал, что она никогда уже не сможет иметь детей. Я работал помощником в течение трех лет и за пятьдесят пять рабочих часов в неделю получал в среднем пятьдесят пять долларов. Потом Ральф Албертсон, бывший в те времена начальником мойки, попал в какую-то пустячную аварию и умер от сердечного приступа во время спора с другим пострадавшим водителем. Он был отличным парнем. В день его похорон вся прачечная была закрыта. После того как его подобающим образом похоронили, я пошел к Рэю Таркингтону и попросил, чтобы меня назначили на освободившееся место. Я был уверен, что получу его. Благодаря Ральфу я знал о стирке все.

— В те времена, Винни, прачечная была семейным бизнесом. Она принадлежала Рэю и его папаше, Дону Таркингтону. А Дон получил ее в наследство от своего отца, который основал «Блу Риббон» в 1926 году. Рабочего профсоюза в прачечной не было, и, пожалуй, ребята

из рабочего движения сказали бы, что все три Таркингтона были патерналистскими эксплуататорами необразованных рабочих и работниц. Именно так дело и обстояло в действительности. Но когда Бетти Кизон поскользнулась на влажном полу и сломала себе руку, Таркингтоны оплатили счет за лечение и выплачивали ей десять долларов на еду каждую неделю до тех пор, пока она не смогла вернуться на работу. А на каждое Рождество они устраивали сногшибательный обед в приемочной — никогда за всю свою жизнь я больше не ел таких вкусных пирогов с курятиной, а ежевичное желе, и рулеты, и шоколад на любой вкус, и пудинги с миндалем и изюмом на десерт. Дон и Рэй дарили на Рождество каждой женщине по паре сережек, а каждому мужчине — новый модный галстук. У меня дома в шкафу для одежды все еще висят мои девять галстуков. Когда Дон Таркингтон умер в 1959 году, я надел один из них на его похороны. Он давно уже вышел из моды, и Мэри меня ругала на чем свет стоит, но я все равно его надел. В помещениях было темно, часы тянулись медленно, и работа была нудной и тяжелой, но ты чувствовал, что людям есть до тебя дело. Если ломался выжиматель, Дон и Рэй немедленно спускались вниз вместе с остальными и, закатав рукава своих белых сорочек, выжимали простыни вручную. Вот чем был семейный бизнес, Винни. Что-то в это роде.

Так вот, когда Ральф умер, а Рэй Таркингтон сказал, что он уже нанял парня со стороны на должность начальника мойки, то я просто не мог понять, что это такое происходит. А Рэй и говорит: я и мой отец хотим, чтобы ты вернулся в колледж. А я говорю: здорово, конечно, только на какие шиши? Может быть, на автобусные билетки? А он вручает мне чек на две тысячи долларов. Я смотрю на этот чек и глазам своим не верю. Спрашиваю его, что это такое. А он отвечает, что этого, конечно, недостаточно, но хватит на комнату, книги и плату за обучение. А остальное заработаешь здесь, во время летних каникул, о'кей? А я спрашиваю: существует ли способ

вас отблагодарить? А он говорит: да, три способа. Первый — вернуть этот заем. Второй — выплатить по нему проценты. Третий — принести обратно в «Блу Риббон» все то, чему ты научишься. Я взял чек домой и показал его Мэри, и она расплакалась. Просто закрыла лицо руками и расплакалась.

Взгляд Винни был исполнен искреннего изумления.

— Итак в 1955 году я вернулся в колледж и получил степень в 1957-ом. Я вернулся в прачечную, и Рэй поставил меня руководить водителями. Девяносто долларов в неделю. Когда я заплатил первый взнос в счет погашения долга, я спросил у Рэя, какой он назначит процент. Он говорит: один процент. Я говорю: *Что?* Он говорит: то, что слышал. Что ты тут стоишь? У тебя что, заняться что ли нечем? Я говорю: отчего же, есть чем, поеду-ка я в город и привезу сюда доктора, чтобы он проверил, все ли в порядке у вас с головой. Рэй расхохотался во всю глотку и велел мне убираться к чертовой матери из его кабинета. Я полностью вернул долг в 1960 году, и знаешь, что случилось потом, Винни? Рэй подарил мне часы. Вот эти часы.

Он расстегнул застёжку и протянул Винни часы фирмы «Булова» с золотым растягивающимся браслетом.

— Он сказал мне, чтобы я считал это подарком по поводу окончания колледжа. За возможность получить образование я заплатил всего лишь двадцать долларов процентов, а этот сукин сын еще вдобавок подарил мне часы за восемьдесят. Там на крышке выгравировано: *С наилучшими пожеланиями от Дона и Рэя, прачечная «Блу Риббон»*. А Дон тогда уже год как лежал в могиле.

— В 1963 году Рэй поставил меня на твоё нынешнее место. Я присматривал за химчисткой, вел переговоры с новыми клиентами и следил за автоматическими линиями, только в те времена их было не одиннадцать, а всего лишь пять. На этой работе я оставался до 1967 года, а потом Рэй назначил меня сюда. Потом, четыре года спустя, ему пришлось продать своё дело. Ты знаешь об этом, как эти гнусные ублюдки выжали из него все соки.

Это превратило его в старика. Так что теперь мы являемся частью корпорации, у которой еще пара дюжин таких филиалов, исправно пекущих горячие пирожки — закусочные, поле для гольфа, три универсальных магазина, торгующих по сниженным ценам, бензозаправочные станции и прочее дерьмо. А Стив Орднер — что-то вроде почетного надсмотрщика над всем этим, и не более того. Где-то в Чикаго или Гэри заседает совет директоров, который тратит на «Блу Риббон» не более пятнадцати минут в неделю. Они срали на то, как функционирует прачечная. Они ни хрена об этом не знают. Единственное, что они знают, — это как читать финансовый отчет главного бухгалтера. А бухгалтер и говорит им: слушайте, они строят новый участок 784-й автострады в западной части города, и «Блу Риббон» стоит как раз на пути, вместе с половиной жилых кварталов. А директора спрашивают: вот как, неужели, и сколько же они заплатят нам в счет компенсации за нашу собственность? Вот, собственно говоря, и все. Господи, да если бы Дон и Рэй Таркингтоны были бы живы, они бы затаскали по судам этих дешевых пердунов из дорожного департамента и вывалили бы им на голову столько судебных постановлений, что они не выбрались бы из-под них и до двухтысячного года. Уж они бы сумели постоять за себя с хорошей крепкой палкой в руках. Может быть, они и были парой алчных патерналистических ублюдков, Винни, но у них было чувство *места*. О таком не узнаешь по финансовому отчету. Да если бы они были живы и кто-нибудь сказал бы им, что управление дорожного строительства собирается похоронить прачечную под восемью слоями дорожного покрытия, раздался бы такой рев, что у самой ратуши было бы слышно.

— Но они мертвы, — сказал Винни.

— Да, они мертвы, это уж точно. — Он внезапно почувствовал, что ум его расплылся и расстроился, как гитара в руках у непрофессионала. Что-то важное, что он собирался сказать Винни, потонуло в хаосе личных вос-

поминаний. Ты только взгляни на него, Фредди, он понять не может, о чем это я толкую. Никак не может разобраться, что к чему. — Слава Богу, что они избавлены от этого зрелища.

Винни ничего не сказал.

Усилием воли он попытался сосредоточиться. — Видишь ли, Винни, я вот что пытаюсь тебе сказать. В этом деле замешаны две группы людей. Такие как мы и такие как они. Мы — люди из прачечной. И это наше дело. Они — бухгалтеры и директора, которых интересуют издержки и себестоимость. И это *их* дело. Они сверху присылают нам всякие распоряжения, и мы должны их выполнять. Выполнять — да, но *не более того*. Ты меня понимаешь?

— Разумеется, Барт, — сказал Винни, но было заметно, что он не понял ни одного слова. Он и сам не был уверен, что понимает самого себя.

— Ну ладно, — сказал он. — Я поговорю с Орднером. И прими к сведению, Винни, уотерфордский завод можно считать уже нашим. Я заключаю сделку в следующий вторник.

Винни облегченно расплылся в улыбке. — Господи, вот это класс!

— Да. Все под контролем.

Когда Винни направился к двери, он бросил ему вслед:

— Расскажешь мне потом, как там в этом немецком ресторанчике, о'кей?

Винни Мэйсон улыбнулся в ответ своей улыбкой №1 — зубастой, ослепительной, всепобеждающей. — Разумеется, расскажу, Барт.

Потом Винни ушел, и он уставился в закрывшуюся дверь. Кажется, Фред, я малость свалил дурака. Не знаю, Джордж, по-моему, все было не так уж плохо. Может быть, в самом конце ты немного отпустил тормоза и потерял контроль, но только в книжках люди говорят все правильно с первого раза. Нет, все-таки я облажался. Он вышел из этого кабинета с мыслью о том, что Бартон

Доуз потерял несколько винтиков от своей башки. Господь храни этого юношу, да ведь он прав. Джордж, я хочу кое о чем у тебя спросить, как мужчина мужчину. Нет-нет, не вздумай затыкать мне рот. Скажи, зачем ты купил сорок четвертый «Магнум» и винтовку, из которой можно слона разнести на кусочки? Объясни мне толком, Джордж, какого черта ты это сделал?

Щелк — сработал прерыватель.

Он спустился на один этаж и вручил Рону Стоуну присланные коммивояжерами рекламные проспекты. Уходя, он услышал, как Рон громовым голосом просит Дейва подойти и взглянуть — похоже, что-то в этом есть. Дейв закатил глаза. Что-то в этом действительно было, и это что-то называлось дополнительной работой.

Он поднялся наверх и позвонил Орднеру, надеясь, что тот отлучился на ленч. Но надеждам его не суждено было сбыться — секретарша соединила его немедленно.

— Барт! — сказал Стив Орднер. — Всегда рад с тобой поговорить.

— И я тоже. Я тут недавно поговорил с Винни Мэйсоном, и ему вроде как показалось, что ты немного обеспокоен по поводу уотерфордского завода.

— Господи, вот уж нет. Просто я подумал, что, может быть, вечером в пятницу мы могли бы...

— Да, я, собственно, для того и звоню, чтобы сказать, что Мэри не сможет.

— А что такое?

— Вирус. Она не осмеливается отойти и на пять секунд от ближайшего толчка.

— Бедняжка, как жаль.

Засунь свою жалость себе в жопу, засранец гребаный.

— Доктор прописал ей какие-то таблетки, и она вроде как поправляется. Но кто его знает, вдруг эта штука заразна?

— А ты когда сможешь прийти, Барт? Как насчет восьми?

— Да, в восемь нормально.

Просто отлично, хрен собачий. «Ночной киносеанс по пятницам» катится ко всем чертям. Что ты еще мне заготовил?

— Как продвигается уотерфордская сделка, Барт?

— На эту тему лучше поговорить при личной встрече, Стив.

— Прекрасно. — Еще одна пауза. — Карла посылает самые нежные приветы. И скажи Мэри, что и Карла, и я...

Ну, конечно же, разумеется, кто бы мог сомневаться...

22 ноября, 1973

Просыпаясь, он резко дернулся и сбил подушку на пол. Он испугался, что кричал во сне, но Мэри по-прежнему мирно спала на соседней кровати. Электронные часы на комоде показывали:

4:23 А.М.

Часы со щелчком переключились на следующую минуту. Старуха Би из Балтимора, та самая, которая занималась гидротерапией с целью повышения уровня самосознания, подарила их им на прошлое Рождество. Сами часы не вызывали у него никаких возражений, но он так и не смог притерпеться к щелчку, с которым менялись цифры. 4:23 *щелк*, 4:24 *щелк*, так ведь недолго и с ума сойти.

Он спустился в туалет, включил свет и помочился. Сердце глухо заколотилось у него в груди. В последнее время, когда он мочился, сердце у него начинало стучать, словно басовый барабан. Может быть, ты пытаешься мне что-то сказать, Господь?

Он вернулся и лег в кровать, но сон еще долго не приходил. Спал он беспокойно, метался во сне, и постель превратилась во вражескую территорию. Он не мог с этим ничего поделать. Руки и ноги его, похоже, забыли, какие положения они занимали, когда он спал.

Сон вспомнился довольно легко. И стараться не надо, Фред. Когда человек бодрствует, ему, конечно, легко

проделывать этот фокус с прерывателем. Он с легкостью может разрисовывать картину кусочек за кусочком и делать вид, что не знает, что на ней изображено. Можно попытаться спрятать общую картину в погребе своего ума. Но всегда существует дверца из погреба, и когда ты спишь, то порой она открывается, и что-то выползает из темноты. *Щелк.*

4:42 А.М.

Во сне он вместе с Чарли был на пляже Пирс (любопытно, что когда он рассказывал Винни Мэйсону свою краткую автобиографию, он совсем забыл упомянуть про Чарли — забавно, правда, Фред? Честно говоря, Джордж, мне это не кажется таким уж забавным. Да и мне тоже, Фред. Но сейчас слишком поздно. Или слишком рано. Короче, ты меня понял).

Он с Чарли был на этом длинном белом пляже, и денек выдался подходящий — яркое голубое небо, и солнце сияет, словно одна из этих идиотских пуговок, на которых рисуют улыбающуюся рожицу. Люди лежат на ярких покрывалах под зонтиками самых разных цветов, дети копаются в песке у самой воды со своими ведрышками. Спасатель стоит на белоснежной вышке, кожа у него коричневая, как сапог, а его белые синтетические плавки чуть не рвутся, словно внушительные размеры пениса и яичек — это неременное условие для тех, кто выполняет эту работу, и он хочет показать всем, кто находится поблизости, что условие это выполнено. Чей-то транзистор разрывается от звуков рок-н-ролла, и даже сейчас он смог припомнить мелодию:

*Но я люблю эту грязную воду,
Оууу, Бостон, ты — мой дом.*

Две девушки проходят мимо в бикини, уютно устроившиеся внутри своих красивых тел, словно созданных для траханья, но только не с тобой, а с друзьями, которых

никто никогда не видел, и большие пальцы их ног поднимают крохотные песчаные бури.

И вот что удивительно, Фред, надвигается прилив, а ведь прилива на пляже Пирс не может быть ни при каких обстоятельства, потому что ближайший океан находится в девятистах милях оттуда.

Они с Чарли строят песчаный замок. Но они начали строительство слишком близко от воды, и подступающие волны плещутся все ближе и ближе.

Надо нам было построить его подальше, папа, — говорит Чарли, но он упрямый, и поэтому продолжает строить. Когда прилив подобрался к первой стене, он построил ров, раздвигая пальцами влажный песок, словно вагину. Но вода все прибывала и прибывала.

Проклятье! — завопил он, обращаясь к воде.

Он заново построил стену. Волна смыла ее. Люди по непонятной причине принялись вопить. Некоторые из них побежали. Свисток спасателя заливался пронзительной серебряной трелью. Но он не поднимал глаз. Он должен был спасти замок. Но вода подступала все ближе, лизала его лодыжки, размывала башню, крышу, задние строения, весь замок. И наконец последняя волна отступила, оставив после себя лишь голый песок — гладкий, плоский, коричневый, сверкающий.

Криков больше не было слышно. Кто-то плакал. Он поднял глаза и увидел, что спасатель делает Чарли искусственное дыхание. Чарли был мокрым и белым, лишь его губы и веки были голубыми. Грудь его была абсолютно неподвижна. Спасатель прекратил попытки. Он поднял голову. Он улыбался.

Он был у него прямо над головой, — говорил спасатель сквозь улыбку. — *Вы ведь отошли в это время?*

Он закричал:

— Чарли!

И в этот момент проснулся, испугавшись, что и в самом деле закричал.

Он долго пролежал в темноте, слушая шелканье электронных часов и стараясь не думать о сне. В конце концов

он встал, чтобы налить себе в кухне стакан молока, и лишь увидев блюдо с размораживающейся индейкой на кухонном столе, он вспомнил, что сегодня День Благодарения и прачечная закрыта. Он выпил молоко стоя, задумчиво глядя на оципанную тушку. Цвет кожи индейки был таким же, как цвет кожи его сына во сне. Но Чарли не утонул, в этом нет сомнений.

Когда он снова укладывался в кровать, Мэри пробормотала нечто хрипло-неразлично-вопросительное.

— Все в порядке, — ответил он. — Спи.

Она пробормотала что-то еще.

— Хорошо, — сказал он в темноту.

Она вновь погрузилась в сон.

Щелк.

Было уже пять, пять часов утра. Когда он наконец задремал, рассвет успел прокрасться в спальню, словно вор. Последняя его мысль была об индейке, тупо лежащей на кухонном столе под холодным светом люминесцентной лампы — дохлая тушка, бессмысленно ожидающая, когда ее наконец съедят.

23 ноября, 1973

Он въехал на своем двухлетнем «ЛТД» на подъездную дорогу Стивена Орднера в пять минут девятого и запарковал его за орднеровской бутылочно-зеленой «Дельтой-88». Дом был похож на полевой валун, предусмотрительно оттащенный от хенридской дороги и частично спрятанный за кустами бирючины, от которых догорающий окурок осени оставил лишь голые скелеты. Он бывал здесь раньше и хорошо знал это место. Внизу был большой камин с каменной оградой, в спальнях наверху каминны были поскромнее. Все они действовали. В полуподвальном этаже находился бильярдный стол фирмы «Брюнсвик», экран для домашних кинопросмотров и музыкальный центр «КЛХ», который Орднер год назад переделал в квадросистему. Стены были увешаны фотографиями из студенческо-баскетбольного прошлого Орднера — рост его был шесть футов пять дюймов, и он до сих пор был в неплохой физической форме. Орднеру приходилось нагибать голову, входя в дверь, и он подозревал, что Орднер этим гордится. Может быть, он даже специально опустил дверные косяки пониже, чтобы иметь возможность каждый раз нагибаться. Стол в столовой представлял собой плиту из полированного дуба девяти футов в длину. Проеденный червями высокий дубовый комод служил ему достойным дополнением, сияя сквозь шесть или восемь слоев лака. Застекленный китайский шкафчик в другом конце комнаты имел в высоту — ну,

сколько бы ты сказал, Фред? По-моему, около шести футов пяти дюймов. Да, как раз около того. А на заднем дворе была вырыта яма для барбекю, достаточно большая, чтобы изжарить в ней неразделанного динозавра, а неподалеку раскинулась лужайка для гольфа. И никаких овальных бассейнов. Овальные бассейны считались банальностью. Исключительно для поклоняющихся богу Ра представителей среднего класса из Южной Калифорнии. У Орднеров не было детей, но они помогали корейскому мальчику, мальчику из Южного Вьетнама и оплачивали обучение мальчика из Уганды в инженерной школе, чтобы он мог вернуться домой и понастроить там гидроэлектростанций. Они были демократами — демократами они стали из-за Никсона.

Он подошел к дому и позвонил. Дверь открыла горничная.

— Мистер Доуз, — сказал он.

— Да, конечно, заходите, сэр. Позвольте я возьму ваше пальто. Мистер Орднер у себя в кабинете.

— Спасибо.

Он вручил ей свое пальто и двинулся через прихожую мимо кухни и столовой. Мельком бросил взгляд на огромный стол и Мемориальный Комод Стивена Орднера. Ковер закончился, и он пошел по коридору, пол которого был покрыт навоощенным линолеумом в черно-белую клетку. Каблуки издавали отчетливый, ясный стук.

Он протянул руку к двери кабинета, и Орднер открыл ее в тот самый момент, когда его пальцы уже почти коснулись ручки. Он знал, что так и произойдет, и нисколько не удивился.

— Барт! — воскликнул Орднер. Они пожали друг другу руки. На Орднере была куртка из рубчатого плиса с заплатками на локтях, оливкового цвета брюки и бургундские тапочки. Галстука не было.

— Привет, Стив. Как там ситуация в экономике?

Орднер театрально застонал. — Ужасно. Ты просматривал недавно информацию по рынку ценных бумаг? —

Он взял его под локоть и провел в комнату, закрыв дверь. Вдоль стен стояли шкафы с книгами. Слева был расположен небольшой камин с электрическим бревном. В центре стоял большой письменный стол, на котором были разложены кое-какие бумаги. Он знал, что где-то на этом столе спрятан селектрик фирмы «АйБиЭм» — стоит нажать кнопку, и он поднимется над столом, словно гладкая черная торпеда.

— Весь фундамент раскрошился, — сказал он.

Орднер скорчил рожу. — И это еще мягко сказано. Скажи спасибо Никсону, Барт. Это он готов найти применение всякой дряни. Когда во всей Юго-Восточной Азии теорию домино послали к чертовой матери, он подобрал ее и решил поставить на службу американской экономике. Там не получилось, зато здесь заработает хоть куда. Что ты будешь пить?

— Виски со льдом было бы неплохо.

— Один момент.

Он подошел к бару, достал оттуда бутылку виски емкостью в одну пятую галлона, которая, даже если покупать ее в магазине по сниженным ценам, оставляла от вашей десятки лишь карманную мелочь, и плеснул немного жидкости в низкий стакан с двумя кубиками льда. Потом он протянул ему стакан и сказал:

— Давай присядем.

Они сели в кресла, пододвинутые поближе к электрическому камину. Он подумал: *Если я выплесну туда мой стакан, то вся эта штука запылает синим пламенем.* Ему стоило большого труда удержаться.

— Карлы тоже сегодня не будет, — сказал Орднер. — Одно из обществ, в котором она состоит, устраивает показ мод. Доходы пойдут в пользу кафе для подростков в Нортоне.

— А показ мод состоится там?

Орднер удивленно взглянул на него. — В Нортоне? Нет, конечно. В Расселе. Я не пустил бы Карлу в «Лэндинг Стрип» даже с двумя телохранителями и полицейской собакой. Тут есть один священник... Дрейк,

вроде так его фамилия. Пьет, как сапожник, но эти маленькие простофили его обожают. Он играет роль связного. Уличный проповедник.

— Вот как?

— Да.

С минуту они смотрели на камин. Одним глотком он отпил половину своего виски.

— Вопрос об уотерфордском заводе всплыл на последнем заседании совета директоров, — сказал Орднер. — В середине ноября. Мне пришлось признать, что я немного не в курсе событий. И мне предоставили... ну, некоторые полномочия, что ли, выяснить, какова ситуация на текущий момент. Разумеется, Барт, я никак не собираюсь вторгаться в сферу твоей компетенции...

— Все в порядке, — сказал он и сделал еще один глоток виски. В стакане осталось лишь несколько капель алкоголя, пойманных в ловушку между льдом и стеклом. — Я всегда рад, когда наши задачи совпадают.

Орднер выглядел удовлетворенным. — Так что же там за история? Винни Мэйсон сказал мне, что сделка еще не заключена.

— У Винни Мэйсона где-то между ногами и ртом произошло короткое замыкание.

— Стало быть, сделка заключена?

— Заключается. Я собираюсь подписать договор о купле-продаже Уотерфорда в следующую пятницу, если, конечно, ничто не помешает.

— Насколько я понял из поступившей информации, агент по торговле недвижимостью сделал тебе весьма выгодное предложение, которое ты отклонил.

Он посмотрел на Орднера, встал с кресла и плеснул себе еще виски.

— Насколько я понимаю, эта информация поступила уже не от Винни Мэйсона.

— Нет.

Он вновь сел на кресло у электрического камина. — Не думаю, что ты удосужишься сообщить мне, откуда она исходит.

Орднер развел руками. — Так делается дело, Барт. Когда я что-то слышу, я должен это проверить — даже если весь мой личный и профессиональный опыт, связанный с этим человеком, указывает на то, что это что-то — полная ерунда и выдумка. Конечно, все это неприятно, но другого способа вести дела пока никто еще не придумал.

Фредди, никто не знал об этом отклоненном предложении, кроме агента по торговле недвижимостью и меня. Похоже на то, что старый пройдоха мистер Так Делается Дело провел индивидуальное расследование. Но другого способа вести дела пока никто еще не придумал, верно? Ты как всегда прав, Джордж. Показать ему, где раки зимуют, Фредди? Лучше поостеречься, Джордж. И на твоём месте я бы поменьше налегал на огненную воду.

— Цифра, на которую я не согласился, составляла четыреста пятьдесят тысяч долларов, — сказал он. — Просто для справки, твоя информация совпадает с моей?

— Примерно.

— И это предложение ты нашел весьма выгодным.

— Ну, — сказал Орднер, скрестив ноги, — собственно говоря, да. Город оценил старый завод в шестьсот двадцать тысяч долларов. Разумеется, возможностей для расширения там почти нет, но ребята из расчетного отдела говорят, что раз наше производство достигло оптимальных размеров по всем параметрам, то в дополнительных помещениях и нет особой нужды. С моей точки зрения, завод хорош как временный этап, а, возможно, даже и выгоду принесет... хотя и это не основной доход. Нам нужно найти место, где разместить прачечную, Барт. И побыстрее.

— Может быть, к тебе поступила еще какая-нибудь информация?

Орднер поудобней скрестил ноги и вздохнул. — Собственно говоря, да. Я слышал, что ты отклонил предложение купить завод за четыреста пятьдесят, а потом появился Том МакАк и предложил пятьсот.

— Лакомый кусок, который агент по торговле недвижимостью не мог отхватить, не нарушив принципы деловой этики.

— Это пока, но наш срок на исключительное право покупки истекает во вторник, и ты об этом знаешь.

— Да, знаю, Стив, позволь мне высказать три или четыре соображения, о'кей?

— Ради Бога.

— Во-первых, в Уотерфорде мы будем на три мили дальше от наших основных заказчиков — это в среднем. Это значительно увеличит наши транспортные расходы. Все мотели расположены на автостраде за пределами города. Хуже того, обслуживание станет медленнее. «Холидей Инн» и «Ходжо» и так вцепляются нам в глотки, когда мы запаздываем на пятнадцать минут с полотенцами. Что же это будет, когда нашим грузовикам придется три мили продираться сквозь движение на автостраде?

Орднер покачал головой. — Барт, они строят новый участок автострады, поэтому мы и переезжаем, ты помнишь об этом? Наши ребята говорят, что доставка не станет медленнее. Наоборот, благодаря новому участку она может даже убыстриться. А еще они говорят, что мотельные корпорации уже закупили хорошую землю в Уотерфорде и Расселе, где скоро будет новая дорожная развязка. Когда мы переедем в Уотерфорд, наше положение улучшится, а не ухудшится.

Я малость потерял равновесие, Фредди. Он смотрит на меня так, словно у меня все шарики из головы выкатились. Точно, Джордж, ты совершенно прав.

Он улыбнулся. — Хорошо. Твое соображение принято. Но эти новые мотели возникнут не через год, а может быть, и не через два. И если энергетический кризис действительно настолько серьезен...

— Это стратегическое решение, Барт, — отрезал Орднер. — Мы с тобой просто пара пехотинцев. Мы должны просто выполнять приказы. — Ему показалось, что в последней фразе Орднера прозвучал упрек.

— Хорошо. Но я хотел изложить и свое мнение. Просто так, для справки.

— Отлично. Принято к сведению. Но не ты определяешь стратегию, Барт. Я хочу, чтобы ты это четко понял. Если все поставки бензина прекратятся и все мотели обанкротятся, вот тогда мы будем думать, что делать. А пока нам лучше предоставить ребятам наверху беспокоиться об этом, а самим выполнять свои обязанности.

Мне бросили упрек, Фред. Да, Джордж, похоже, что ты не ошибся.

— Хорошо. Теперь остальное. По моим оценкам, придется потратить двести пятьдесят тысяч долларов на ремонтные работы, прежде чем уотерфордский завод выдаст хотя бы одну чистую простыню.

— *Что?* — Орднер со стуком поставил свой бокал.

Ага, Фредди. Похоже, мы задели оголенный нерв.

— Стены набиты сухой трухой. Каменная кладка с восточной и северной сторон практически превратилась в порошок. А полы такие слабые, что первая же мощная стиральная машина, которую мы туда установим, окажется в подвале.

— Это точно? Я имею в виду цифру — двести пятьдесят тысяч?

— Точно. Нам понадобится новая система вентиляции. Новые полы — внизу и наверху. И пяти электрикам понадобится две недели, чтобы провести новую проводку. Тамошняя проводка может обеспечить напряжение в двести сорок вольт, а нам требуются выходы на пятьсот пятьдесят. А так как мы будем расположены на другом конце города от тепло- и электросетей и водонапорной станции, то я могу обещать тебе, что наши счета за электроэнергию и воду возрастут по крайней мере на двадцать процентов. Бог с ним в конце концов с возрастанием расходов на электроэнергию, но не мне тебе объяснять, что означает двадцатипроцентное увеличение платы за воду для прачечной.

Орднер выглядел потрясенным.

— А теперь забудь, что я сказал о возросших издержках. Перейдем к затратам на переустройство. На чем я остановился? Ах да, нужна новая проводка с выходами на пятьсот пятьдесят вольт. Нам понадобится новая сигнализация против грабителей и система видеонаблюдения. Новая изоляция. Новое покрытие для крыши. Ах да, еще новая канализация. На улице Фер мы находимся на вершине холма, но улица Дуглас расположена на дне естественной впадины. Одна новая канализация обойдется нам в сумму от сорока до семидесяти тысяч долларов.

— Господи, так почему же Том Гренджер ничего мне этого не сказал?

— Потому что он не ездил со мной на осмотр завода.

— Почему?

— Потому что я сказал ему, чтобы он оставался в прачечной.

— *Что ты сделал?*

— В тот день у нас вышла из строя печь, — объяснил он терпеливо. — У нас накопилась груда заказов, и не было горячей воды. Том должен был остаться. Он — единственный человек, умеющий находить общий язык с этой печью.

— Господи, Барт, неужели ты не мог свозить его туда в какой-нибудь другой день?

Он допил виски одним глотком. — Я не видел в этом никакого смысла.

— Ты не видел... — Орднер так и не сумел закончить фразу. Он поставил свой бокал и помотал головой, словно человек, которого сильно ударили кулаком в лицо. — Барт, ты понимаешь, что может случиться, если твои расчеты неверны и мы потеряем этот завод? Ты можешь потерять *работу* — вот что это значит. Господи, да как ты после этого придешь домой к Мэри с отбитой задницей?

Ты меня никогда не поймешь, — подумал он, потому что ты никогда ничего не предпринимал, шесть раз не подстраховавшись и не построив в ряд как минимум трех

козлов отпущения. Именно поэтому ты и скопил четыре-ста тысяч долларов в акциях и на банковских счетах и обзавелся «Дельтой-88» и пишущей машинкой, которая выскакивает у тебя из стола, как чертик из коробки. Эй ты, гребаный карась, а ведь я могу тебя крупно подставить. Не ты один такой шустрый.

Он улыбнулся, глядя на искаженное от волнения лицо Орднера. — Ты еще не слышал мой последний пункт, Стив. Услышишь — поймешь, почему я так спокоен.

— Что ты имеешь в виду?

Он солгал с легким сердцем.

— Том МакАн уже известил агента по торговле недвижимостью, что его корпорация не заинтересована в покупке завода. Они послали туда своих ребят для осмотра, и те заорали благим матом. Так что у тебя есть мое слово, что это дерьмо не стоит четырехсот пятидесяти тысяч. Еще у тебя есть девяностодневный срок исключительно права покупки, который истекает во вторник. А еще у тебя есть оборотистый торговец недвижимостью по фамилии Монохан, который вешал нам лапшу на уши. И ему это почти удалось.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю дать сроку истечь. Потом мы не меняем карт до следующего четверга или около того. Ты поговоришь с ребятами из бухгалтерии по поводу двадцатипроцентного увеличения расходов на воду и энергию. Я поговорю с Моноханом. Когда мы закончим, он будет умолять меня на коленях купить этот завод за двести тысяч.

— Барт, ты уверен?

— Уверен ли я? — сказал он, натянуто улыбнувшись. — Я бы не стал высовывать башку, если б думал, что кто-нибудь может снести мне ее с плеч.

Джордж, что ты делаешь?

Заткнись, заткнись, сейчас не мешай.

— Что мы имеем? — сказал он. — Оборотистого торговца недвижимостью без покупателя. Мы можем себе позволить не торопиться. Чем дольше мы его продержим

в подвешенном состоянии, тем ниже будет цена, когда мы, наконец, согласимся купить этот завод.

— Хорошо, — медленно сказал Орднер. — Но я хочу объяснить тебе кое-что, чтобы не было никаких недомолвок, Барт. Если мы не используем наше право исключительной покупки, а потом кто-нибудь другой перекупит этот завод, мне придется выбросить тебя за борт. Лично я...

— Знаю-знаю, — сказал он, ощутив внезапно навалившуюся усталость. — Лично ты ничего не имеешь против меня, но так делается дело.

— Барт, а ты уверен, что не заразился от Мэри этим вирусом? Что-то ты сегодня неважно выглядишь.

Сам ты неважно выглядишь, старая гребаная развалина.

— Я снова приду в норму, когда улажу это дело. Оно отняло у меня много сил.

— Да-да, конечно. — Орднер придал своему лицу сочувствующее выражение. — Чуть было не забыл... ведь твой дом тоже на линии огня?

— Да.

— Подыскал себе другой?

— Ну, вообще-то мы тут присмотрели парочку домов. Не удивлюсь, если завершу уотерфордскую сделку в один день с моей личной.

Орднер улыбнулся. — Возможно, это будет первый день в твоей жизни, когда ты выторгуешь двести тысяч долларов между восходом и закатом.

— Да, серьезный будет денек.

По дороге домой Фредди пытался поговорить с ним — да что там, просто-напросто вопил на него, — и ему постоянно приходилось пускать прерыватель в ход. Он как раз сворачивал на Крестоллин, когда прерыватель сгорел, распространяя запах плавящихся синапсов и перегоревших аксонов¹. Вопросы хлынули на него лавиной,

¹ Синапс — область контакта нервных клеток друг с другом; аксон — отросток нервной клетки, проводящий нервный импульс от тела клетки к периферии — *прим. перев.*

и он нажал двумя ногами на тормозную педаль. «ЛТД» с визгом остановился прямо посреди улицы. Ремень безопасности резко впился ему в живот, недовольно заворчавший в ответ.

Когда он сумел взять себя в руки, он медленно подъехал к обочине, выключив двигатель, фары, отстегнул ремень безопасности и откинулся на спинку сиденья. Руки его, лежавшие на руле, сильно дрожали.

С того места, где он сидел, было видно, как мягко изгибается улица. Фонари образовывали изящный рыболовный крючок света. Это была симпатичная улица. Большинство домов на ней было построено после войны, в 1946—1958 годы, но каким-то непостижимым образом синдром пятидесятых их не затронул, равно как и связанные с ним болезни: крошащийся фундамент, лысеющая лужайка, изобилие игрушек, преждевременное устаревание машин, отслаивающаяся краска, плексигласовые вторые оконные рамы.

Он знал своих соседей — а что в этом удивительного? Они с Мэри прожили на Крестоллин уже почти четырнадцать лет. А это немалый срок. Апслингеры жили в следующем доме вверх по улице; их мальчик Кенни разносил утренние газеты. Через дорогу жили Ланги. Хобарты — через два дома вниз по улице (Линда Хобарт одно время была нянькой у Чарли, а сейчас она училась на врача в городском колледже). Стофферы. Хэнк Алберт, жена которого умерла от эмфиземы четыре года назад. Дерби. А через четыре дома вверх по улице от того места, где он трясся в своей машине, жили Куины. И еще дюжина других семей, с которыми он и Мэри обменивались приветственными кивками при встрече, — в основном, это были семьи с маленькими детьми.

Симпатичная улица, Фред. Да, я знаю, что интеллектуалы презирают предместья — они не так романтичны, как кишашие крысами многоквартирные дома или же умирительные деревенские уголки. В предместьях нет ни великих музеев, ни великих лесов, ни великих свершений.

Но здесь было неплохо жить. Эти места знали свои хорошие времена. Знаю, знаю, Фред, о чем ты думаешь. Хорошие времена, что еще за хорошие времена? Чего в них было хорошего? В них не было ни великой радости, ни великой печали. Если разобраться как следует, в них вообще ничего не было. Так, ерунда одна. Посиделки на заднем дворе в летних сумерках, когда в яме для барбекю жарится мясо, и все слегка пьяны, но никто не напивается, как свинья, и не начинает буяннить. Совместные поездки на стадион, где мы смотрели на игру «Мустангов». Этих гребаных уродов, которые не сумели побить «Ирландцев» даже в тот год, когда те сдавали все свои игры вчистую. Обеды с друзьями — у себя дома и в гостях. Игра в гольф на вестсайдской площадке или экскурсии с женами в Пондероза Пайнз, где можно было взять напрокат такие маленькие открытые автомобильчики. Помнишь, как-то раз Билл Стоффер снес на таком дощатый забор и въехал прямо в чей-то бассейн? Да, я помню, Джордж, мы все хохотали до упаду. Но, Джордж, ведь нельзя все-таки...

Так, стало быть, гнать сюда поскорее бульдозеры, так что ли, Фред? Давай-ка сровняем все это с землей. Тем более, что скоро вырастет новое предместье — в Уотерфорде, где до этого года не было ничего, кроме нескольких вечно пустующих автомобильных стоянок. Неодолимая Поступь Времени. Наглядное Свидетельство Прогресса. Только что ты там найдешь? Кварталы спичечных коробков, раскрашенных в разные цвета? Пластиковые трубы, которые будут замерзать каждую зиму? Пластиковое дерево? Все из пластика. Потому что Мо в дорожном управлении сказал Джо в строительной фирме, а Сью, которая работает секретаршей у Джо, сказала Лу из другой строительной фирмы, и вот начинается большой уотерфордский земельный бум, повсюду идет строительство, дома растут, как грибы, идет торговля. Можем предложить вам дом на Лиловой улице, которая пересекается с Испанской, идущей на север, и Датской, идущей на юг. А можете выбрать Вязовую, Дубовую, Кипарисо-

вую, Засунь-Себе-В-Жопу-Сосновую. У каждого дома на первом этаже есть туалет и ванная, на втором — только ванная, а с восточной стороны — фальшивая труба. А если невзначай возвращаешься пьяным, так ты свой гребанный дом и найти не сможешь.

Но, Джордж...

Заткни хлебало, Фред. Сейчас говорю я. Ответь-ка мне лучше на вопрос: где твои соседи? Нет, я ничего не говорю, может, твои соседи и были, так, дерьмом собачьим, но ты по крайней мере знал, кто они такие и как их зовут. Ты хотя бы знал, у кого ты можешь попросить взаймы чашку сахара, когда свой неожиданно кончился. Так где они, я тебя спрашиваю? Тони и Алиса Ланг укатили в Миннесоту, потому что он попросил, чтобы его перевели в другой штат, и его просьбу удовлетворили. Хобарты переехали в северную часть города. Верно-верно, у Хэнка Алберта дом в Уотерфорде, но когда он возвращался домой после заключения сделки, то выглядел он как человек, на которого нацепили шутовскую карнавальную маску. Но я-то видел его глаза, Фредди. Знаешь, на кого он был похож? Он был похож на человека, которому только что отрезало обе ноги, а он пытается убедить всех, что он очень рад этому обстоятельству и с нетерпением ждет того дня, когда ему поставят новые пластиковые протезы — ведь они такие удобные: ударишься обо что-нибудь, и даже царапины не останется. Ну, переедем мы, и где мы окажемся? Кем мы окажемся? Двумя чужаками, которые носу не высунут из дома, вокруг которого такие же дома, в которых сидят такие же чужаки. Вот кем мы будем, Фредди. Вот тебе и Неодолимая Поступь Времени. Понял теперь, куда она ведет, эта Поступь? Пойдет пятый десяток, будешь ждать, пока не стукнет пятьдесят. Потом будешь ждать, пока тебя не уложат на симпатичную больничную койку и симпатичная медсестра не вставит тебе симпатичный катетер. Фредди, пойми, в сорок лет перестаешь быть молодым. Собственно говоря, молодым перестаешь быть в тридцать, а в сорок перестаешь обманывать себя

по этому поводу. Я не хочу стареть в чужом для меня месте.

Он снова плакал, сидел внутри холодной темной машины и плакал, как ребенок.

Джордж, дело не только в дорожных работах и не только в переезде. Я знаю, в чем дело.

Заткнись, Фред. Заткнись по-хорошему. Я тебя предупредил.

Но Фред заткнуться не желал, и это было плохим признаком. Если он не сможет больше контролировать Фреда, то как он вообще обретет душевный покой?

Дело-то ведь в Чарли, не так ли, Джордж? Ты не хочешь хоронить его во второй раз.

— Да, дело в Чарли, — произнес он вслух. Голос звучал хрипло и искаженно от душивших его слез. — И во мне. Я не могу. Я действительно не могу...

Он низко наклонил голову и перестал сдерживать слезы. Лицо его исказилось, и он изо всех сил прижал кулаки к глазам, как маленький ребенок, у которого карамелька выпала из дырки в кармане штанишек.

Когда он, наконец, тронулся в путь, он чувствовал себя, как выжатый лимон. Внутри он был сух, в нем не осталось ни капли влаги. Пуст, но сух. И абсолютно спокоен. Даже на опустевшие дома по обе стороны улицы, уже покинутые их владельцами, он смотрел без малейшего волнения.

Теперь мы живем на кладбище, подумал он. Мэри и я, на кладбище. Совсем как Ричард Бун и фильме «Я хороню живых». У Арлингтов горел свет, но и они уезжали пятого декабря. Хобарты переехали в прошлый уик-энд. Пустые дома.

Поворачивая на подъездную дорогу своего дома (Мэри была наверху; он различал неяркое сияние ее читальной лампы), он неожиданно подумал об одной фразе Тома Гренджера, которую тот обронил пару недель назад. Он поговорит об этом с Томом. В понедельник.

25 ноября, 1973

Он смотрел матч между «Мустангами» и «Боевыми Конями» по цветному телевизору и пил свой личный фирменный коктейль. Это был его личный коктейль, потому что люди смеялись, когда он пил его в обществе. «Боевые Кони» вели со счетом 27:3 в третьей четверти. Рукера сбивали уже три раза. Великолепная игра, что скажешь, Фред? Это точно, Джорджи. Я вообще не понимаю, как ты выносишь такое напряжение.

Мэри спала наверху. За уик-энд потеплело, и теперь на улице накрапывал мелкий дождик. Он и сам клевал носом. Сказывались три выпитых бокала.

Третья четверть завершилась, и начался перерыв. На экране появилась реклама. Реклама представляла собой рожу Бада Уилкинсона, который вещал о том, что энергетический кризис — очень неприятная штука, и что все люди должны обить чердаки изнутри теплоизоляцией и закрывать каминную заслонку, когда не греют перед огнем старые кресла, не жгут ведьм или что-то другое в этом же роде. В конце появилась эмблема компании, которая представляла этот рекламный ролик.

На эмблеме был изображен радостный тигр, высунувший морду из-за белого щита с надписью:

ЭККСОН

Теперь уж никто не сможет отрицать, что наступают черные дни, подумал он, раз уж даже «Эссо» сменила свое название на «Эксксон». «Эссо» уютно выскальзывало изо рта, словно вздох человека, раскинувшегося в гамаке. «Эксксон» больше походило на имя разжигателя войны с планеты Юрир.

— Эксксон приказывает, чтобы все ничтожные земные жители сложили оружие, — произнес он торжественно. — Бросай дубину, ничтожный землянин. — Он хихикнул и взялся за приготовление очередного коктейля. Ему даже вставать не пришлось: бутылка ликера «Южное утешение», сорокавосьмиунциевая емкость виски «Севен-Ап», пластиковый тазик со льдом стояли на маленьком круглом столике рядом со стулом.

Но вернемся к игре. «Боевые Коня» ударили по мячу, и он взмыл высоко над стадионом. Хью Феднак, защитник «Мустангов», завладел мячом и на ходу передал его тридцать первому номеру. Потом, под жестким руководством Хэнка Рукера, который, может статься, и видел раз в жизни кубок Хейсмана на экране телевизора, «Мустанги» предприняли отчаянный шестиярдовый прорыв. Джин Вормен запустил мяч в небо. От Энди Кокера из «Боевых Коней» мяч вернулся сорок шестому номеру «Мустангов». Вот так оно все и происходит, как в свое время с редкой проницательностью заметил Курт Воннегут. Он прочел все книги Курта Воннегута. Они нравились ему — в основном потому, что были смешными. На прошлой неделе в новостях передали, что по решению школьного совета в городе под названием Дрейк, штат Северная Дакота, сожгли все имеющиеся в наличии экземпляры романа Воннегута «Бойня №5» — о бомбардировке Дрездена. Если призадуматься, интересные открываются параллели.

Фред, почему бы этим козлам из дорожного управления не проложить новый участок 784-й автострады через город Дрейк. Держу пари, местные жители были бы в восторге. Прекрасная идея, Джордж. Не обратиться ли тебе с этим предложением в газету? Иди в жопу, Фред.

«Боевые Кони» забили еще один, доведя счет до 34:3. Девчонки, работавшие заводилами болельщиков, скакали у кромки поля и вертели попками. Он впал в полудрему, и когда Фред перешел в наступление, защиты от него не нашлось.

Джордж, так как ты, похоже, не понимаешь что ты делаешь, то, позволь, я тебе объясню. Позволь, я тебе все расскажу по порядку, дружище. (*Пошел вон, Фред. Хватит нудеть.*) Во-первых, срок исключительного права на покупку вот-вот истечет. Это произойдет во вторник, в двенадцать часов ночи. В среду Том МакАн заключит сделку с этим раболепным куском дерьма святого Патрика — с Патриком Дж. Моноханом. Днем в среду или утром в четверг перед уотерфордским заводом появится огромное объявление: ПРОДАНО! Если кто-нибудь из прачечной увидит его, ты, конечно, сможешь чуть-чуть оттянуть развязку, заявив: ну конечно, нам продано. Но если Орднер устроит проверку, то ты труп. Может быть, он этого не сделает. Но (*Фредди, оставь меня в покое*) в пятницу на том же самом месте появится новое объявление. И на нем будет написано:

Здесь будет расположен наш новый

УОТЕРФОРДСКИЙ ЗАВОД
«ОБУВЬ ТОМА МАКАНА»
Мы непрерывно растем!!!

В понедельник, ранним ясным утром ты потеряешь свою работу. Да, с моей точки зрения, ты окажешься безработным, не успев даже выпить чашечку кофе в десятичасовой перерыв. Потом можешь отправляться домой и рассказать все Мэри. Не знаю, когда это случится. Поездка на автобусе отнимает около пятнадцати минут, так что в принципе ты можешь положить конец двадцати годам брака и двадцати годам хорошо оплачиваемой работы примерно за полчаса. Но после того, как ты скажешь Мэри, последует сцена объяснения. Ты можешь отложить ее, хорошенько надравшись, но рано или поздно...

Фред, заткни свою поганую вонючую пасть.

...рано или поздно тебе придется объяснить, как ты потерял работу. Придется выложить все начистоту. Видишь ли, Мэри, дорожное управление собирается взорвать прачечную на улице Фер через месяц другой, а я вроде как не позаботился вовремя подыскать новое помещение. Я все думал, что этот новый участок 784-й автострады — это что-то вроде кошмарного сна, от которого я вскоре пробужусь. Да, Мэри, да. Я присмотрел там один заводик — совершенно точно, в Уотерфорде, — но все как-то не мог решиться. Во сколько это обойдется «Амроко»? Ну, где-то в районе миллиона или полутора миллионов — зависит от того, как долго они будут подыскивать новое место и сколько будет простаивать производство.

Я предупреждаю тебя, Фред.

Или же ты можешь рассказать ей о том, что никто не знает лучше тебя, Джордж. Ты можешь рассказать ей о том, что прибыль «Блу Риббон» в последнее время едва-едва покрывает издержки и что ребята из бухгалтерии могут просто поднять руки вверх и сказать: да забудьте вы про эту прачечную, давайте лучше получим компенсацию и построим на эти деньги универсальный магазин здесь в Нортоне или симпатичную маленькую закусочную там в Расселе или Кресенте. И так уж сколько крови мы себе испортили, после того как этот сукин сын Доуз подсыпал нам сахарку в топливный бак. Можешь рассказать ей об этом.

Ступай к чертовой матери.

Но это только первая серия, а ведь будет еще и вторая, не так ли? Вторая серия настанет, когда ты расскажешь Мэри, что вам некуда переселяться. А это как ты ей объяснишь?

Я не делаю ничего плохого.

Верно. Ты просто милый симпатичный парень, который уснул в лодке. Но во вторник в полночь твоя лодка окажется перед водопадом, Джордж. Ради всего святого, отправляйся к Монохану в понедельник и сделай его

несчастливым человеком. Соглашайся на любые условия. У тебя и так будут неприятности, если учесть, сколько лапши ты навешал на уши Орднеру в пятницу вечером. Но ты сумеешь выпутаться. Уж тебе ли не приходилось выпутываться раньше из всяких передряг.

Оставь меня в покое. Я уже почти сплю.

Дело-то ведь в Чарли, Джордж, и ты знаешь это. Это просто твой способ совершить самоубийство. Но это несправедливо по отношению к Мэри, Джордж. Это несправедливо по отношению ко всем. Ты просто...

Он резко выпрямился, пролив коктейль на ковер. — Если это несправедливо, то только по отношению ко мне.

А зачем же ты тогда купил оружие, Джордж? Зачем тебе оружие?

Дрожащей рукой он поднял упавший стакан и приготовил себе еще один коктейль.

26 ноября, 1973

Он завтракал с Томом Гренджером в ресторанчике «У Ники», расположенном в трех кварталах от прачечной. Они сидели в отдельной кабинке, потягивали пиво из бутылок и ждали, когда им принесут заказанные блюда. В ресторанчике был музыкальный автомат, и из его недр раздавалась песня Элтона Джона «Прощай, желтая кирпичная дорога».

Том говорил об игре «Мустангов» с «Боевыми Конями», которая закончилась победой «Боевых Коней» со счетом 37:6. Том был влюблен во все спортивные команды города, и любое их поражение ввергало его в ярость. В один прекрасный день, подумал он, слушая, как Том чехвостит на чем свет стоит весь состав «Мустангов» от первого номера до последнего, — Том Гренджер отрежет себе одно ухо и отошлет его главному менеджеру клуба. Простой сумасшедший послал бы ухо тренеру, который просто расхохотался бы и приколот бы его к доске объявлений в раздевалке. Но Том обязательно пошлет главному менеджеру, который проведет не один час, размышляя над полученным подарком.

Еду принесла официантка, одетая в белый нейлоновый спортивный костюм. По его расчетам, ей должно было быть лет триста. Может быть, триста четыре. Вес в том же районе. Над левой грудью у нее была приколотая маленькая карточка, на которой было написано:

ГЕЙЛ

*Спасибо вам за то, что вы предпочитаете
ресторан «У Ники»*

Том получил свой ростбиф, плавающий животом вверх в полной тарелке подливки. Он заказал два чизбургера, слегка недожаренных, и порцию французской жареной картошки. Он знал, что чизбургеры будут превосходно приготовлены. Он уже ел у Ники раньше. Новый участок 784-й автострады промахнулся мимо Ники на полквартала.

Они принялись за еду. Том завершил свое выступление по поводу вчерашней игры и спросил его об уотерфордском заводе и о встрече с Орднером.

— Я заключу сделку в четверг или в пятницу, — сказал он.

— Я думал, что исключительное право покупки истекает во вторник.

Он повторил свою историю про то, как Том МакАн решил отказаться от уотерфордского завода. Как-то неприятно было лгать Тому Гренджеру. Он знал Тома в течение семнадцати лет. Том не был слишком умен. Обмануть его было легко, это не требовало особой сноровки.

— Вот оно что, — сказал Том, когда он закончил объяснения, и тема тем самым была закрыта. Он подцепил вилкой кусок ростбифа, отправил его в рот и недовольно сморщился. — И чего мы сюда притащились? Еда здесь препоганейшая. А кофе — просто моча. Даже моя жена и то лучше варит кофе.

— Не знаю, — сказал он и, воспользовавшись благоприятным случаем, спросил:

— Кстати, ты помнишь, когда открылся этот новый итальянский ресторан? Мы еще ходили туда с Мэри и Верной.

— Да, в августе. Верна до сих пор бредит этой рикоттой... нет, не так... ригатони. Точно, так они и называют эту штуку. Ригатони.

— А помнишь, рядом с нами сидел такой большой парень? Большой, жирный парень?

— Большой, жирный...

Том жевал ростбиф, пытаясь вспомнить. Потом он покачал головой.

— Ты еще сказал, что он мошенник.

— Ааааа. — Глаза его расширились. Он отодвинул тарелку, закурил «Херберт Тэрейтон» и бросил обуглившуюся спичку в тарелку, где она пустилась в плавание в море подливки. — Да, верно. Салли Мальоре.

— Так его зовут?

— Да, верно. Огромный парень в очках с толстыми стеклами. Девять подбородков. Сальваторе Мальоре. Похоже на название какой-нибудь особой услуги в итальянском борделе, точно? Салли Одноглазый — так его обычно называли, из-за катаракты на одном глазу. Он удалил ее в клинике Майо три или четыре года назад. Да, это действительно крупный мошенник.

— А чем он занимается?

— А чем они все занимаются? — переспросил Том, стряхивая пепел в тарелку. — Торговля наркотиками, контроль над проституцией, сомнительные капиталовложения, вымогательство. И убийство других мошенников. Читал в газете? На прошлой неделе. Нашли какого-то парня в багажнике его собственной машины, запаркованной за бензозаправкой. Шесть выстрелов в голову, и глотка перерезана. Знаешь, это просто смешно. Ну какого хрена резать парню глотку, всадив ему перед этим шесть пуль в башку? Организованная преступность — вот чем занимается этот Одноглазый.

— А у него есть какой-нибудь законный бизнес для прикрытия?

— Да, я думаю, что есть. В районе Взлетной Полосы, за Нортонем. Машины там продает. Подержанные машины Мальоре с гарантией. По трупу в каждом багажнике. — Том рассмеялся и снова стряхнул пепел в тарелку. Гейл вернулась и спросила не хотят ли они еще кофе. Оба заказали еще по чашечке.

— Я наконец-то сегодня раздобыл эти болты с чекой для двери бойлерной, — сказал Том. — По внешнему виду очень похожи на мой член.

— Серьезно?

— Да, ты бы посмотрел на этих сукиных детей. Девять дюймов в длину и три в диаметре.

— Прости, так ты, наверно, о моем члене говорил, — сказал он. Оба они расхохотались и все оставшееся время проговорили о работе.

В тот день он сошел с автобуса на улице Баркер и отправился в «Дункан» — тихий бар по соседству. Он заказал себе пиво и некоторое время слушал дункановский треп об игре «Мустангов» с «Боевыми Конями». Откуда-то из глубины бара подошел человек и сказал Дункану, что игровой автомат не желает работать как следует. Дункан отправился поглядеть, в чем дело, а он продолжал прихлебывать свое пиво и смотреть телевизор. По телеку шла мыльная опера, и две женщины заунывными, предсмертными голосами разговаривали о мужчине по имени Хэнк. Хэнк должен был вот-вот вернуться домой из колледжа, а одна из женщин только что обнаружили, что Хэнк — ее сын, результат неудачного эксперимента, случившегося с ней после поступления в университет двадцать лет назад.

Фредди попытался было вставить словечко, но Джордж быстро заткнул ему рот. Прерыватель сегодня работал неплохо. С самого утра.

Вот именно, шизофреник ты гребаный! — завопил Фредди, и тогда Джордж просто сел на него. Иди, торгуй своими газетами где-нибудь в другом месте, Фредди. А здесь ты — персона нон грата.

— Разумеется, я ничего ему не скажу, — проговорила одна из женщин в телевизоре. — Интересно, как ты себе вообще это представляешь?

— Просто... скажи и все, — отвечала другая.

— Но почему я должна ему это сказать? Почему я должна ломать его жизнь из-за того, что случилось двадцать лет назад?

— Ты собираешься ему солгать?

— Я просто ничего ему не скажу.

— Но ты должна ему сказать.

— Шэрон, я не могу позволить себе так поступить.

— Если ты не скажешь ему, Бетти, то мне придется все рассказать ему самой.

— Эта гребаная машина разгребалась к гребаной матери, — сказал Дункан, возвращаясь обратно. — Она сидела занозой у меня в заднице с тех самых пор, как ее тут поставили. И что мне теперь делать? Звонить в гребаную компанию «Автоматик Индастриз»? Ждать двадцать минут, пока какой-нибудь мудозвон-секретарь не соединит меня с нужным номером? А потом слушать, как какой-нибудь парень будет рассказывать мне, что они чертовски заняты, но тем не менее постараются прислать в среду механика. *В среду!* Да этот парень, у которого весь ум ушел в задницу, покажется только в пятницу, выпьет бесплатного пива на четыре доллара, починит, что там сломалось, а то еще и подпортит там внутри какую-нибудь штуку, чтобы вышла из строя через пару недель, и скажет мне, чтобы я не позволял ребятам катать шары с такой силой. Раньше у меня был обычный кегельбан. Вот это было здорово. Он почти никогда не ломался. Но прогресс не стоит на месте. Если я еще буду здесь в 1980-ом, они, наверное, уберут отсюда игровые автоматы и поставят машинки для автоматического минета. Будешь еще пива?

— Конечно, — ответил он.

Дункан пошел наливать. Он положил пятьдесят центов на стойку и двинулся к телефону за сломанным игровым автоматом.

Раскрыв телефонный справочник, он нашел то, что ему было нужно, в графе *Автомобили, новые и подержанные*. Одна из строчек гласила: ПОДЕРЖАННЫЕ АВТОМОБИЛИ МАЛЬОРЕ, дорога №16, Нортон, 892-4576.

Если проехать чуть дальше в Нортон, дорога №16 переходила в авеню Веннер. Авеню Веннер была также известна под названием Взлетной Полосы, где можно

было купить товары, которые в справочниках не рекламировались.

Он вложил в автомат полцента и набрал номер «Подержанных автомобилей Мальоре». После второго звонка трубку сняли, и мужской голос сказал: «Подержанные автомобили Мальоре» на проводе.

— Это Доуз говорит, — сказал он. — Бартон Доуз. Могу я поговорить с мистером Мальоре?

— Сэл сейчас занят. Но я буду рад помочь вам, если смогу. Пит Мэнси.

— Нет, мне надо переговорить лично с мистером Мальоре, мистер Мэнси. Это по поводу тех двух «Эльдорадо».

— Не повезло вам, дружище, — сказал Мэнси. — Мы не принимаем на комиссию больших машин до конца года, все из-за этого энергетического кризиса. Никто их не берет. Так что, извините...

— Да нет, я покупаю.

— Чего-чего?

— Я говорю: я покупаю. Два «Эльдорадо». Один семидесятого года, другой — семьдесят второго. Один золотой, другой кремовый. Я говорил о них с мистером Мальоре на прошлой неделе. Это серьезная сделка.

— Ах, вот оно что. Но его действительно сейчас нет, мистер Доуз. Сказать по правде, он сейчас в Чикаго. И он точно не приедет до одиннадцати вечера.

Тем временем Дункан повесил табличку на игровой автомат. Табличка гласила:

НЕ РАБОТАЕТ

— А завтра он будет?

— Да, конечно. Вы заключили договор о купле-продаже?

— Нет, я расплачусь наличными.

— Вы один из специальных клиентов?

Он секунду поколебался, а потом сказал:

— Да, совершенно верно. Могу я назначить встречу на четыре?

— Конечно, отлично.

— Спасибо, мистер Мэнси.

— Я передам ему, что вы звонили.

— Обязательно передайте, — сказал он и осторожно повесил трубку. Ладони у него все вспотели.

Когда он пришел домой, Мерв Гриффин болтал с очередной знаменитостью. Почты не было, и это стало для него большим облегчением. Он вошел в гостиную.

Мэри пила из чашки какое-то варево, в основе которого явно был горячий ром. Рядом с ней валялась пачка салфеток, а в комнате пахло таблетками.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Де цедуй дедя, — сказала она. Голос ее звучал глухо, словно сирена, подающая сигнал судам во время тумана. — Подцепила что-то.

— Бедняжка моя. — Он поцеловал ее в лоб.

— Я доджна попросидь тедя, Бард. Не дог бы ды сад сходишь за покупками сегоддя? Я хотеда подти с Мег Кардер, но прищдось позводить и одпросидса.

— Конечно. У тебя естъ жар?

— Де здаю. Дожет быдь, недного.

— Хочешь я позвоню Фонтену и вызову его, чтобы он тебя посмотрел?

— Де здаю. Дожед быть, завдра, если дне де стадед лудше.

— У тебя совсем нос забит.

— Да. Декарсдво демдого помогдо, до сейчас... Она пожала плечами и изнуренно улыбнулась. — У дедя годос как у Додалд Дака.

После секундного колебания он сказал:

— Завтра вечером я немного задержусь.

— Да?

— Я собираюсь съездить в северную часть города посмотреть на один дом. Вроде как ничего. Шесть комнат. Небольшой задний дворик. К тому же не очень далеко от Хобартов.

Внутри раздался отчетливый голос Фредди: *Ах ты гребаный-разгребаный сукин сын, хреносос вонючий.*

Мэри просияла. — Вот эдо здододо. А должно мде с тодой поехать?

— Да лучше не надо, с такой простудой.

— А я одедусь подепдее.

— В следующий раз, — сказал он твердо.

— Ну дадно. — Она посмотрела на него внимательно. — Сдава Богу, чдо ды накодец-то зашеведидса, — сказала она. — А то я уж быдо начада водновадса.

— Не волнуйся.

— Де дуду.

Она отпила глоток своего варева с горячим ромом и прильнула к нему. Он слышал, как хрипит ее горло при вдохе и при выдохе. Мерв Гриффин болтает с Джеймсом Бролином о его последнем фильме под названием «Западный мир». Вскоре состоится премьера во всех парикмахерских страны.

Спустя некоторое время Мэри встала и поставила обед в микроволновую печь. Он поднялся и переключил телевизор на другую программу, где по второму разу гоняли «Армию Ф». Он пытался не слушать Фредди. Однако через некоторое время Фредди сменил пластинку.

Помнишь ли ты, Джорджи, как ты покупал свой первый телевизор?

Он слегка улыбнулся, глядя не столько на Форреста Такера, сколько сквозь него. Помню, Фред. Разумеется, помню.

Это произошло примерно через два года после их свадьбы. Однажды вечером они вернулись домой из гостей. Они были у Апшоу и смотрели там «Твой Хит-Парад» и «Госпожу Удачу», и Мэри спросила, не показалось ли ему, что Донна Апшоу держалась... ну, что ли, слегка отчужденно. Теперь, сидя перед телевизором, он мог ясно представить себе тогдашнюю Мэри — стройную и как-то неожиданно привлекательно высокую в новых белых босоножках, которые она купила себе, чтобы отпраздновать начало лета. Шорты на ней тоже были белые. Ноги казались длинными и соблазнительными, словно и вправду поднимались до подбородка. Честно говоря, он не

слишком-то был заинтересован выяснением вопроса о том, держалась ли Донна Апшоу слегка отчужденно. Куда больше он был заинтересован тем, чтобы снять с Мэри туго обтягивающие ее шорты. Именно там находилась главная область его интереса — не стоит, пожалуй, указывать ее местонахождение более конкретно.

— Может быть, она просто слегка устала подавать половине жителей окрестных домов испанский арахис только из-за того, что они — единственные люди на улице, у которых есть телевизор, — сказал он.

Ему показалось, что он заметил маленькую морщинку у нее на переносице — верный признак того, что Мэри что-то замышляет, — но к тому времени они уже шли на второй этаж, а его рука блуждала по туго натянутой ткани шорт — а ткани этой было не слишком много, — и лишь позже, лишь после всего она спросила:

— А во сколько обошлась бы нам обычная настольная модель, Барт?

Уже наполовину погрузившись в сон, он ответил:

— Ну, пожалуй, «Моторолу» мы могли бы купить за двадцать восемь, может быть, тридцать долларов. Что же касается «Филко», то...

— Я говорю не о радио, а о телевизоре.

Он сел на кровати, включил лампу и посмотрел ей в лицо. Он лежала обнаженной, простыня лишь слегка прикрывала ее бедра, и, хотя она улыбалась, он понял, что она это серьезно. Это была улыбка-вызов.

— Мэри, мы не можем позволить себе купить телевизор.

— Так сколько стоит настольная модель? «Джи И» или «Филко» или что-нибудь в этом роде?

— Новая?

— Новая.

Он поразмыслил над этим вопросом, наблюдая за игрой света и тени на восхитительных округлостях ее грудей. Она была тогда куда стройнее (но и сейчас про нее не скажешь, что она толстушка, — упрекнул он самого себя); а никто этого и не говорил, Фредди, мой

мальчик, никто этого и не говорил), какой-то более живой, что ли. А когда она причесывалась, даже ее волосы, потрескивая, передавали свое собственное сообщение: *живые, подвижные, одушевленные...*

— Около семисот пятидесяти долларов, — сказал он, думая, что это погасит ее улыбку. Но этого не произошло.

— Ну так посмотри, — сказала она, устраиваясь на кровати в позе лотоса.

— Я смотрю, — сказал он, усмехаясь.

— Да не на это. — Она засмеялась, и лицо ее залилось краской (хотя, он это отчетливо помнил, простыню она так и не натянула).

— Что ты задумала?

— Почему мужчины хотят иметь телевизор? — спросила она. — Чтобы смотреть спортивные передачи по субботам и воскресеньям. А почему женщины хотят иметь телевизор? Чтобы смотреть днем эти мыльные оперы. Пока гладишь, можно слушать, а сделал работу — клади ноги на стол и смотри. А теперь предположи, что каждый из нас найдет себе какое-нибудь занятие, которое принесет *деньги*, на то время, когда мы обычно просто бездельничаем...

— Ага. Читаем книгу, например, или даже занимаемся любовью? — вставил он.

— Для *этого* мы всегда сумеем найти время, — сказала она и засмеялась, а потом покраснела, и ее темные глаза сверкали в свете лампы, и свет этот отбрасывал теплую, полукруглую тень у нее между грудей, и в этот момент он понял, что сдастся, что пообещает ей *наполюный «Зенит»* за пятнадцать сотен, лишь бы она позволила ему снова заняться с ней любовью, и при этой мысли он почувствовал, что у него наступает эрекция, почувствовал, как змея превращается в камень — как сказала как-то раз Мэри, слегка перебрав на новогодней вечеринке у Ридпатов (и сейчас, восемнадцать лет спустя, он почувствовал, как змея превращается в камень — при одном лишь воспоминании)

— Хорошо, согласен, — сказал он. — Я готов работать по выходным, а ты будешь трудиться днем. Но скажи мне, дорогая Мэри, моя Мария, которая уже не совсем дева, чем же мы будем заниматься?

Радостно хихикая, она прыгнула на него, и ее груди легли мягкой тяжестью на его живот (в те дни он был достаточно плоским, Фредди, ни малейшего признака брюшка). — Вот в этом-то весь и фокус! — сказала она. — Какое сегодня число? Восемнадцатое июня?

— Да.

— Так вот, ты будешь работать по выходным, а восемнадцатого декабря мы сложимся...

— ...и купим тостер, — сказал он, усмехнувшись.

— ...купим телевизор, — сказала она торжественно. — Я уверена, что у нас получится, Барт. — Потом она снова захихикала. — Но самое забавное будет в том, что мы пока не скажем друг другу, что за работу каждый из нас себе нашел.

— Лишь бы, придя домой, я не увидел над дверью красный фонарь, — сказал он, капитулируя.

Она схватила его за плечи, взобралась на него и стала щекотать. Щекотка плавно перешла в ласки.

— Приди ко мне, — прошептала она, вжимаясь в его шею, и обхватила жезл его страсти с нежной, но мучительной силой, в одно и то же время направляя и сдавливая его. — Войди в меня, Барт.

Позже, снова в темноте, скрестив руки под головой, он сказал:

— Так мы не скажем друг другу?

— Нет.

— Мэри, а откуда у тебя возникла эта идея? Из-за того, что я сказал, что Донна Апшоу устала подавать арахисовые орешки половине окрестных жителей?

Когда она ответила, в ее голосе уже не было смешинок. Он был ровным, резким и совсем чуть-чуть пугающим — легкое дуновение зимы в теплом июньском воздухе их квартиры на третьем этаже без лифта. — Я не люблю быть чьим-то нахлебником, Барт. И я им не буду. Никогда.

Следующие полторы недели он так и сяк обдумывал ее неожиданное предложение, размышляя о том, что же, черт возьми, ему надо делать, чтобы заработать свою половину от семисот пятидесяти долларов (а то и добрые три четверти, раз уж на то пошло) за следующие двадцать или около того уик-эндов. Он уже был слегка староват, чтобы стричь лужайки в округе. А Мэри приобрела такой вид — такой самодовольный вид, — что ему оставалось только предположить, что она для себя уже все решила. Пора тебе обуть свои беговые кроссовки, — сказал он себе и не мог не рассмеяться вслух.

Прекрасные были деньки, не так ли, Фредди? — спросил он себя в тот момент, когда Форрест Такер и «Армия Ф» уступили место рекламному ролику овсяных хлопьев, в котором мультипликационный ролик уверял, что «Трикс» — лучшая пища для детей. Ты абсолютно прав, Джорджи. Это были *великие* дни, мать твою за ногу.

Однажды после работы он отпирал дверцу своей машины и случайно взглянул на большую дымовую трубу позади химчистки. В этот момент его осенило.

Он положил ключи в карман и вернулся обратно, чтобы поговорить с Доном Таркингтоном. Дон откинулся в своем кресле и, сложив руки на груди, посмотрел на него из-под косматых бровей, которые уже начали седеть, равно как и волосы, которые кустились у него в ушах и завивались в носу.

— Покрась трубу, — сказал Дон.

Он кивнул.

— Работать будешь по выходным.

Он снова кивнул.

— Плата — триста долларов.

Еще кивок.

— Ты — сумасшедший.

Он расхохотался.

Дон слегка улыбнулся. — Ты что, пристрастился к наркотикам, Барт?

— Нет, — ответил он. — Но у меня тут одна договоренность с Мэри.

— Пари? — Косматые брови приподнялись на полмили.

— Да нет, тут более деликатное дело. Соревнование, можно сказать. Как бы то ни было, Дон, трубу необходимо покрасить, а мне нужны три сотни долларов. Что ты на это скажешь? Профессиональный маляр запросил бы за эту работу четыреста двадцать пять долларов.

— Проверил, значит.

— Проверил.

— Урод ты чокнутый, — сказал Дон и разразился громовым хохотом. — Ты хоть понимаешь, что запросто можешь упасть оттуда и убиться?

— Да, может статься, и так, — сказал он и сам рассмеялся (и сейчас, восемнадцать лет спустя, он сидел и усмехался, как последний идиот; восхваляющий «Трикс» кролик тем временем уступил место вечерним новостям).

Вот так и получилось, что на следующий уик-энд после четвертого июля он оказался на шатких лесах в восьмидесяти футах от земли — с малярной кистью в руке и промерзшей на ветру задницей. Однажды налетела внезапная послеполуденная гроза и порвала одну из веревок, которые держали его люльку, с такой же легкостью, как вы разрываете бечевку у свертка, и он чуть было не упал. Но страховочная веревка, которой он был обвязан вокруг пояса, удержала его, и он спустился на крышу, и сердце его стучало, как барабан, и он был уверен на все сто процентов, что никакая сила на земле не заставит его снова залезть наверх — во всяком случае, не ради какого-то вшивого настольного телевизора. Но он вернулся. Не ради телевизора, а ради Мэри. Ради игры светотени на ее небольших вздернутых грудях, ради ее улыбки-вызова, которая плясала у нее на губах и в ее глазах — в ее темных глазах, которые порой могли становиться такими светлыми или, наоборот, еще темнее, словно летние грозовые тучи.

К началу сентября он закончил работу: ослепительно белая труба выделялась на фоне неба, словно проведенная мелом черта на голубой доске — стройная, яркая. Он

оглядел ее с некоторой гордостью, оттирая растворителем запачканные краской руки.

Дон Таркингтон заплатил ему чеком. — Неплохая работа, — кратко прокомментировал он, — если учесть, какой осел ее исполнял.

Он заработал еще пятьдесят долларов, обив деревянными панелями стены новой гостиной Генри Чалмерса — в те дни Генри был управляющим прачечной, — и покрасив стареющий «Крис-Крафт» Ральфа Тремонта. Когда наступило восемнадцатое декабря, они с Мэри сели за небольшим столом в столовой, словно враги перед поединком, которые, однако, чувствуют друг к другу странную симпатию, и он выложил перед ней триста девяносто долларов — он положил деньги в банк, и выросли кое-какие проценты.

Она положила рядом четыреста шестнадцать долларов. Эти деньги она вынула из кармана передника. Ее пачка была гораздо толще его, так как состояла в основном из мелких купюр — по одному и по пять долларов.

У него перехватило дыхание, и он смог лишь вымолвить:

— Господи, Мэри, да чем же ты таким занималась?

Она ответила с улыбкой:

— Я сшила двадцать шесть платьев, обшила кружевами воротники у сорока девяти платьев и подола у шестидесяти четырех платьев, связала крючком четыре коврика, пять свитеров, два теплых платка и изготовила один полный столовый комплект — скатерть с салфетками. А еще я вышила шестьдесят три носовых платка, двенадцать комплектов полотенец и двенадцать комплектов наволочек, и все эти монограммы я до сих пор вижу во сне.

Смеясь, она протянула ему руки, и он впервые по-настоящему заметил толстые подушечки мозолей на кончиках ее пальцев, совсем как у музыканта, играющего на гитаре.

— Господи, Мэри, — сказал он хриплым голосом. — Ты только посмотри на свои руки.

— С руками у меня все в порядке, — сказала она, и глаза ее потемнели и заискрились. — А ты неплохо смотрелся там, на дымовой трубе, Барт. Я раз даже было собралась купить себе рогатку и попробовать попасть тебе в задницу...

Взревев, он вскочил, погнался за ней через гостиную и настиг ее в спальне. Там мы и провели весь оставшийся день, не так ли, Фредди, старина?

Обнаружилось, что у них не только достаточно денег на настольную модель, но что если раздобыть еще сорок долларов, то можно позволить себе и напольную. Владелец магазина «Телевизоры у Джона» (магазин этот уже давно был похоронен под новым участком 784-й автострады — вместе со старым кинотеатром и всем прочим) показал им новую модель «АрСиЭй» и сказал, что они будут выплачивать всего лишь по десять долларов в неделю...

— Нет, — сказала Мэри.

Джон обиженно скривился. — Леди, речь идет всего лишь о четырех неделях. Вы вряд ли продадите душу дьяволу, купив в кредит на таких условиях.

— Подождите нас минуточку, — сказала Мэри и вытащила его на предрождественский холод, где со всех сторон до них доносились звуки праздничных гимнов.

— Мэри, — сказал он. — Торговец прав. Ведь речь не идет о том...

— Нашей первой покупкой в кредит должен стать наш собственный дом, Барт, — сказала она. Едва заметная черточка появилась у нее между бровей. — А теперь слушай...

Они вернулись в магазин. — А вы не могли бы придержать для нас эту модель? — спросил он у Джона.

— Пожалуй, смог бы, на некоторое время. Только сами знаете, сейчас покупатели валом валят — самый сезон. На сколько вы хотите, чтобы я ее придержал?

— Только на субботу и воскресенье, — сказал он. — Я буду в понедельник вечером.

Этот уик-энд они провели за городом, закутавшись потеплее от холода и снега, который грозился пойти, но

так и не пошел. Они медленно катались взад и вперед по узким загородным дорогам, хохоча, как дети, а на заднем сиденье лежала упаковка из шести бутылок пива для него и бутылка вина для Мэри. Они не выбросили пустые пивные бутылки, наоборот, подобрали еще — целые мешки бутылок из-под пива, из-под содовой, и самые маленькие из них стоили по два цента, а большие — по пятицентовику. Вот это был уик-энд, если вспомнить сейчас, после стольких лет — у Мэри были длинные волосы, и они развевались, выбившись из-под воротника ее пальто из кожзаменителя, а щеки ее горели алым пламенем. Он ясно мог представить себе сейчас, как она шла по придорожной канаве, усыпанной осенними листьями, вороша их ногами — при этом раздавался трест и шорох, похожий на шум лесного пожара... потом раздавался звон бутылки, и она радостно принималась размахивать ею над головой, смеясь, как ребенок.

Так или иначе, Джорджи, бутылки больше не принимают. В наши дни ничто не хранится, ничто не возвращается. Используйте и отшвырни прочь.

В тот понедельник после работы они сдали бутылок на тридцать один доллар, распределив свое богатство по четырем разным супермаркетам. Они появились в магазине «У Джона» за десять минут до закрытия.

— У меня не хватает девяти долларов, — сообщил он хозяину.

Джон взял ручку и написал *оплачено* на счете, прикрепленном к консоли «АрСиЭй». — Счастливого Рождества, мистер Доуз, — сказал он. — Подождите секунточку, я прикачу свою тележку и помогу вам вывезти эту штуку на улицу.

Они привезли телевизор домой, и взволнованный Дик Келлер с первого этажа помогал им втаскивать его наверх, и в тот вечер они смотрели его до тех пор, пока по последнему работающему канал не начался национальный гимн, а потом они занимались любовью перед тестовой таблицей, и у каждого были дикая головная боль от непривычного перенапряжения глаз.

С тех пор редко когда телевизионные передачи казались им такими же интересными, как в тот день.

Мэри вошла, застав его смотрящим телевизор с пустым бокалом из-под виски в руке.

— Твой обед готов, Барт, — сказала она. — Хочешь, я принесу его тебе сюда?

Он взглянул на нее, размышляя, когда же именно в последний раз он видел у нее на губах улыбку-вызов... наверное, в тот же самый день, когда маленькая черточка между бровей превратилась в постоянную морщинку, в шрам, в татуировку, неизгладимую метку прошедших лет.

О странных вещах ты начал задумываться, — сказал он самому себе. — Раньше тебе даже в голову такое бы не пришло. Что это с тобой, скажи на милость?

— Барт?

— Давай поедим в столовой, — сказал он. Поднявшись, он выключил телевизор.

— Хорошо.

Они сели за стол. Он посмотрел на еду на алюминиевом подносе. Шесть маленьких отделений, и в каждое втиснута какая-то гадость. Мясо обильно полито подливкой. У него сложилось впечатление, что во всех готовых обедах мясо всегда полито подливкой. Без подливки оно выглядело бы голым, — подумал он и по непонятной ассоциации вспомнил свою мысль по поводу Лорна Грина: *Парень, я сниму с тебя скальп живьем.*

Но на этот раз фраза не позабавила его. Наоборот, даже немного испугала.

— Чему эдо ды дам удыбался в гостиной, Барт? — спросила Мэри. Он простуды глаза у нее покраснели, а нос был похож на мороженую редиску.

— Не помню, — ответил он, и в голове у него промелькнула мысль: *Сейчас я закричу, кажется, закричу. От горя по тем вещам, которые ушли и никогда не вернутся. От тоски по твоей улыбке, Мэри. Прости меня, пожалуйста, но сейчас я закину голову и закричу от тоски по улыбке, которая больше никогда не появ-*

вится на твоём лице. Ты не будешь возражать, ведь правда?

— Ты выглядел очень счастливым, — сказала она.

Против своего желания, ибо это было тайной, а этим вечером он чувствовал, что ему необходимо иметь тайны, так как душа его стала похожа на мороженую редиску, совсем как нос у Мэри, — против своего желания он сказал:

— Я думал о том, как мы собирали бутылки, чтобы набрать денег на наш первый телевизор. Напольная модель фирмы «АрСиЭй», которую мы купили в Джона.

— А, об этом, — сказала Мэри и шумно высморкалась в платок.

Он наткнулся на Джека Хобарта в продовольственном магазине. Тележка Джека была доверху набита морожеными продуктами, консервами, которые достаточно только разогреть и можно подавать к столу, и большим количеством пива.

— Джек! — воскликнул он. — Что это ты тут делаешь? Откуда ты взялся?

Джек чуть-чуть улыбнулся. — Видишь ли. Дело в том, что я еще не привык к новым магазинам у нас в округе. Вот я и подумал...

— А где Эллен?

— Ей пришлось улететь в Кливленд, — ответил Джек. — Ее мать умерла.

— Господи, мне так жаль, Джек, примите мои соболезнования. Это произошло внезапно?

Покупатели сновали вокруг них взад и вперед, освещенные холодным светом люминесцентных ламп. Из спрятанных колонок раздавалась музыка — какие-то старые песенки, которые никогда толком не можешь узнать. Мимо них прошла женщина с доверху наполненной тележкой, таща за собой трехлетнего малыша в синей парке с размазанными по рукавам соплями.

— Да, внезапно, — сказал Джек Хобарт. Он улыбнулся бессмысленной улыбкой и взглянул в свою тележку. В ней лежала большая желтая коробка с надписью:

ТАРЕЛОЧКА ДЛЯ ВАШЕЙ КОШЕЧКИ

Используйте и выбросьте!

Гигиенично!

— Очень неожиданно. Конечно, она чувствовала себя неважно, еще бы — в ее-то возрасте, но она думала, что это... ну, вроде как, остаточные явления из-за изменившегося образа жизни и все такое прочее. А это оказался рак. Они разрезали ее, заглянули ей в нутро, да тут же и зашили обратно. Три недели спустя она умерла. Эллен очень тяжело переживает ее смерть. К тому же, ты понимаешь, она всего лишь на двадцать лет моложе ее.

— Да, — сказал он. — Я понимаю.

— Вот она и поехала в Кливленд на некоторое время.

— Да, вот оно что.

— Да, вот так.

Они посмотрела друг на друга и улыбнулись стыдливой улыбкой, которая обычно появляется у людей при известии о смерти не очень близкого им человека.

— Как там обстоял дела? — спросил он. — В северной части города?

— Ну, сказать по правде, Барт, люди там выглядят не очень-то дружелюбно.

— Серьезно?

— Ты ведь знаешь, что Эллен работает в банке?

— Да, конечно.

— Ну так вот, в нашем районе многие женщины добирались в город на машинах сообща — я сам давал Эллен ключи от нашей машины каждый четверг. Это был ее взнос. В северном районе тоже так делают, но все эти женщины — члены какого-то клуба, в который Эллен имеет право вступить, только прожив в этом районе целый год.

— Знаешь, Джек, это очень похоже на дискриминацию, вот что я тебе скажу.

— Да катись они все в жопу, — сердито сказал Джек. — Эллен не вступит в их гребаный клуб, даже если они на коленях приползут к ней и станут умолять ее об

этом. Я купил ей машину для нее лично. Подержанный «Бьюик». Ей очень нравится. Не понимаю, почему я не сделал этого еще два года назад.

— Как дом?

— Отличный дом, — сказал Джек и вздохнул. — Вот только за электричество три шкуры сдирают. Ты бы видел, какой нам прислали счет. Для людей, у которых парень в колледже, это не очень удачный подарок.

Они помялись, подыскивая следующую тему для разговора. Теперь, когда гнев Джека прошел, на лице его вновь появилась какая-то виноватая ухмылка. Он понял, что Джек чуть ли не до слез рад встретить кого-то из своих бывших соседей и старается продлить этот момент. Он неожиданно явственно представил себе, как Джек бродит по новому дому, а звук включенного телевизора населяет комнаты призраками — его единственной компанией, пока его жена за тысячу миль отсюда хоронит свою мать.

— Послушай, а почему бы нам не отправиться ко мне домой? — спросил он. — Купим пару пивных упаковок и послушаем, как Говард Коузелл объяснит нам, что там такое неладное приключилось с НФЛ.

— С превеликим удовольствием.

— Вот только расплатимся сейчас, и я звякну Мэри, не против ли она.

Он позвонил Мэри, и Мэри сказала, что она не против. Она обещала поставить парочку кексов в микроволновую печь и сказала, что потом ляжет спать, чтобы не заразить Джека своей простудой.

— Как ему понравился новый район? — спросила она.

— Да ничего, наверное. Мэри, у Эллен мать умерла. Она сейчас в Кливленде, на похоронах. Рак.

— Ах, нет.

— Вот я и подумал, что Джеку неплохо с кем-нибудь развеяться...

— Да, конечно... — Она выдержала паузу. — А ты сказал ему, что мы вскоре можем стать соседями?

— Нет пока.

- Скажи обязательно. Может быть, это его подбодрит.
- Хорошо. Пока, Мэри.
- Пока.
- Перед сном прими аспирин.
- Приму.
- Пока.
- Пока, Джордж. — Она повесила трубку.

По спине у него прошел холодок. Она называла его так, только когда была очень им довольна. Эту игру во Фреда и Джорджа придумал Чарли.

Вместе с Джеком Хобартом они пришли домой, посмотрели матч и выпили много пива. Но настроение было не ахти.

Забираясь в машину в четверть первого, Джек посмотрел на него мрачно и сказал:

— Эта гребаная автострада. Из-за нее все полетело ко всем чертям.

— Это уж точно. — Он подумал, что Джек выглядит очень старым, и испугался. Он ведь был одного с ним возраста.

— Еще увидимся, Барт.

— Конечно.

Они вяло улыбнулись друг другу. Он смотрел вслед машине Джека, пока ее задние фары не скрылись за холмом.

27 ноября, 1973

С утра его мучило легкое похмелье, и он почувствовал себя немного вялым из-за того, что так поздно встал. Шум стиральных машин, со стуком переключающихся в режим выжимания, громом отдавался у него в ушах, а постоянное бух-хисс рубашечных прессов и гладильной установки заставляло его вздрагивать.

Но Фредди был еще хуже. — Это твоя последняя возможность, мой мальчик. У тебя есть еще целый день для того, чтобы добраться до конторы Монохана. А если ты будешь тянуть резину до пяти часов, то можешь и не успеть.

Срок истекает только в полночь.

Разумеется, в полночь. Но сразу после работы Монохан ощутит непреодолимое желание отправиться повидать своих родственников. Где-нибудь на Аляске. Для него речь идет о разнице между сорока пятью комиссиянными и пятьюдесятью, а это цена новой машины. Для того, чтобы понять, о чем идет речь, вам не потребуется карманный калькулятор. За такие деньги можно отыскать родственников и в бомбейской канализации.

Но все это уже не имело никакого значения. Дело зашло слишком далеко. Слишком долго он позволял себе действовать безо всякого контроля со стороны сознания. Он был загипнотизирован предстоящим взрывом, он почти желал его.

Большую часть второй половины дня он провел в мойке, наблюдая за тем, как Рон Стоун и Дейв проводили

испытания одного из новых моющих веществ. В мойке стоял ужасный шум. Этот шум заставлял сжиматься его нежное сердце, но помогал заглушить мысли.

После работы он выехал на машине со стоянки — Мэри с радостью предоставила ему возможность располагать машиной в течение всего дня, ведь он отправлялся смотреть на их новый дом — и отправился через предместья в направлении Нортон.

В Нортоне кучки чернокожих толпились на углах улиц и у баров. Рестораны рекламировали различные блюда черной кухни. Дети прыгали и танцевали на разрисованных мелом тротуарах. Он увидел, как огромный розовый кадиллак «Эльдорадо» подруливает и останавливается у здания из коричневого камня безо всякой вывески. Вышедший оттуда человек был негром размерами с Уилта Чемберлена. Он был в белой плантаторской шляпе и в белоснежном костюме с жемчужными пуговицами. Ноги его были обуты в черные туфли на платформе с огромными золотыми пряжками по бокам. В руках он нес малаккскую трость с большим костяным набалдашником. Медленно и величественно он прошествовал вокруг капота, на котором было укреплено несколько рогов северного канадского оленя. Крошечная серебряная ложечка свисала с серебряной цепочки у него на шее и посверкивала в лучах мягкого августовского солнца. Он наблюдал за негром в зеркальце заднего обзора и видел, как дети подбежали к нему за конфетами.

Через девять кварталов жилые районы кончились, и по обе стороны от дороги раскинулись необработанные поля, сырые и заболоченные. В низинах стояла маслянистая вода, поверхность которой представляла собой плоскую, смертельную радугу. Слева, у самого горизонта, был замечен самолет, приземляющийся в городском аэропорту.

Он ехал уже по дороге №16 мимо последних наростов города. Мимо промелькнул «Макдональдс». Закусочная «У Шейки», шашлычная Нино. Он проехал Дэйри Фриз и мотель «Пора бай-бай». Оба заведения были закрыты в

связи с отсутствием клиентов в это время года. Потом он миновал нортонский драйв-ин¹, афиша перед которым гласила:

ПЯТНИЦА — СУББОТА — ВОСКРЕСЕНЬЕ

Неутомимые женушки

Некоторые бегут бегом

Восьмой шар

ДЕТИ ДО ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ

Потом он проехал мимо кегельбана и тира, закрытого на замок до летних деньков. Потом — мимо двух бензо-заправок. У обеих висело одно и то же объявление:

ИЗВИНИТЕ, БЕНЗИНА НЕТ

Оставалось еще четыре дня до выдачи бензиновых квот на декабрь. Он не находил в себе ни следа сочувствия к стране в целом, вступающей в полосу кризиса в духе научно-фантастической литературы — слишком долго страна обжиралась бензином, чтобы заслужить его симпатию, — но он сочувствовал маленьким людям, которым прищемило носы громадной дверью.

Примерно через милю показался магазин «Подержанные автомобили Мальоре». Он толком не знал, чего он ожидал, и все-таки вид магазина вызвал у него разочарование. Это был второсортный плохонький магазинчик с сомнительной репутацией. Машины стояли на стоянке носами к дороге под провисшими гирляндами разноцветных флажков — красных, желтых, синих, зеленых, — которые развевались на ветру между фонарями, освещавшими стоянку с наступлением темноты. Таблички с ценами и различными пояснениями были выставлены под ветровыми стеклами машин:

¹ Драйв-ин — большой кинотеатр, часто под открытым небом, где можно смотреть кино, не выходя из машины — *прим. перев.*

795\$
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ХОД!

или

550\$
ОТЛИЧНОЕ ТРАНСПОРТНОЕ
СРЕДСТВО!

На табличке старого пыльного «Вэлиента» с дырявыми шинами и треснувшим ветровым стеклом было написано:

75\$
РУКИ МЕХАНИКА
МОГУТ СОТВОРИТЬ ЧУДО!

Продавец в серо-зеленом плаще кивал и уклончиво улыбался молодому парню в красной шелковой куртке, который с жаром ему что-то втолковывал. Они стояли у синего «Мустанга», страдающего неизлечимым раком крыльев. Парень что-то яростно прокричал и хлопнул рукой по водительской дверце. В воздухе поднялось облачко ржавой пыли. Продавец пожал плечами и продолжал улыбаться. «Мустанг» продолжал стоять на месте, с каждой секундой становясь немного старше.

В центре стоянки был расположен гибрид конторы и гаража. Он припарковал свою машину и вышел на стоянку. В гараже был автоподъемник, и сейчас на нем стоял старый «Додж» с огромными плавниками. Из-под него вышел механик, неся на черных от смазки руках глушитель.

— Эй, мистер, здесь нельзя ставить машины. Так вы будете всем мешать.

— Где же мне поставить машину?

— Объезжайте вокруг и поставьте ее за магазином, если собираетесь зайти в контору.

Он стал объезжать вокруг здания, медленно продвигаясь в узком проходе между ржавой гаражной стеной и

рядами машин. За гаражом он поставил машину на стоянку и вышел. Резкий, пронизывающий ветер заставил его поежиться. После тепла машины холод показался особенно колючим, и у него чуть слезы не потекли из глаз.

За гаражом располагалась автомобильная свалка. Она занимала многие акры и представляла собой удивительное зрелище. С большинства машин были сняты еще пригодные к употреблению детали, и теперь они стояли на ободах или осях, словно жертвы какой-то ужасной чумы, которая оказалась настолько заразной, что их даже не сумели дотащить до могил. Пустые глазницы пристально наблюдали за ним.

Он вернулся обратно. Механик устанавливал глушитель. Открытая бутылка кока-колы шатко стояла на пирамиде старых шин справа от него.

— Мистер Мальоре у себя? — спросил он у механика. Общение с механиками всегда заставляло его чувствовать себя последним идиотом. Он купил свою первую машину двадцать четыре года назад, но до сих пор, разговаривая с механиками, он казался самому себе прыщавым подростком.

Механик глянул на него через плечо и некоторое время продолжал орудовать своим гаечным ключом. — Да, и он, и Мэнси, — отозвался он через неопределенно долгое время. — Сидят у себя в конторе.

— Спасибо.

— Да ладно, чего уж там.

Он вошел в контору. Стены были обиты пластиковыми панелями под сосну, а пол был покрыт грязным линолеумом в красно-белую клетку. Там стояло два старых стула, между которыми на полу лежала кipa старых потрепанных журналов — «Жизнь на природе», «Поле и река», «Величавый Челн» и прочие в этом же роде. На стульях никто не сидел. В комнате была еще одна дверь, по-видимому, ведущая во внутренние помещения, а слева стояла небольшая кабинка, похожая на театральную кассу. Там сидела женщина, что-то подсчитывавшая на

арифмометре. За ухом у нее торчал желтый обгрызенный карандаш. Пара арлекинских очков на нитке, унизанной горным хрусталем, висла на ее чахлой груди. Он подошел к ней, слегка нервничая. Прежде чем начать разговор, он облизал пересохшие губы.

— Простите.

Она подняла глаза. — Да?

У него возникло безумное желание выпалить: *Я пришел сюда повидать Одноглазого Салли, сучка драная, так что давай, шевели задницей.*

Вместо этого он сказал:

— У меня назначена встреча с мистером Мальоре.

— Вот как? — Пару секунд она придиричливо его осматривала, а потом порылась в каких-то бумажках, лежавших на столе рядом с арифмометром. Наконец, она нашла то, что искала. — Ваша фамилия Доуз? Бартон Доуз?

— Верно.

— Заходите. — Она раздвинула губы в улыбке, а потом вновь взялась за арифмометр.

Он очень сильно нервничал. Разумеется, они поняли, что он наврал им с три короба. Судя по вчерашнему разговору с Мэнси, они вели по ночам что-то вроде нелегальной торговли, не выплачивая с этих сделок налоги. И они знали, что он об этом знал. Может быть, лучше выскочить за дверь, прыгнуть в машину и ехать сломя голову в контору к Монохану, чтобы успеть перехватить его перед тем, как он отправится на Аляску, в Тимбукту или куда-нибудь еще.

Ну наконец-то, — воспрял Фредди. — Наконец-то в тебе проснулась хотя бы крупица здравого смысла.

Но несмотря на протестующие вопли Фредди, он подошел к двери, распахнул ее и шагнул в кабинет. В кабинете было два человека. Тот, что сидел за письменным столом, был ужасно толст и носил очки с сильными линзами. Другой был тонок, как бритва, и одет в телесно-розовый спортивный костюм, и это напомнило ему о Винни. Он склонился над письменным столом. Оба они разглядывали каталог Дж. К. Уитни.

Они подняли на него глаза. Мальоре улыбнулся ему из-за стола. За толстыми стеклами очков его глаза казались смутными и огромными, словно желтки сваренных без скорлупы яиц.

— Мистер Доуз?

— Совёренно верно.

— Рад, что вы зашли. Не возражаете, если я попрошу вас закрыть дверь?

— О'кей.

Он закрыл дверь. Когда он снова повернулся к ним, Мальоре уже не улыбался. Не улыбался и Мэнси. Они внимательно смотрели на него, и ему показалось, что температура в комнате понизилась как минимум градусов на двадцать.

— Ну, ладно, — сказал Мальоре. — Выкладывай, что за дерьмо ты тут нам подсовывал.

— Я хотел с вами поговорить.

— За разговоры я денег не беру. Правда, это относится к нормальным людям, а не к таким засранцам, как ты. Ты позвонил Питу и наплел ему всякого дерьма по поводу двух никогда не существовавших «Эльдорадо». — Выкладывай все по-хорошему, мистер. Чего ты хотел этим добиться?

Стоя у двери, он сказал:

— Я слышал, что вы занимаетесь торговлей, ну, продаете кое-что.

— Да, это верно. Машины. Я продаю подёржанные машины.

— Нет, — сказал он. — Я имею в виду другое. Ну, к примеру... — Он оглядел стены, обитые панелями под сосну. Бог его знает, может быть здесь повсюду понатыканы подслушивающие устройства. — Ну, такие разные вещи, — выдавил он из себя слова-калеки.

— Какие-такие вещи? Ты имеешь в виду наркотики, грязных шлюшек и все такое прочее? Или, может быть, ты хочешь прикупить пушку, чтобы кокнуть свою жену или своего босса? — Мальоре увидел, как он вздрогнул, и грубо засмеялся. — А это было неплохо, мистер. Со-

всем неплохо для такого говнюка, как ты. Здорово ты разыграл сценку «А вдруг это место прослушивается?» Наверное, вас этому учат на первом курсе в полицейской академии, верно?

— Я уверяю вас, я не...

— Заткнись, — сказал Мэнси. В руках он держал каталог Дж. К. Уитни. Его ногти были покрыты прозрачным лаком. Он никогда не видел маникюра у мужчин, разве только в телерекламе, где диктор брал в руку пузырек аспирина или что-нибудь в этом роде. — Если Сал захочет, чтобы ты заговорил, он скажет тебе об этом.

Он моргнул и закрыл рот. Ситуация все больше напоминала кошмарный сон.

— Вы, ребята, все глупеете и глупеете с каждым днем, — сказал Мальоре. — И я не против. Я люблю иметь дело с лопухами. Я привык иметь дело с лопухами, и я знаю, как это делается. Так вот. Ты, конечно, и сам об этом знаешь: эта контора чиста, как грудь девственницы. Мы чистим ее каждую неделю. У меня дома стоит целый сигарный ящик разных жучков. Контактные микрофоны, микрофоны-пуговицы, микрофоны повышенной чувствительности, магнитофоны «Сони» размером с твою руку. Они даже уже и не пытаются подбрасывать сюда весь этот хлам. Теперь они засылают говняных подсадных уток, вроде тебя.

Он услышал свой собственный голос как будто со стороны:

— Я не говняная подсадная утка.

Выражение преувеличенного удивления разлилось по физиономии Мальоре. Он повернулся к Мэнси. — Ты слышал, что он сказал? Он сказал, что он — не говняная подсадная утка, или мне изменяет слух?

— Да, я слышал, — сказал Мэнси.

— Скажи, а ты лично как считаешь, похож он на говняную подсадную утку?

— Похож, — ответил Мэнси.

— И разговаривает как подсадная утка, верно?

— Верно.

— Так, стало быть, если ты не подсадная утка, — сказал Мальоре, вновь повернувшись к нему, — то ответь: кто же ты тогда есть?

— Я... — начал он и запнулся, не зная, как ответить на этот вопрос. Кем он *был*? Фред, где же ты? Куда ты пропал, когда ты действительно нужен?

— Давай-давай, колись, — сказал Мальоре. — Полиция штата? Городской комиссариат? Отряд по борьбе с наркотиками? ФБР? Не кажется ли тебе, что перед нами первосортный фэбээровец, а, Пит?

— Похоже на то, — сказал Пит.

— Даже городская полиция не станет засылать сюда такую подсадную утку. Ты или фэбээровец, или частный детектив. Какой из двух вариантов угадал, отвечай?

Он почувствовал, что в нем закипает злоба.

— Вышвырни его, — сказал Мальоре, утратив к нему всякий интерес.

Мэнси двинулся вперед, все еще сжимая в руках каталог Дж. К. Уитни.

— Безмозглый моржовый хрен! — внезапно закричал он на Мальоре. — Ты такой козел, что, наверное, уже под кроватью тебе полицейские мерещатся! Ты, поди еще, думаешь, что пока ты здесь торчишь, они дома дрючат твою жену!

Мальоре посмотрел на него расширенными от удивления глазами. Мэнси замер на месте с выражением недоверия на лице.

— Моржовый хрен? — повторил Мальоре, вслушиваясь в звучание этих слов с тем же пристальным вниманием, с которым плотник стал бы рассматривать попавший к нему в руки незнакомый инструмент. — Он назвал меня моржовым хреном?

Он и сам был удивлен тем, что у него вырвалось.

— Щас я с ним разберусь, — сказал Мэнси, отмерев.

— Подожди, — выдохнул Мальоре. Он посмотрел на него с искренним любопытством. — Ты назвал меня моржовым хреном?

— Я не полицейский, — сказал он. — И не бандит. Я самый обычный парень, который услышал, что у тебя есть

что предложить людям, у которых есть деньги. У меня есть деньги. Я не знал, что надо при входе сказать секретный пароль и иметь на мизинце перстень тайного общества. Да, я назвал тебя моржовым хреном. Мне очень жаль, если это помешает твоей шестерке разделить меня под орех. Я... — Он запнулся, облизал губы и понял, что не знает, что говорить дальше. Мальоре и Мэнси смотрели на него с выражением зачарованного изумления, словно он только что превратился в античную мраморную статую прямо у них на глазах.

— Моржовый хрен, — выдохнул Мальоре. — Пит, обыщи этого парня.

Руки Пита легли ему на плечо и развернули его спиной.

— Руки положи на стену, — сказал Мэнси, дыша ему в ухо. Из рта у него шел стойкий неприятный запах. — Расставь ноги. Совсем как в полицейских шоу по телеку.

— Я не смотрю полицейские шоу, — ответил он, но он знал, что Мэнси имеет в виду, и занял требуемое положение. Мэнси прошелся руками по его ногам, похлопал по паху с равнодушием доктора, засунул руку под ремень, бегло ощупал бока и провел пальцем по внутренней стороне воротничка. Осмотр ничего не дал.

— Чист, — сказал Мэнси.

— Повернись, — сказал Мальоре.

Он повернулся. Взгляд Мальоре был по-прежнему исполнен зачарованного изумления.

— Иди сюда.

Он подошел.

Мальоре постучал пальцем по стеклянной крышке своего стола. Под стеклом лежало несколько фотографий. Черноволосая женщина ухмылялась прямо в фотоаппарат, подняв на лоб солнцезащитные очки. Оливковые дети плескались в бассейне. Сам Мальоре, похожий на короля Фарука, прогуливался по пляжу в черных плавках в сопровождении большой колли.

— Вываливай, — сказал он.

— Что?

— Все, что у тебя в карманах. Вываливай.

Он подумал было сопротивляться, но потом вспомнил о Мэнси, который нависал у него над левым плечом. Пришлось повиноваться.

Из кармана пальто он вынул обрывки билетов на последний фильм, который они смотрели вместе с Мэри. Что-то с большим количеством песен и музыки. Названия он не помнил.

Он снял пальто. Из карманов костюма на стол перекочевали: зажигалка «Зиппо» с выгравированными на ней инициалами БДД, пакетик кремней, черут¹ «Филлис», баночка таблеток магнезии, счет от фирмы «Шины Эй-энд-Эс», где он поставил себе на зиму шипованную резину. Мэнси изучил счет и сказал с некоторым удовлетворением: — Ну, парень, тебя и нагрели.

Он снял пиджак. В нагрудном кармане рубашки не оказалось ничего, кроме шарика корпии. Из правого переднего кармана брюк он извлек ключи от машины и сорок центов мелочи, основном пятицентовики. По какой-то таинственной причине, которую он никак не мог установить, пятицентовики притягивались к нему. Он никогда не мог отыскать в кармане монетки в полцента для счетчика на стоянке — одни пятицентовики, не пролезавшие в щель. Последним он вынул из кармана бумажник и положил его на покрытый стеклом стол.

Мальоре взял бумажник и внимательно изучил наполовину стершуюся монограмму — Мэри подарила ему этот бумажник на годовщину свадьбы четыре года назад.

— А что значит Дж? — спросил Мальоре.

— Джордж.

Он открыл бумажник и разложил его содержимое по столу, как пасьянс.

Сорок три доллара в купюрах по двадцать и по одному доллару.

¹ Черут — специальный сорт сигар с обрезанным концом — *прим. перев.*

Кредитные карточки: «Шелл», «Саноко», «Арко», «Грэнт'с», «Сиэрс», «Универсальный магазин Кэри'с», «Американ Экспресс».

Водительские права, полис социального страхования, карточка донора — первая группа, положительный резус-фактор. Читательский билет. Пластиковая раскладушка для фотографий. Заверенная фотокопия свидетельства о рождении. Несколько старых оплаченных счетов, часть из которых до того истрепалась на сгибах, что распадалась прямо в руках. Квитанции по новым вкладам, многие из которых датированы еще июнем.

— Что это с тобой такое? — раздраженно спросил Мальоре. — Ты что, никогда не очищаешь свой бумажник от старого хлама? Это надо же! Напихать туда всякой ерунды и таскать целый год подряд.

Он пожал плечами. — Просто не люблю выбрасывать вещи. — Он задумался о том, как странно, что он рассердился, когда Мальоре обозвал его говняной подсадной уткой, но всякие там критические пассажи по поводу его бумажника ему абсолютно безразличны.

Мальоре развернул пластиковую раскладушку, заполненную фотографиями. Первой шла Мэри: глаза скошены на нос, язык высунут прямо в объектив. Старая фотография. Тогда она была стройнее.

— Твоя жена?

— Да.

— Держу пари, она хорошенькая, если не тыкать фотоаппаратом ей в лицо.

Он посмотрел на следующую фотографию и улыбнулся.

— Твой пацан? У меня тоже есть примерно такого же возраста. В бейсбол играть умеет? Да что спрашивать, наверняка умеет!

— Да, это был мой сын. Он умер.

— Беда. Несчастный случай?

— Мозговая опухоль.

Мальоре кивнул и просмотрел остальные фотографии. Обрезки ногтей, которые оставляет после себя жизнь: дом

на улице Крестоллин, Запад, он и Том Гренджер стоят в мойке, он на трибуне конференции руководителей прачечных и химчисток — в тот год она состоялась у них в городе, и он выступал перед главным оратором, барбекью на заднем дворе — он стоит у решетки в поварском колпаке и в переднике с надписью: «Папа готовит, мама смотрит».

Мальоре положил раскладушку на стол, сгреб в кучу кредитные карточки и передал их Мэнси. — Сними с них фотокопии, — сказал он. — И возьми одну из квитанций по вкладу. Его женушка держит чековую книжку под замком, а ключ — под подушкой, совсем как моя. — Мальоре засмеялся.

Мэнси скептически посмотрел на него. — Ты что, собираешься иметь дело с этой говняной подсадной уткой?

— Не называй его говняной подсадной уткой, и тогда, может быть, он не станет называть меня моржовым хреном. — Он разразился хриплым хохотом, прерванным с пугающей внезапностью. — Занимайся своим делом, Пити. И предоставь мне заниматься моим.

Мэнси попытался было засмеяться, но перешел на вежливый кашель и вышел за дверь.

Когда дверь за Мэнси закрылась, Мальоре внимательно посмотрел на него. Потом он хихикнул. Потом покачал головой. — Моржовый хрен, — сказал он. — Господи, а я-то думал, что меня называли всеми возможными способами.

— Зачем Мэнси пошел делать фотокопии моих кредитных карточек?

— Нам принадлежит часть компьютера. Никто не является его полным владельцем, но все имеют в нем свою долю и пользуются по очереди. Если человек знает нужные коды, то он сможет проникнуть в банки данных свыше пятидесяти корпораций, которые занимаются бизнесом в нашем городе. Вот я и собираюсь тебя проверить. Если ты легавый, мы это выясним. Если твои кредитные карточки фальшивые, мы это установим в один момент.

Если карточки настоящие, но принадлежат не тебе, то мы и это установим. Но ты меня убедил. Я думаю, что ты честен. Моржовый хрен. — Он покачал головой и засмеялся. — Что у нас вчера было, понедельник? Мистер, тебе крупно повезло, что ты не назвал меня моржовым хреном в понедельник. Тебе бы это могло дорого обойтись.

— Могу я теперь сказать вам, что я хочу купить? — спросил он.

— Можешь, конечно, но даже если бы ты оказался полицейским с шестью магнитофонами в заднице, ты все равно и пальцем бы меня не посмел тронуть. Потому что это называется провокация, и с такими уликами ни один суд меня не засудит. Но так или иначе, я не хочу слушать тебя сейчас. Возвращайся завтра, в то же время, на то же место, и я скажу тебе, хочу ли я тебя выслушать. Но даже если ты не соврал, я могу не продать тебе то, что ты просишь. И ты догадываешься, почему?

— Почему?

Мальоре засмеялся. — Потому что ты странный тип. От таких всего можно ожидать. В тихом омуте черти водятся — знаешь поговорку?

— Почему вы так решили? Потому что я обозвал вас хреном моржовым?

— Нет, — ответил Мальоре. — Просто ты напомнил мне об одном случае, который произошел со мной, когда мне было столько же лет, сколько моему сыну сейчас. Была одна собака по соседству с тем местом, где я вырос. Этот район Нью-Йорка называли Адской Кухней. Было это перед Первой Мировой войной, в период Великой Депрессии. И у одного парня по фамилии Пьяцци была черная сука-дворняжка по кличке Андреа, но все называли ее просто собака мистера Пьяцци. Он все время держал ее на цепи, но эта собака никогда не становилась злой — вплоть до одного жаркого денька в августе. Было это году в тридцать седьмом. Она бросилась на паренька, который подошел погладить ее, и отправила его в госпиталь на месяц. Тридцать семь швов наложили ему на шею. Но я-то знал, что это должно было произойти. Собака

проводила весь день на улице на жарком солнце, каждый день, все лето напролет. В середине июня, когда дети подходили ее погладить, она перестала вилять хвостом. Потом она начала закатывать глаза. К концу июля, когда какой-нибудь мальчишка гладил ее, она стала тихонько рычать. Когда я заметил это, я перестал гладить собаку мистера Пьянци. А дружки и говорят мне, что такое, Салли? Ты что обоссался, штаны намочил? И я говорю: нет, я не обоссался, но и дураком тоже быть не желаю. Эта собака накопила в себе злобу. А они все и говорят: выше задницу, собака мистера Пьянци не кусается, она ни разу в жизни никого не укусила, она не укусит даже младенца, который сунет свою глупую башку ей в пасть. А я и говорю им: вот вы и идите, отправляйтесь и погладьте ее, нет, говорю, такого закона, чтобы запрещалось вам гладить собак, а я не пойду. Ну, они все столпились вокруг меня и говорят: Салли обоссался, Салли трус, Салли девчонка, Салли держится за мамочкину юбку, когда проходит мимо собаки мистера Пьянци. Ну, ты знаешь, как дети умеют дразниться.

— Я знаю, — ответил он. Мэнси вернулся с кредитными карточками и слушал, стоя у дверей.

— И как раз один из пареньков, который вопил громче всех, в конце концов и получил на свою голову. Луиджи Бронтичелли — так его звали. Такой же стопроцентный еврей, как и я. — Мальоре рассмеялся. — Он подошел погладить собаку мистера Пьянци в один августовский день, когда стояла такая жарница, что можно было яйцо изжарить на асфальте, и с того самого дня ничего кроме шепота у него из горла не выходило. Он потом открыл парикмахерскую в Манхеттене, и его прозвали Шептун.

Мальоре улыбнулся ему.

— Так вот, приятель, не хочу тебя ничем обидеть, но ты мне напоминаешь собаку мистера Пьянци. Ты, конечно, пока не рычишь, но если какой-нибудь неосторожный пацан подойдет тебя погладить, ты закатаешь глаза. А хвостом ты вилять перестал давным-давно, даже, навер-

ное, уже забыл, как это делается. Пит, отдай этому парню его кредитные карточки и квитанцию.

Мэнси вручил ему все документы.

— В общем, договорились, — сказал Мальоре. — Приедешь завтра, и мы еще с тобой потолкуем. — Мальоре сделал паузу, наблюдая за тем, как он укладывает вещи в бумажник. — И тебе действительно надо вытряхнуть всю эту дрянь из бумажника. А то ты вконец растянешь его и превратишь в полное дерьмо.

— Может быть, я так и сделаю.

— Пит, проводи этого джентльмена до его машины.

— Сейчас.

Он уже открыл дверь кабинета и занес ногу, чтобы ступить за порог, когда Мальоре сказал ему вслед:

— Рассказать тебе, мистер, что случилось с собакой мистера Пьяцци? Ее отвели к ветеринару и усыпили, вот такая история.

После ужина, когда Джон Чэнселлор начал подробно объяснять, каким образом новое ограничение скорости на заставе Джерси способствовало уменьшению несчастных случаев, Мэри задала ему вопрос о новом доме.

— Поначалу он мне даже понравился, — сказал он. — Но потом я пригляделся повнимательнее и обнаружил в западной стене термитов.

Черты лица ее опустились, словно скоростной лифт. — Так значит, все без толку?

— Выходит, что так.

— Что же теперь делать?

— Знаешь, я все-таки, пожалуй, попробую съездить туда завтра еще раз. Спрошу у Тома Гренджера — может быть, он знает специалиста по выведению термитов. Тогда захвачу парня с собой и покажу ему дом. Чтобы, так сказать, получить заключение эксперта. Может быть, все еще и не так плохо, как мне показалось.

— Ой, дай-то Бог. Все-таки шесть комнат, задний дворик... — Она мечтательно остановилась на полуфразе.

Знаешь что, — неожиданно заявил Фредди. — Я хочу сказать тебе, что ты настоящий принц. Такой, какие бывают только в сказках. Как это вообще у тебя получается, Джордж — так нежно и ласково относиться к своей жене? Объясни все-таки, это что — природный талант? Или, может быть, ты где-нибудь брал уроки?

— Заткнись, — сказал он.

Мэри ошеломленно огляделась вокруг. — Прости, что ты сказал?

— Ах, нет, — принужденно рассмеялся он. — Это я по поводу Чэнселлора. — Видишь ли, мне просто смертельно надоели все эти апокалиптические речи о конце света и всеобщей катастрофе, которыми потчуют нас Джон Чэнселлор, Уолтер Кронкайт и им подобные.

— Не стоит ненавидеть вестника из-за той вести, которую он нам принес, — сказала она и посмотрела на Джона Чэнселлора исполненным сомнением и беспокойства взглядом.

— Наверное, ты права, дорогая, — сказал он и подумал про себя: *Ну и ублюдок же ты, Фредди, никогда тебе этого не прощу.*

Фредди кротким голосом сообщил ему, что не стоит ненавидеть вестника из-за той вести, которую он тебе принес.

В течение некоторого времени они молча смотрели выпуск новостей. Потом начался рекламный блок. На экране появилась реклама лекарства от насморка — два человека, у которых головы превратились в огромные глыбы соплей. Потом один из них принял чудодейственное средство от простуды, и серо-зеленый омерзительный куб, внутри которого скрывалась его голова, распался на куски.

— Похоже, ты начинаешь понемногу поправляться, — сказал он. — Голос уже не такой простуженный.

— Да, Барт.

— Я очень рад.

— Скажи мне, а как зовут агента по торговле недвижимостью?

— Монохан, — ответил он автоматически.

— Да нет, я говорю не о человеке, который продает тебе завод, а об агенте, предложившем тебе купить этот дом.

— Ольсен, — ответил он без запинки, проворно подобрав это имя на свалке памяти.

Снова начался выпуск новостей. Следующее сообщение было посвящено Давиду Бен-Гуриону, который вроде как был готов присоединиться к Гарри Трумэну.

— Скажи, как Джеку там живется? — спросила она спустя некоторое время.

Он собирался ответить, что Джеку там на редкость препогано, и с удивлением услышал свой собственный голос:

— Мне кажется, неплохо.

Джон Чэнселлор закончил выпуск новостей слегка юмористическим сообщением о том, что над Огайо в последние дни неоднократно наблюдались летающие блюда.

Он лег спать в половине десятого. Судя по всему, кошмар приснился ему почти сразу же, когда он проснулся, на электронных часах светились цифры:

11:22 P.M.

Во сне он стоял на углу улиц Веннер и Райс — Нортоне. Он стоял прямо под табличкой, на которой были написаны названия улиц. Внизу по улице, напротив кондитерской, только что остановился розовый кадиллак «Эльдорадо» с рогами северного канадского оленя на капоте. Дети бросили свои игры на тротуарах и у подъездов и ринулись к автомобилю.

На другой стороне улицы к перилам покосившегося кирпичного строения была прикована цепью большая черная собака. Маленький мальчик уверенно приближался к ней.

Он попытался закричать: *Не гладь эту собаку! Беги за своей карамелькой!* — но слова не шли у него из горла.

Медленно, словно в рапиде, сутенер в белоснежном костюме и плантаторской шляпе обернулся посмотреть, что происходит. Руки у него были полны карамелек. Столпившиеся вокруг него дети тоже обернулись. Все дети вокруг сутенера были чернокожими, но маленький мальчик, подходивший к собаке, был белым.

Собака прыгнула, словно тупая стрела. Мальчик вскрикнул и отшатнулся назад, руками прикрывая горло. Когда он обернулся, кровь струилась у него между пальцев. Это был Чарли.

В этот момент он проснулся.

Сны. Проклятые сны.

Его сын был мертв вот уже три года.

28 ноября, 1973

Когда он поднялся, шел снег, но к тому времени, когда он добрался до прачечной, снег почти уже прекратился. Том Гренджер выбежал ему навстречу без пиджака, в одной рубашке, изо рта у него вырывались небольшие облачка пара. По выражению лица Тома он понял, что денек предстоит не из самых удачных.

— У нас несчастье, Барт.

— Что-нибудь серьезное?

— Достаточно серьезное. Джонни Уокер попал в аварию на обратном пути из «Холидей Инн» с первым грузом белья. На Дикмен парень на «Понтиаке» рванул на красный свет и врезался прямо в Джонни. Вот такая история. — Он запнулся и бесцельно оглядел грузовой вход. Там никого не было. — Полицейские сказали, что Джонни очень плох.

— Господи помилуй.

— Я отправился туда минут через пятнадцать—двадцать после того, как все это произошло. Ты, наверное, знаешь этот перекресток...

— Да-да, чертовски опасное место.

Том покачал головой. — Если бы все это не было так ужасно, то можно было бы рассмеяться. Как будто кто-то швырнул гранатой в прачку. Повсюду разбросаны простыни и полотенца из «Холидей Инн». И я заметил, что некоторые люди уже разворовывают их, вампиры гребанные, нет, ну до чего дошли, поверить трудно! А грузовик...

Барт, со стороны водителя кабина вся всмятку, один покореженный металл. Джонни выбросило оттуда.

— Он в центральной?

— Нет, в госпитале святой Марии. Джонни ведь католик, ты разве этого не знал?

— Съездишь туда вместе со мной?

— Пожалуй, нет. Рон развопился, что давление в котле падает. — Он смущенно пожал плечами. — Ну, ты же знаешь Рона. Шоу должно продолжаться.

— Ладно.

Он снова забрался в машину и поехал по направлению к госпиталю святой Марии. Господи Иисусе Христе, и надо же было так случиться, что пострадал именно Джонни. Кроме него самого, Джонни был единственным человеком, который работал в «Блу Риббон» еще в 1953 году — собственно говоря, Джонни поступил туда еще в 1946-ом. По дороге его терзала одна мысль. Он знал из газет, что новый участок 784-й автострады должен значительно разгрузить опасный перекресток на улице Дикмен.

На самом деле его звали совсем не Джонни. Его настоящее имя — Кори Эверетт Уокер. Он видел его на достаточном количестве путевых листов, чтобы прекрасно его знать. Но даже двадцать лет назад все вокруг называли его Джонни. Его жена умерла во время туристического путешествия по Вермонту в 1956 году. С тех пор он жил вместе со своим братом, водителем грузовика городской санитарной службы. В «Блу Риббон» десятки рабочих называли Рона у него за спиной длинноватой кличкой «Каменные яйца», но Джонни был единственным, кто позволял называть его так в лицо, и ему это сходило с рук.

Он подумал, что если Джонни умрет, то он окажется ветераном прачечной, проработавшим в ней дольше всех. Надо же, продержался до двадцатой рекордной годовщины. Ну, разве не забавно, а, Фред?

Фред так не думал.

Брат Джонни сидел в комнате ожидания приемного отделения. Это был высокий человек, похожий на Джон-

ли, с ярким цветом лица, в рабочей одежде оливкового цвета и черной холщовой куртке. Он вертел в руках оливковую шапочку и сосредоточенно смотрел в пол. Услышав звук шагов, он поднял на него глаза.

— Вы из прачечной? — спросил он.

— Да, а вы... — Он не ожидал, что имя всплывет у него в памяти, но тем не менее это произошло. — Вас зовут Арни, верно?

— Да, Арни Уокер. — Он медленно покачал головой. — Не знаю, чего и ожидать, мистер?..

— Доуз.

— Просто не знаю, мистер Доуз. Я видел его, когда его осматривали. Такое чувство, что его здорово помяло. Он уже не мальчишка. Хреновое положение, ничего не скажешь.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Перекресток этот паршивый. Тот парень ни в чем не виноват. Его машину просто повело по мокрому снегу. Я его ни в чем не виню. Говорят, он сломал себе нос, и все. Больше ни одной царапины. Странно иногда получается, верно?

— Да.

— Помню, как-то раз я вел большой грузовик в Хемингуэй, это было в самом начале шестидесятых, а ехал я по Индианскому шоссе...

Дверь на улицу открылась, и вошел священник. Он потопал ногами, чтобы стряхнуть снег, а потом заторопился вдоль по коридору, едва ли не бегом. Арни Уокер увидел его, и глаза его расширились, а потом приняли остекленелое выражение, которое бывает у людей во время сильного шока. Он шумно втянул воздух и попытался встать. Он положил руку Арни на плечо и удержал его.

— Господи! — закричал Арни. — Вы видели, он нес с собой дарохранительницу? Он собирается свершить над ним последние обряды... может быть, он уже мертв. Джонни...

В комнате ожидания были и другие люди: подросток со сломанной рукой, пожилая женщина, нога которой

была забинтована эластичным бинтом, мужчина с гигантской повязкой, намотанной на большой палец. Они посмотрели на Арни, а потом стыдливо уткнулись в свои журналы.

— Давай, успокойся, — произнес он бессмысленно.

— Пустите меня, — сказал Арни. — Я должен на него посмотреть.

— Послушай...

— *Пустите меня!*

Он отпустил его. Арни Уокер завернул за угол и скрылся из виду, вслед за священником. Он остался сидеть на пластиковом стуле, размышляя, что же ему делать. Он посмотрел на пол, затоптанный грязными следами. Потом он посмотрел на пост медсестры, где женщина сидела у пульта. Потом он поглядел в окно и убедился в том, что снег совсем перестал.

Из коридора, оттуда, где были расположены палаты для осмотра поступающих больных, донесся приглушенный, рыдающий крик.

Все подняли глаза, и у всех на лицах появилось одно и то же болезненное выражение.

Раздался еще один крик, за которым последовал лающий горестный плач.

Все вновь усадились в свои журналы. Подросток со сломанной рукой громко сглотнул слюну, и этот звук прозвучал неожиданно отчетливо.

Он поднялся и быстро вышел, не оглядываясь.

В прачечной все рабочие окружили его, и Рон Стоун их не останавливал.

— Я не знаю, — ответил он им. — Я так и не выяснил, жив он еще или уже умер. Вы все услышите сами. А я ничего не знаю.

Он взбежал вверх по лестнице, ощущая внутри какую-то странную пустоту и безразличие.

— Мистер Доуз, вам что-нибудь удалось узнать о Джонни? — спросила у него Филлис. Впервые он обратил внимание на то, что Филлис, несмотря на умело подкрашенные синькой волосы, выглядит сильно постаревшей.

— Он очень плох, — сказал он. — Священник пришел, чтобы свершить над ним последние обряды.

— О, Господи, какой кошмар! И надо же такому случиться незадолго до Рождества.

— Кто-нибудь ездил на место аварии, чтобы подобрать уцелевший груз?

Она посмотрела на него с некоторым упреком. — Том послал туда Гарри Джонса. Он вернулся с грузом около пяти минут назад.

— Хорошо, — сказал он. Но ничего хорошего не было. Все было просто отвратительно. Он подумал было спуститься в мойку и засыпать в стиральные машины столько «Гексолита», чтобы можно было сжечь все белье — когда отжимка закончится и Поллак откроет машины, там останутся лишь небольшие кучки серого пуха. Вот это было бы действительно *хорошо*.

Филлис что-то сказала, но он пропустил это мимо ушей.

— Что? Я не расслышал, извините.

— Я говорю: звонил мистер Орднер. Он просил, чтобы вы немедленно ему перезвонили, как только появитесь. А еще звонил какой-то человек по имени Гарольд Свинертон. Говорил, что какие-то патроны уже поступили.

— Гарольд? — переспросил он. Потом он вспомнил. «Оружейный магазин «Харви». Вот только Харви давно уже мертв, как дверной гвоздь. — Да, хорошо.

Он прошел в свой кабинет и закрыл дверь. Табличка на столе по-прежнему сообщала:

ПОДУМАЙ!

Это может оказаться для тебя внове

Он взял ее со стола и бросил в корзину для бумаг.

Он сел за стол, достал из коробки всю свежую корреспонденцию и отправил ее вслед за табличкой, не читая. Потом он выдержал паузу и оглядел кабинет. Слева от него на стене висели два диплома в рамке — один из колледжа, другой из Прачечного Института, который он посещал

летом шестьдесят девятого и семидесятого года. Позади него висела большая увеличенная фотография, на которой он и Рэй Таркингтон пожимали друг другу руки на стоянке «Блу Риббон», только что заново заасфальтированной. Оба они улыбались. На заднем плане виднелась прачечная, три грузовика стояли задом к грузовому подъезду, дымовая труба все еще выглядела белой и очень чистой.

Он занимал этот кабинет с шестьдесят седьмого года, в течение шести лет. Стало быть, он вселился в него еще до Вудстока, еще до штата Кент, еще до прихода Никсона к власти. Годы его жизни миновали в этих четырех стенах. Миллионы вдохов и выдохов, миллионы биений сердца. Он снова огляделся вокруг, стараясь определить, чувствует ли он хоть что-нибудь.

Он чувствовал легкую грусть. И больше ничего. Ровным счетом ничего.

Он расчистил свой письменный стол, вышвырнул в мусорную корзину личные бумаги и личные бухгалтерские книги. Он написал свое заявление об увольнении на обратной стороне отпечатанного на машинке листка с составом моющей смеси и положил его в один из конвертов, которые обычно использовались для переписки с клиентами. Оставил он только вещи не личного характера — скрепки, клейкую ленту, толстую чековую книжку, скрепленную резинкой пачку незаполненных путевых листов и тому подобное.

Потом он встал со стула, снял со стены дипломы и тоже швырнул их в мусорную корзину. Стекло, покрывавшее диплом Прачечного Института, разлетелось на кусочки. Прямоугольники на тех местах, где все эти годы висели дипломы, были немного ярче, и это было все.

Зазвонил телефон, и он поднял трубку, ожидая услышать на другом конце голос Орднера. Но это оказался Рон Стоун. Он звонил снизу.

— Барт?

— Слушаю.

— Джонни умер полчаса назад. Похоже, у него даже не было шанса выкарабкаться.

— Мне ужасно жаль. Пожалуй, я отдам распоряжение о конце работы на сегодня.

Рон вздохнул. — Да, пожалуй, так было бы лучше всего. Но ты уверен, что наши гребаные боссы тебе потом не накостыляют?

— Я больше не работаю на гребаных боссов. Я только что написал заявление об увольнении. — Ну вот, все. Теперь это стало фактом.

На том конце линии воцарилось мертвое молчание. Ему даже был слышен отдаленный гул стиральных машин и шипение гладильного прессы. Каток — так они его называли, очевидно думая о том, что случится с человеком, если его затянет внутрь.

— Я, наверно, тебя неправильно расслышал, — сказал, наконец, Рон. — Мне показалось, что ты сказал...

— Ты все правильно расслышал, Рон. Я уйду. Было очень приятно работать с тобой, с Томом и даже с Винни, во всяком случае, когда ему удавалось держать язык за зубами. Но все кончилось.

— Эй, послушай меня, Барт. Не принимай все это так близко к сердцу. Я знаю, что этот случай произвел на тебя угнетающее впечатление, ты расстроился...

— Это не из-за Джонни, — перебил он, сам не зная, правда это или нет.

Может быть, если бы не этот случай, он еще бы сумел собраться и сделать усилие, чтобы спасти себя, спасти свою благополучную жизнь, которая текла под защитным колпаком рутины в течение последних двадцати лет. Но когда священник быстро прошел мимо них по коридору, едва ли не сбиваясь на бег, торопясь к тому месту, где лежал умирающий или уже умерший Джонни, и когда у Арни Уокера вырвался из глотки этот необычный, хриплый, скулящий стон, он перестал бороться. Это похоже на то, как ведешь машину в гололед, и ее заносит, а ты все крутишь руль, и думаешь, что еще можешь восстановить контроль, или убеждаешь себя, что думаешь, а потом просто отпускаешь руль, закрываешь глаза и ждешь.

— Это не из-за Джонни, — повторил он.

— Хорошо, но... послушай... я хочу тебе сказать... — Голос Рона звучал очень расстроенно.

— Хорошо, Рон, спасибо тебе, я поговорю с тобой позже, — сказал он, не зная, сдержит ли свое обещание или нет. — Пойди, выстави их всех за дверь.

— О'кей. О'кей, но...

Он осторожно повесил трубку.

Он вынул из ящика телефонную книгу и просмотрел графу «Оружейные магазины». Найдя то, что искал, он набрал номер «Оружейного магазина Харви».

— Алло, магазин Харви.

— Это Бартон Доуз.

— Ааа, отлично. Эти патроны поступили вчера поздно вечером. Я же говорил вам, что вы получите их до Рождества, сколько потребуется. Двести штук.

— Просто прекрасно. Послушайте, единственная трудность в том, что сегодня днем я буду ужасно занят. Вы будете открыты сегодня вечером?

— Да, мы открыты до девяти часов каждый день вплоть до самого Рождества.

— О'кей. Попробую заехать к вам часиков в восемь. А если не получится, то завтра после полудня точно буду у вас.

— Я вас жду. Послушайте, а вы выяснили, это Бока Рио или нет?

— Бока что? — Ах да, как же он мог забыть, Бока Рио — местность в Мексике, куда его двоюродный брат Ник Адамс вскоре отправится на охоту. — Бока Рио, точно. Да, мне кажется, так оно и есть.

— Господи, как я ему завидую. Я там провел лучшие дни в моей жизни.

— Хрупкая договоренность о прекращении огня пока соблюдается, — проговорил он. Неожиданно в голове у него возник образ головы Джонни Уокера, установленной на каминной полке Стивена Орднера, прямо над электрическим бревном. И небольшая полированная бронзовая табличка с надписью:

ЧЕЛОВЕК СТИРАЮЩИЙ

28-го ноября 1973 года

Подбит на дикменском перекрестке

— Простите-простите, что вы такое сказали? — недоуменно спросил Гарри Свиннертон.

— Я говорю, я ему тоже завидую, — сказал он и закрыл глаза. Волна тошноты прокатилась по всему телу и подступила к горлу. *Я схожу с ума*, — подумал он. — *Вот так вот и сходят с ума.*

— А, ну ладно. Тогда я вас жду.

— Разумеется. Еще раз большое спасибо, мистер Свиннертон, и до свидания.

Он повесил трубку, медленно открыл глаза и снова оглядел свой осиротевший кабинет. Потом он протянул руку и нажал кнопку интеркома.

— Филлис?

— Да, мистер Доуз.

— Джонни умер. Я отдал распоряжение закончить работу на сегодня.

— Да, я видела, как люди уходят, и подумала, что Джонни уже нет. — Голос Филлис звучал так, словно она совсем недавно плакала.

— Могу я вас попросить попробовать соединить меня с мистером Орднером перед тем, как уйти.

— Конечно.

Он развернулся на своем вращающемся стуле и выглянул из окна. Дорожный грейдер ярко-оранжевого цвета с грохотом проезжал мимо, звеня цепями, которые были одеты на его огромные колеса. Это их вина, Фредди. Они виноваты во всем. Со мной было все в порядке, пока эти ребята из городского совета не решили пустить мою жизнь под откос. Ведь со мной было все в порядке, верно, Фредди? Эй! Фредди, ты где, отзовись?

Фред?

Фредди?

Фред?

Да где же ты, черт возьми?

На столе у него зазвонил телефон, и он взял трубку. — Доуз слушает.

— Ты сошел с ума, — ровным голосом проинформировал его Стив Орднер. — Совсем рехнулся.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что я лично позвонил мистеру Монохану этим утром в девять тридцать. Люди Тома Макана подписали сделку о покупке уотерфордского завода в девять часов утра. Объясни ты мне, ради Бога, что вообще происходит, Бартон, так твою мать?!

— Я думаю, нам лучше обсудить это при личной встрече, с глазу на глаз.

— Я тоже так думаю. А еще я думаю, что ты понимаешь, что тебе необходимо запастись большим количеством оправданий, если ты хочешь сохранить свою работу.

— Кончай играть со мной в кошки-мышки, Стив.

— Что?

— Ты прекрасно знаешь, что у тебя нет никаких намерений оставлять меня на работе даже в качестве дворника. Собственно говоря, я уже написал свое заявление об увольнении. Оно уже запечатано в конверте, но я могу процитировать его тебе по памяти. «Я ухожу». Подписано: «Бартон Доуз». Ты меня понял?

— Но почему? — Голос Орднера звучал так, словно его слова нанесли ему физическую рану. Однако он не всхлипывал, как Арни Уокер. У него вообще были большие сомнения, что Стив Орднер когда-либо всхлипывал со дня своего одиннадцатого дня рождения. Всхлипывание — это удел людей, сделанных из куда более жидкого теста.

— В два, — предложил он.

— Хорошо, в два.

— Пока, Стив.

— Барт...

Он повесил трубку и тупо оглядел стену. Через некоторое время в кабинет заглянула Филлис. Она выглядела уставшей, расстроенной и изумленной, несмотря на свою

шикарную прическу Пожилой Респектабельной Женщины. Вид ее босса, молчаливо сидящего в ободранном кабинете, едва ли был способен улучшить состояние ее духа.

— Мистер Доуз, мне идти? Я с радостью готова остаться, если только...

— Нет, идите Филлис. Ступайте домой.

Похоже, в ней происходила какая-то внутренняя борьба, и она собиралась еще что-то сказать. Заметив это, он отвернулся и посмотрел в окно, чтобы избавить их обоих от этого тягостного замешательства. Через пару секунд дверь тихо щелкнула, почти неслышно.

На нижнем этаже котел издал тонкий писк и стал остывать. Со стоянки послышался шум завожачихся моторов.

Он просидел в пустом кабинете в пустой прачечной до тех пор, пока не настало время ехать на встречу с Орднером. Он прощался.

Кабинет Орднера был расположен в деловой части города, в одном из новых небоскребов, которые, учитывая разразившийся энергетический кризис, могли скоро выйти из моды. Семьдесят этажей сплошного стекла, не защищающего от холода зимой и от жары летом. Корпорация «Амроко» занимала пятьдесят четвертый этаж.

Он поставил свою машину на подземной стоянке, поднялся на эскалаторе в вестибюль, прошел через вращающуюся дверь и свернул направо к лифтам. Вместе с ним в лифте ехала чернокожая женщина с замысловатой африканской прической. На ней был надет облегающий джемпер, а в руках она держала блокнот для стенографических записей.

— Мне нравится ваша прическа, — неожиданно сказал он, сам не зная зачем.

Она холодно посмотрела на него и ничего не ответила. Ни одного слова.

Приемная Стивена Орднера была обставлена стульями современного дизайна и рыжеволосой секретаршей, восседавшей под репродукцией «Подсолнухов» Ван Гога. На

полу лежал мохнатый ковер цвета устриц. Ненавязчивое освещение. Ненавязчивая музыка.

Рыжеволосая улыбнулась ему. На ней был черный джемпер, а волосы ее были сзади схвачены золотой тесемкой. — Мистер Доуз?

— Да.

— Проходите, пожалуйста.

Он открыл дверь и прошел в кабинет. Орднер что-то писал за массивным письменным столом. Позади него было окно во всю стену, из которого открывался вид на западную часть города. Он поднял глаза и положил ручку. — Привет, Барт, — сказал он спокойно.

— Привет.

— Садись.

— Надеюсь, наш разговор не займет много времени?

Орднер ответил ему пристальным взглядом. — Знаешь, я хотел дать тебе пощечину, — сказал он. — Ты знаешь об этом? Все это время ходил по кабинету и мечтал о том моменте, когда влеплю тебе увесистую пощечину. Не ударить тебя, не побить тебя мне хотелось. А просто отвесить тебе смачную тяжелую оплеуху.

— Я это знаю, — сказал он, и это действительно было правдой. Он знал об этом.

— Я не думаю, что у тебя есть хоть малейшее представление о том, что ты натворил, — сказал Орднер. — Судя по всему, к тебе подъехали люди Тома МакАна. Надеюсь, они заплатили тебе крупную сумму. Потому что я лично предложил назначить тебя вице-президентом этой корпорации. Для начала ты стал получать бы тридцать пять тысяч долларов в год. Надеюсь, они заплатили тебе больше.

— Они не заплатили мне ни цента.

— Это правда?

— Да.

— Тогда почему, Барт? Ради Бога, объясни мне, почему ты это сделал?

— А почему ты считаешь, что я должен тебе это объяснять, Стив? — Он взял предназначенный для него

стул, стул для просителей, и переставил его на другую сторону массивного письменного стола.

На мгновение Орднер был в замешательстве. Он помотал головой, словно боксер, получивший чувствительный, но не очень серьезный удар в нос.

— Хотя бы потому, что ты пока еще мой подчиненный. Этой причины хватит для начала?

— Нет, не хватит.

— Почему?

— Стив, я был подчиненным и у Рэя Таркингтона. Он был настоящим человеком. Ты можешь испытывать к нему антипатию, Но ты не можешь не признать, что он был настоящим. Иногда, когда с ним разговаривали, он портил воздух, или рыгал, или вытаскивал спичкой серу из ушной раковины. У него бывали настоящие проблемы. И иногда я бывал одной из этих проблем. Как-то раз, когда я ошибся в расчетах с одним мотелем, он схватил меня за грудки и швырнул об стенку. Но ты на него не похож, Стив, ни капельки. «Блу Риббон» — это для тебя так, игрушка, люди, которые работают там, — заводные человечки, вот кто они для тебя, Стив. Единственно, что тебя интересует — это твоя карьера, твое собственное продвижение вверх. Так что не надо мне тут петь песни о начальниках и подчиненных. Не делай, пожалуйста, вид, будто ты засунул мне свой хрен в рот, а я его откусил.

Даже если лицо Орднера было всего лишь фасадом, за которым скрывались его настоящие чувства, то на нем не появилось ни единой трещины. Черты его продолжали выражать умеренную скорбь, не более того. — Ты действительно веришь в то, что говоришь? — спросил он.

— Разумеется. «Блу Риббон» волнует тебя постольку, поскольку она влияет на твой статус в корпорации, и не более того. Так что кончай вешать мне лапшу на уши. Вот. — Он швырнул конверт с заявлением об увольнении на полированную крышку стола.

Орднер снова слегка покачал головой. — А как же насчет тех людей, которые из-за тебя попадут в беду,

Барт? Маленькие люди. Ты забыл о них, послал их к чертовой матери, а теперь любишь себя самым собой. — Орднер словно смаковал эти слова. — Так как же эти маленькие люди, которые потеряют свою работу из-за того, что для прачечной не найдется нового помещения, что с ними будет?

Он резко засмеялся и сказал:

— Ах ты дешевый сукин сын. Слишком ты высоко взобрался, чтобы разглядеть, что происходит внизу.

Щеки Орднера слегка порозовели. — Объясни, пожалуйста, свои слова, Барт, — сказал он преувеличенно вежливым тоном.

— Да у каждого работника в прачечной — от Тома Гренджера до Поллака из мойки — лежит в кармане страховка от безработицы. И она принадлежит им. Они за нее *платят*. Регулярно. И они получают свои деньги. А если тебе трудно с этим примириться, то думай об этом, как об издержках. Наподобие ленча «У Бенджамина», за которым ты позволяешь себе выпить четыре коктейля.

— Это велферовские деньги, и ты прекрасно об этом знаешь, — уязвленно сказал Орднер.

— Дешевый сукин сын, — повторил он.

Руки Орднера потянулись одна к другой и сжались в двойной кулак. Они сплелись, как руки ребенка, которого недавно научили читать «Отче наш...» перед сном. — Ты переходишь границы дозволенного, Барт.

— Нет, ничуть не бывало. Ты позвал меня сюда. Ты попросил меня объяснить. И что ты ожидал, что я тебе скажу? Простите, я виноват, я облажался, я готов делом искупить свою вину? Я последний разгребай? Так, что ли? Но я этого не могу сказать. Потому что я не чувствую ни малейшего раскаяния. А если я и разгребай, то это касается только Мэри и меня, и она никогда об этом не узнает, а если и узнает, то никогда не сможет убедиться наверняка. Неужели ты собираешься сказать мне, что я причинил вред корпорации? Не думаю, однако, что даже такой говнюк, как ты, способен на такую чудовищную

ложь. Когда корпорация достигает определенного размера, ей уже ничто не может причинить вред. Она становится своего рода стихийным бедствием. Когда дела идут хорошо, она получает огромную прибыль, а когда дела катятся ко всем чертям, она получает право платить меньше налогов. Уж тебе ли этого не знать.

— А как насчет твоего собственного будущего? Как насчет Мэри? — осторожно осведомился Орднер.

— Не притворяйся, тебе до этого нет никакого дела. Это просто рычаг, который ты хочешь попробовать использовать против меня. Ну вот ответ мне, Стив, что бы с нами ни случилось, это что, причинит тебе какой-то вред или боль? Приведет к снижению твоей зарплаты? Или, может быть, акции принесут тебе меньше дивидендов за этот год? Или твой пенсионный фонд уменьшится?

Орднер покачал головой. — Иди-ка ты домой, Барт. Ты просто не в себе.

— Почему ты так решил? Потому что я заговорил о тебе, о твоей жизни, а не только о деньгах?

— Ты переволновался, Барт.

— Ты просто не знаешь, что делать, — сказал он, вставая и упираясь кулаками в полированную крышку стола. — Ты зол на меня, но ты не знаешь почему. Кто-то когда-то объяснил тебе, что если когда-нибудь наступит подобная ситуация, то ты должен будешь разозлиться. И ты разозлился. Но не знаешь почему.

Орднер терпеливо повторил:

— Ты переволновался.

— Ты прав, черт тебя побери. А ты? Расскажи мне про себя, что ты чувствуешь?

— Иди домой, Барт.

— Нет, домой я не пойду, но я скоро уйду отсюда, а ведь это все, что тебе надо. Ответь мне только на один вопрос. Хоть на одну секунду перестань быть важным боссом, человеком из корпорации и ответь мне искренне и чистосердечно: тебе есть до всего этого дело? Это хоть как-то тебя волнует, затрагивает?

Орднер посмотрел на него и выдержал паузу. Город простирался за ним, словно огромный сказочный замок с башнями, окутанный серым туманом.

— Нет, — ответил он наконец.

— Хорошо, — сказал он тихо. Он посмотрел на Орднера взглядом, в котором не было ни злобы, ни враждебности. — Я сделал это не для того, чтобы тебя подставить. Или подставить корпорацию.

— Тогда почему? Давай играть по-честному: я ответил на твой вопрос, а ты ответь на мой. Ты мог запросто поставить подпись на договоре о покупке уотерфордского завода. А там — пусть голова болит у кого-нибудь другого. Так почему же ты этого не сделал?

— Я не могу тебе этого объяснить, — сказал он. — Я прислушивался к самому себе. Но люди говорят сами с собой на другом языке, и если попытаться облечь его в слова, то получается какое-то дерьмо собачье. Но я абсолютно уверен, что поступил правильно.

Орднер неотрывно буравил его взглядом.

— А о Мэри ты подумал?

Он молчал.

— Иди домой, Барт, — сказал Орднер.

— Чего ты хочешь, Стив?

Орднер нетерпеливо помотал головой.

— Наш разговор окончен, Барт. Если ты хочешь почесать языком, отправляйся в бар и найди там себе какого-нибудь собутыльника. Он тебя внимательно выслушает.

— Чего тебе от меня надо?

— Только одного: чтобы ты убрался отсюда и отправился домой.

— Тогда чего тебе надо от жизни? Что тебя с ней связывает, отвечай!

— Иди домой, Барт.

— *Отвечай мне!* Чего ты хочешь? — Он настойчиво смотрел Орднеру прямо в глаза.

— Я хочу того же, чего хотят все, — спокойно ответил Орднер. — Иди домой, Барт.

Он вышел не оглядываясь. Больше в этом кабинете он ни разу не побывал.

Когда он добрался до «Подержанных автомобилей Мальоре», валил густой снег. Почти все встречные машины ехали с зажженными фарами. Дворники ритмично поскрипывали, и подтаявший снег стекал по трехслойному стеклу машины, словно чьи-то слезы.

Он поставил машину на задворках и пошел по направлению к конторе. Прежде чем войти, он изучил свое призрачное отражение в дверном стекле и соскреб с губ облепившую их тонкую розовую пленку. Встреча с Ордером вывела его из себя куда больше, чем он мог предвидеть. Он купил в аптеке пузырек «Пепто-Бисмола» и по дороге сюда опустошил его по крайней мере наполовину. Вот такие дела, Фред, теперь, наверное, неделю срать не придется. Но Фредди не было дома. Должно быть, отправился навещать родственников Монохана в окрестностях Бомбея.

Женщина за арифмометром наградила его странной задумчивой улыбкой и махнула в направлении кабинета.

Мальоре был в одиночестве. Он читал «Уолл-стрит Джорнл». Когда он вошел, Мальоре швырнул газету в корзину для бумаг, и она, прошелестев над столом, приземлилась в нее с глухим стуком.

— Все это катится к чертовой бабушке, — сказал Мальоре, словно продолжая некий внутренний диалог, начатый некоторое время назад. — Все эти брокеры, торгующие ценными бумагами, — просто старые калоши. Правильно Пол Харви говорит. Подаст ли президент в отставку? Подаст? А, может, не подаст? Или все-таки подаст? Обанкротится ли «Дженерал Электрик» в связи с энергетическим кризисом? От всего этого дерьма у меня задница начинает болеть.

— Да, это точно, — сказал он, толком не представляя себе, с чем именно он соглашается. Он чувствовал себя немного не в своей тарелке и к тому же не совсем был уверен в том, что Мальоре помнит, кто он такой. А что он ему скажет? *Я тот самый парень, который назвал*

вас вчера моржовым хреном, помните? Сказать по правде, не самое удачное начало для делового разговора.

— Снег пошел сильнее, да?

— Да.

— Я терпеть не могу снег. Мой брат, так тот вообще отправляется каждый год в Пуэрто-Рико первого ноября и остается там до пятнадцатого апреля. Ему там принадлежат сорок процентов одного отеля. Говорит, что должен присматривать, как работают его капиталовложения. Этакий говнюк. Да он за своей задницей не может толком присмотреть, после того как посрет, а тут придумал тоже — капиталовложения... Чего тебе надо?

— Простите? — Он вздрогнул и почувствовал себя как-то неудобно.

— Ты приехал ко мне, чтобы что-то у меня получить. Как я могу достать тебе то, что ты хочешь, если я не знаю, что это такое?

Он с удивлением обнаружил, что не может ответить на этот откровенный вопрос. Казалось, что у слова, обозначающего то, в чем он нуждался, слишком много углов, чтобы он мог вытолкнуть его изо рта. Он вспомнил об одной своей шалости, которую совершил еще ребенком, и улыбнулся уголками рта.

— Что там такого смешного? — заинтересовался Мальоре. — Давай, выкладывай.

— Однажды, когда я был еще ребенком, я засунул йо-йо¹ себе в рот, — сказал он.

— И это, по-твоему, смешно?

— Нет, не это. Я потом не мог его вынуть — вот это смешно. Мама отвела меня к доктору, и он вынул эту штуку. Он ущипнул меня за задницу, а когда я разинул рот, чтобы завопить, он просто выхватил ее двумя пальцами.

— Лично я не собираюсь тебя щипать за задницу, — сказал Мальоре. — Что тебе нужно, Доуз?

¹ Йо-йо — детская игрушка, круглый диск на веревочке с пружиной внутри, русский эквивалент — чертик на веревочке — прим. перев.

— Взрывчатые вещества, — сказал он.

Мальоре внимательно посмотрел на него, потом закатил глаза и хотел было что-то сказать, но в последний момент передумал и задумчиво почесал подбородок. — Взрывчатые вещества, стало быть, — сказал он наконец.

— Да.

— Я знал, что у этого парня крыша поехала, — сказал Мальоре, обращаясь к самому себе. — Когда ты ушел, я еще сказал Питу: вот парень, который нарывается на несчастный случай, прямо-таки лезет на рожон. Так ему и сказал.

Он ничего не ответил. Фраза о несчастном случае напомнила ему о Джонни Уокере.

— Ну ладно-ладно, хорошо, ответь мне только на один вопрос: для чего тебе нужны взрывчатые вещества? Ты что, хочешь взорвать египетскую торговую выставку? Или положить взрывчатку в самолет? Или, может быть, просто-напросто отправить в ад свою любимую тещу?

— Я бы не стал тратить на тещу взрывчатку, — ответил он, и оба они засмеялись, но атмосфера продолжала оставаться напряженной.

— Так в чем же дело? Кто тебе насолил?

— Никто мне не насолил, — ответил он. — Если бы дело было только в этом, если бы я хотел кого-нибудь убить, я бы просто купил пистолет, и все. — Тут он вспомнил, что он уже купил пистолет, и не только пистолет, но и винтовку, и его закормленный «Пепто-Бисмол» живот вновь почувствовал себя беспокойно.

— Так зачем же тебе взрывчатые вещества?

— Я хочу взорвать дорогу.

Мальоре посмотрел на него с откровенным недоверием. Все его эмоциональные проявления отличались некоторой преувеличенностью, словно он приспособил свой характер к увеличительным свойствам своих очков. — Итак, ты хочешь взорвать дорогу. Какую дорогу?

— Она, вообще-то, еще не построена. — Он начал получать от этого разговора своего рода извращенное

удовольствие. Кроме того, это ведь оттягивало предстоящее ему неизбежное объяснение с Мэри.

— Итак, ты хочешь взорвать дорогу, которая, вообще-то, еще не построена. Боюсь, мистер, я тебя принял не за того, кто ты есть. У тебя не просто крыша поехала. Ты — самый обыкновенный природный псих. Можешь ты объяснить, чего ты, наконец, хочешь?

Тщательно выбирая слова, он сказал:

— По решению городского совета строится дорога, которую называют новым участком 784-й автострады. Когда она будет закончена, автострада будет проходить прямо через город. По целому ряду причин, в которые я не хочу вдаваться, — потому что не могу, — эта дорога уничтожила к чертовой матери двадцать лет моей жизни. Это...

— Потому что они собираются снести прачечную, в которой ты работаешь, и дом, в котором ты живешь?

— Откуда вы это знаете?

— Я же тебе говорил, что я тебя проверю. Ты что, подумал, что я шучу? Я даже знал, что ты потеряешь свою работу. Может быть, даже раньше тебя самого.

— Нет, я знал об этом еще месяц назад, — машинально возразил он.

— Ну хорошо, объясни мне, пожалуйста, как конкретно ты собираешься все это осуществить? Может быть, ты просто собираешься проехаться вдоль строительства, поджигая бикфордовы шнуры своей сигарой и швыряя из окна машины связки динамитных шашек?

— Нет. Когда бывает праздник, они оставляют свои машины на месте работ. Я хочу их все подорвать. Кроме того, есть еще три новых эстакады. Их я тоже хочу взорвать.

Мальоре вылупил на него расширившимися от удивления глазами. Так он смотрел на него довольно долгое время. Потом он откинул голову и расхохотался. Живот его трясся, а пряжка его брючного ремня ходила вверх и вниз, словно щепка на поверхности бурного ручья. Его хохот был громким, искренним, сочным. Он хохотал до

тех пор, пока слезы не брызнули у него из глаз, и тогда он вынул откуда-то из внутреннего кармана огромный носовой платок нелепого вида и вытер их. Он стоял и смотрел, как Мальоре смеется, а потом вдруг почувствовал внезапную уверенность в том, что этот толстый человек в очках с сильными линзами обязательно добудет ему взрывчатые вещества. Он продолжал наблюдать за Мальоре, улыбаясь одними уголками рта. Он не возражал против смеха. Сегодня смех звучал хорошо.

— Ну, парень, ты — законченный псих, это уж точно, — выдавил из себя Мальоре, когда его хохот понемногу перешел в хихиканья и всхлипывания. — Как жаль, что Пита здесь нет и он ничего этого не слышал. Ведь он никогда мне не поверит. Вчера ты назвал меня х-хи-хи-хреном моржовым, а с-с-сегодня... с-с-с-сегодня... — И он вновь зашелся раскатистым хохотом, то и дело утирая платком катящиеся по щекам крупные слезы.

Когда его веселье снова поутихло, он спросил:

— И как вы собираетесь финансировать это маленькое предприятие, мистер Доуз? Теперь, когда вы лишились своей высокооплачиваемой работы?

Интересно он это сформулировал. *Когда вы лишились своей высокооплачиваемой работы.* Эта фраза придала всему случившемуся сегодня осязаемую реальность. Он потерял работу. Все это не было сном.

— В прошлом месяце я вернул в компанию страховой полис на мою жизнь и получил за него деньги, — сказал он. — Я делал взносы за десяти тысячную страховку в течение десяти лет. Получилось около трех тысяч долларов.

— Неужели ты уже тогда все это планировал?

— Нет, — сказал он честно. — Когда я получил деньги за страховку, я еще толком не знал, зачем они мне понадобятся.

— Стало быть, в те дни ты еще оставлял себе все пути открытыми, да? Ты думал, что, может быть, лучше просто поджечь дорогу, или расстрелять ее из пулемета, или придушить ее, а может быть...

— Нет. Я просто еще не знал, что я собираюсь сделать. Теперь я знаю.

— Понятно. На мою помощь можешь не рассчитывать.

— Что? — Он уставился на Мальоре, искренне пораженный. Такого в сценарии не было предусмотрено. Мальоре должен был какое-то время помучить его расспросами, наподобие сурового, но справедливого отца. А потом достать ему взрывчатку. Ну, может быть, еще произнести ритуальную фразу, что-нибудь наподобие: *Если тебя поймут, я скажу, что ни разу тебя в глаза не видел.*

— Что вы сказали?

— Я сказал нет. Н-Е-Т. По-моему, я достаточно ясно выразил свою мысль. — Он подался вперед. Добродушные искорки исчезли из его глаз, словно их никогда там и не было. Теперь они казались мертвыми и неожиданно маленькими, несмотря на увеличительный эффект стекол. Они ничуть не были похожи на глаза развеселого неаполитанского Санта-Клауса, готового принести тебе на Рождество любой подарок — чего бы ты ни пожелал.

— Послушайте, — сказал он Мальоре. — Если меня поймут, я ни словом о вас не обмолвлюсь. Даже имени вашего ни разу не упомяну.

— Как же, поверил я тебе, держи карман шире! Да ты расколешься на первом же допросе, твой адвокат докажет твою неменяемость, ты отправишься в бесплатный санаторий с четырехразовой кормежкой и цветным телевизором, а мне приделают пожизненное. Ищи дурака.

— Да нет, послушайте...

— Нет, это ты меня послушай, — перебил его Мальоре. — Ты забавен только до определенного предела. А мы этот предел уже миновали. Раз я сказал нет, значит нет, и никаких гвоздей. Никакого оружия, никакой взрывчатки, никакого динамита, вообще ничего. Хочешь узнать почему? Я тебе объясню. Ты — недоделанный психопат, а я — бизнесмен, деловой человек. Кто-то сказал тебе, что я могу «достать», чего только душа не пожелает. И я действительно могу кое-что достать. И уже достал, причем для огромного

числа людей. Но и для себя я тоже кое-что достал. В сорок шестом году я получил два с половиной года за незаконное ношение оружия. Оттрубил десять месяцев. В пятьдесят втором на меня пытались повесить обвинение в причастности к мафии, но я отвертелся. В пятьдесят пятом мне шили уклонение от налогов, но и тут я отвертелся. В пятьдесят девятом на меня повесили скупку краденого, и тут мне не удалось отвертеться. Я отсидел восемнадцать месяцев в Каслтоне, зато парень, который разоткровенничался перед присяжными, получил симпатичную уютную могилку полтора на два метра. С пятьдесят девятого меня арестовывали три раза, причем дважды дело было прекращено за недостаточностью улик, а один раз присяжные были вынуждены признать меня невиновным. Им очень хочется до меня добраться, потому что если вина будет доказана, то я с моим послужным списком загремлю сразу на двадцать лет без права досрочного освобождения за хорошее поведение. А единственное, что от меня останется через двадцать лет, это мои почки, которые они сдадут на попечение какому-нибудь грязному нигтеру из велферовского приюта в Нортоне. Для тебя это что-то вроде игры. Опасная, сумасшедшая, но все равно игра. А для меня это не игра, и заруби себе это на носу. Ты думаешь, что говоришь правду, когда утверждаешь, что будешь держать язык за зубами. Но ты лжешь. Нет-нет, не мне лжешь. Ты себе лжешь. Так что мой ответ однозначный и окончательный: нет. — Он развел руками. — Если бы тебе нужны были телки, Господи, да я б тебе подарил две за бесплатно — за одно только представление, которое ты тут вчера закатил. Но в такие дела я не вмешиваюсь, уволь.

— Ладно, — сказал он. Живот вел себя хуже некуда. К горлу подступала тошнота.

— Здесь чистое место, — сказал Мальоре, — и я знаю на все сто, что здесь чисто. Более того, я знаю, что ты чист, хотя если дальше будешь продолжать разгуливать с такими разговорами, то вряд ли останешься чистым. Но я тебе все равно кое-что расскажу. Около двух лет назад пришел ко мне один нигтер и заявил, что ему нужна

взрывчатка. А взорвать он собирался не какую-то там поганую дорогу, а, мать твою за ногу, ни больше ни меньше, как здание федерального суда, разорви его яйца.

Не надо больше ничего рассказывать, — думал он. — Боюсь, меня сейчас стошнит. У него было такое чувство, будто желудок его наполнен перьями, и все они щекочут его изнутри.

— Я достал ему взрывное устройство, — сказал Мальоре. — Мы поторговались. Он поговорил со своими ребятами, я — со своими. Он заплатил деньги. Очень много денег. Я отдал ему устройство. Слава богу, парня и двух его дружков взяли еще до того, как они успели грохнуть эту штуку. Но ты знаешь, что интересно: я не потерял ни одной минуты сна, мучаясь мыслями, не сдадут ли они меня легавым, или прокурору штата, или фэбээрешикам. И знаешь почему? Потому что я не мучался этими мыслями. Этот парень был с целой *сворой* чокнутых, и не просто чокнутых, а чокнутых нигтеров, а это самый тяжелый случай, доложу я тебе. А свора чокнутых — это совсем другое дело. Один такой психопат как ты — ему на все наплевать. Он сгорает себе — как лампочка в прихожей. Но если таких психопатов тридцать и трое из них попались, то эти трое закрывают рот на молнию, и никто от них не добьется ни единого словечка.

— Ладно, — сказал он снова. Глаза давило и жгло.

— Послушай, — сказал Мальоре уже немного поспокойнее. — Брось ты это дело. Все равно за три куска ты не купишь того, что тебе нужно. Это черный рынок, и ничего тут не поделаешь. Чтобы достать столько взрывчатки, надо потратить в три или четыре раза больше.

Он ничего не отвечал. Уйти он не мог, пока Мальоре его не отпустит. Все это было словно в каком-то кошмарном сне, но только это было не в кошмарном сне. Ему приходилось постоянно повторять самому себе, что он не должен позволять себе никаких глупостей в присутствии Мальоре. Например, не должен щипать себя в надежде проснуться.

— Доуз.

— Что?

— Все равно от этого не будет никакого толку. Разве ты сам этого не понимаешь? Ты можешь взорвать человека, ты можешь взорвать скалу, ты можешь уничтожить какое-нибудь прекрасное произведение искусства, как тот сумасшедший говнюк, который отправился с молотком крушить скульптуру Микеланджело, чтоб у него хрен сгнил и отвалился! Но невозможно взорвать здания, дороги и тому подобное. Именно этого не могут понять эти чокнутые негритосы. Ну хорошо, взорвут они здание федерального суда, так ведь власти построят еще два таких суда на этом месте! Один для того, чтобы заменить взорванный, а другой — для того, чтобы дрючить задницу каждому негритянскому козлу, который попадется им в лапы. Ну, будут они убивать полицейских. Так на место каждого убитого полицейского наймут шесть новых, и у каждого из них палец будет чесаться нажать на курок при виде нигтера. Ты не можешь выиграть, Доуз. Будь ты черный или белый. Если ты встанешь на пути этой дороги, они закопают тебя в землю вместе с твоей работой и твоим домом.

— Мне надо идти, — услышал он свой хриплый голос.

— Да, ты неважно выглядишь. Тебе надо вывести всю эту дрянь из организма. Если хочешь, я тебе могу подыскать старую шлюху. Старую и глупую. Если хочешь, можешь избить ее до полусмерти. Избавься от этого яда. Ты мне вроде как немного понравился, и я хочу...

Он побежал. Он ринулся, не глядя вокруг, за дверь, через всю контору и на улицу, под снег. Там он остановился, дрожа и глотая ртом снежный морозный воздух. Неожиданно им овладела уверенность, что сейчас Мальоре выйдет за ним, возьмет его за воротник, отведет его в контору и будет говорить с ним до скончания века. И когда архангел Гавриил затрубит, возвещая конец света, Одноглазый Салли все еще будет терпеливо объяснять ему непобедимость всех государственных структур во всем мире и подкладывать под него старую уродливую шлюху.

Когда он добрался домой, величина снежного покрова достигла уже почти шести дюймов. По дороге уже прошли снегоочистители, и чтобы выехать на шоссе, ему пришлось преодолеть на своей «ЛТД» целую баррикаду подмерзшего снега. Впрочем, «ЛТД» это не составило особого труда. Это была хорошая мощная машина.

Весь дом был погружен в темноту. Он вошел в дверь и затопал ногами о коврик, стряхивая снег с ботинок. В доме стояла полная тишина. Даже Мерв Гриффин не болтал со знаменитостями.

— Мэри? — позвал он. — Ответа не было. — *Мэри?*

Несколько секунд он тешил себя мыслью, что ее нет дома, но вскоре из гостиной до него донесся ее плач. Он снял пальто, повесил его на вешалку и убрал в шкаф. На дне шкафа под вешалкой стояла небольшая ванночка. Ванночка была пуста. Мэри ставила ее туда каждую зиму, чтобы туда стекали капли от тающего снега. Иногда он удивлялся: ну кому может быть дело до каких-то там капель в шкафу? Теперь ответ открылся ему во всей своей простоте. Мэри было дело. Вот кому.

Он прошел в гостиную. Она сидела на диване напротив темного экрана телевизора и плакала. Она не вытирала слезы платком. Руки безвольно лежали по бокам. Она обычно всегда старалась скрыть свои слезы: шла наверх в свою спальню или, если слезы заставали ее врасплох, закрывала лицо руками и пряталась в носовой платок. Поэтому сейчас ее лицо показалось ему каким-то голым и даже непристойным, словно лицо чудом оставшейся в живых жертвы авиационной катастрофы. У него защемило сердце.

— Мэри, — сказал он мягко.

Она продолжала плакать, не поднимая глаз. Он подошел и сел рядом с ней.

— Мэри, — сказал он. — Все вовсе не так плохо, как кажется. Совсем не так плохо. — Но сам он не был уверен в своих словах.

— Это конец всего, — сказала она прерывающимся от слез голосом. Как ни странно, но красота, которую она

так никогда и не достигла или же навсегда потеряла, в этот момент освещала ее лицо своим сиянием. В этот момент полной катастрофы она была прекрасна.

— Кто тебе это сказал?

— *Да все мне сказали! Все!* — закричала она. Она по-прежнему не смотрела на него, но рука ее дернулась в резком, стремительном жесте и вновь упала на колени. — Том Гренджер позвонил. Потом позвонила жена Рона Стоуна. Потом позвонил Винсент Мэйсон. Они все спрашивали меня, что с тобой случилось. А я не знала! Я вообще не знала, что что-то с тобой не так.

— Мэри, — сказал он и попытался взять ее за руку. Она отдернула ее, словно он был болен какой-то заразной болезнью.

— Ты решил наказать меня? — спросила она, наконец-то подняв на него глаза. — Я угадала? Ты действительно наказываешь меня?

— Нет, — сказал он поспешно. — Нет, Мэри, нет. — Ему хотелось заплакать, но он знал, что этого делать нельзя. Это было бы неверным шагом.

— За то, что я сначала родила мертвого ребенка, а потом ребенка, с рождения обреченного на смерть? Ты что, считаешь, что я убила твоего сына?

— Мэри, это был *наш* сын...

— *Он был твой!* — истошно завопила она ему в лицо.

— Не надо, Мэри. Не надо. — Он попытался обнять ее, но она вырвалась.

— Не смей ко мне прикасаться.

Они ошеломленно посмотрели друг на друга, словно впервые в жизни обнаружив, что мир вокруг уходит далеко за привычные границы, словно открыв для себя огромные белые пятна на какой-то неведомой внутренней карте.

— Мэри, я ничего не мог поделать с тем, что на меня нашло. Прошу тебя, поверь мне. — Это могла быть и ложь, но тем не менее он продолжил:

— Что ж, возможно, это действительно как-то связано с Чарли. Я делал вещи, которых сам не понимал. Я... я

сдал свой страховой полис в октябре и получил деньги. И это было первой ласточкой, первым *реальным* действием, но все это начало копиться у меня в мозгу еще задолго до этого. Но проще совершать действия, чем разговаривать о них. Ты можешь это понять? Ты можешь попытаться это понять?

— А что случится со мной, Бартон? У меня в жизни было только одно занятие — быть твоей женой. Что же теперь случится со мной?

— Я не знаю.

— Ты меня как будто изнасиловал, — сказала она и снова захныкала.

— Мэри, пожалуйста, не надо больше. Не надо... Прощу тебя, постарайся...

— А когда ты *все это* делал, ты хоть раз подумал обо мне? Тебе хоть раз пришло в голову, что я от тебя завишу?

Он ничего не мог на это ответить. Ему показалось, будто он снова разговаривает с Мальоре. Словно Мальоре умудрился обогнать его по дороге домой, натянул маску Мэри и переоделся в ее одежду. Что теперь? Может быть, ему снова предложат старую шлюху?

Она встала с дивана. — Я пойду наверх. Мне надо прилечь.

— Мэри... — Она не прервала его, но он обнаружил, что у него нет слов, которые могли бы последовать за этим первым словом.

Она вышла из комнаты, и он услышал ее шаги по лестнице. Потом он услышал скрип кровати, когда она ложилась. Потом он услышал, как она снова заплакала. Потом он встал, включил телевизор и увеличил громкость настолько, чтобы не было слышно ее плача. На экране Мерв Гриффин болтал с очередной знаменитостью.

Часть вторая

ДЕКАБРЬ

*О любовь моя, будем верны
Друг другу! ибо мир, который
Раскинулся перед нами словно страна
снов,
Такая разнообразная, такая прекрасная
и такая новая,
На самом деле не несет в себе ни радо-
сти, ни любви, ни света,
Ни уверенности, ни мира, ни исцеления
боли;
И мы стоим здесь, в погруженной во
тьму долине,
Со всех сторон окруженные смятенными
армиями борьбы и полета,
Где неведомые полчища сошлись в ночи.*

Мэтью Арнольд
«Дуврское побережье»

5 декабря, 1973

Он пил свой личный коктейль, смесь ликера «Южное утешение» и виски «Севен-Ап», и смотрел телевизионную постановку, название которой было ему неизвестно. Главный герой постановки был то ли полицейским в гражданской одежде, то ли частным детективом, и какой-то парень только что крепко двинул его по голове. Это навело полицейского в гражданке (или частного детектива) на мысль о том, что он близок к какой-то важной догадке. Но прежде чем он успел сообщить зрителям, в чем эта догадка заключается, началась реклама подливочного концентрата. Парень из рекламы утверждал, что если смешать подливочный концентрат с обычной теплой водой, то получится превосходная подливка. Он спросил у зрителей, не похоже ли это на соус, который получается при тушении настоящей говядины. По мнению Бартона Джорджа Доуза, это было больше всего похоже на жидкий понос, которым кто-то испражнился в красную собачью миску. Снова началась постановка. Частный детектив (или полицейский в гражданке) расспрашивал чернокожего бармена, на которого в полиции уже было заведено досье. Бармен сказал: *а пошел ты*. Бармен сказал: *отвали и не мешай работать*. Бармен сказал: *нечего тут ошиваться*. Он был уверен в своей полной безнаказанности, но Бартон Джордж Доуз не без оснований считал, что частный полицейский (или детектив в гражданке) давно подцепил этого бармена на крючок.

Он был абсолютно пьян. Он смотрел телевизор в одних трусах — больше на нем ничего не было. В доме было очень жарко. Он поставил регулятор отопления на семьдесят восемь градусов и не менял его положение с тех пор, как ушла Мэри. Какой еще там энергетический кризис? Имел я тебя в задницу, мистер Никсон. А заодно и твою лошадку, на которой ты въехал в Белый дом. Имел я полицию, налоговую инспекцию, дорожную службу и всех прочих засранцев. Сегодня на автострате он разогнался до семидесяти миль в час и показывал упруго поднятый палец водителям, которые сигналили ему, чтобы он сбавил газ. Личный советник президента по сфере потребления, какая-то баба, выглядевшая так, словно она была девочкой-звездой в тридцатые годы, но потом неумолимое время превратило ее в политического гермафродита, выступала два вечера назад в программе о коммунальных службах и рассказывала о способах (!), которыми вы и я (!!) можем сэкономить электричество в доме (!!!). Звали ее Вирджиния Кнауэр, и она была большим экспертом по способам, которыми вы и я можем сэкономить энергию, и очень долго распространялась на эту тему, потому что энергетический кризис — это большая гадость, и все мы от него страдаем. Когда программа кончилась, он отправился на кухню и включил электрический миксер. Миссис Кнауэр объяснила, что миксеры находятся на втором месте по потреблению электроэнергии среди небольших бытовых электроприборов. Он оставил миксер включенным на всю ночь, а когда он поднялся на следующее утро — это было вчера, — то обнаружилось, что миксер перегорел. Больше же всего потребляют энергии, как сообщила миссис Кнауэр, маленькие электрические обогреватели. У него не было маленького электрического обогревателя, но он некоторое время обдумывал мысль о том, чтобы купить себе парочку и держать их включенными день и ночь до тех пор, пока они не перегорят. Вполне возможно, если он напьется до потери сознания, то и сам сгорит вместе с обогревателями и со всем домом.

Это было бы концом всего этого унижительного самопо-
такания.

Он приготовил себе еще один коктейль и принялся размышлять о старых телевизионных программах, которые показывали еще в те дни, когда он и Мэри еще совсем недавно поженились, и о напольной модели «АрсИэй» — самом обычном напольном черно-белом телевизоре — еще можно было только мечтать. Была тогда «Программа Джека Бенни», а еще шоу «Амос и Энди» — эти шустрые, забавные негры-джазисты. А еще был «Невод», та самая первая версия «Невода», в которой партнером Джо Фрайди был Бен Александер, а не этот новый парень, Гарри как его там бишь. Еще был «Патруль на автостраде» с Бродериком Кроуфордом, который орал «десять-четыре»¹ в свой громкоговори-
тель, и все раскатывали на полицейских бьюиках, у которых по бокам были даже специальные бойницы для того, чтобы вести огонь.

«Самое лучшее шоу». «Твой хит-парад» с Джизель МакКензи, распевавшей что-нибудь вроде «Зеленой двери» или «Незнакомца в раю». Рок-н-ролл положил всему этому конец — раз и навсегда. А как насчет телеигр, ты только вспомни! «Тили-тили-тесто» и «Двадцать одно» каждый понедельник по вечерам с Джеком Барри в роли ведущего. Люди заходили в изолированные кабинки, надевали наушники наподобие тех, которыми пользуются на заседаниях ООН, и выслушивали самые невероятные вопросы, по поводу которых их уже успели кратко проинструктировать. «Шестьдесят четыре тысячи долла-
ров за один вопрос» с Хэлом Марчем. Соревнующиеся, пошатываясь, уходили со сцены о огромными охапками различных справочников. Потом еще «Дотто» с ведущим Джеком Нарцем. И субботние утренние программы вроде «Анны Оукли», которая постоянно спасала своего ма-
ленького братика Тэга из каких-то кошмарных переде-

¹ Десять-четыре — на жаргоне радиолюбителей это означает о'кей, хорошо — *прим. перев.*

лок. Он все время подозревал, что этот мальчишка на самом деле является ее незаконнорожденным сыном. Еще был «Рин-Тин-Тин», который контролировал территорию в окрестностях форта Апачи. И «Сержант Престон», которому был вверен весь Юкон — и пришлось же ему помотаться туда-сюда. «Странствующий Всадник» с Джоком Мэхони. «Дикий Билл Хикок» с Гаем Мэдисоном и Энди Девином в роли Джинглей. Мэри частенько говорила Барту, что если бы люди знали, что он смотрит всю эту ерунду, то они сочли бы его слабоумным. Ну честное слово, человек, в твоём-то возрасте, и такой позор! А он всегда отвечал ей, что хочет быть в состоянии вступить в разговор со своими детьми, вот только детей не было — можно считать, что не было. Первый оказался всего лишь небольшим куском мертвого мяса который не успел издать ни одного крика, а вторым был Чарли, о котором лучше сейчас не вспоминать. Я буду видеть тебя в своих снах, Чарли. Едва ли не каждую ночь он и его сын встречались в том или ином сне. Бартон Джордж Доуз и Чарльз Фредерик Доуз, воссоединенные с помощью волшебной силы подсознания. Вот мы и приехали, ребята, нас ждет последний фантастический аттракцион Диснейленда — путешествие в Страну Жалости к Самому Себе, где вы имеете возможность прокатиться на гондоле вдоль по каналу Слез, посетить музей Старых Фотографий и совершить поездку в восхитительном Ностальгимобиле, с Фредом МакМюрреем за рулем. Последним пунктом вашего путешествия станет удивительно точная копия улицы Крестоллин, Запад. Вот она, здесь, в гигантской бутылке из-под ликера «Южное Утешение». Здесь она будет храниться вечно. Загляните-ка вот в это окно — секундочку, сынок, сейчас я тебя приподниму. Это Джордж, совсем как живой, он сидит в своей полосатой рубашке с короткими рукавами перед цветным телевизором «Зенит», пьет свой любимый коктейль и плачет. Плачет? Ну, конечно, он плачет, а что в этом удивительного? Что еще прикажете делать человеку в Стране Жалости к Самому Себе? Все время плачет, ни

на секунду не останавливается, никаких сбоев в сложнейшем механизме. Сила потока слез регулируется командой лучших в мире специалистов-технологов, приглашенных к нам специально для этой цели. По понедельникам они не особенно-то стараются, и у Барта просто глаза слегка на мокром месте — дело в том, что посетителей в этот день почти не бывает. А вот в остальные дни недели он рыдает в три ручья. В субботу и воскресенье он просто истекает слезами, а по Рождествам мы даем такой поток слез, что он фактически тонет в них. Конечно, трудно не согласиться с тем, что в его внешнем облике есть что-то глубоко отталкивающее, но тем не менее, нельзя забывать о том, что это один из наиболее популярных обитателей Страны Жалости к Самому Себе, наряду с копией Кинг-Конга, установленной на вершине Эмпайр Стейт Билдинг. Посмотрите на него повнимательнее. Он...

Он швырнул стакан в телевизор.

Промажнулся он совсем чуть-чуть, буквально на несколько сантиметров. Стакан ударился о стену, упал на пол и разлетелся вдребезги. Некоторое время он тупо созерцал осколки, а потом снова разразился рыданиями.

Плача, он думал:

Господи, да вы только посмотрите на меня, только посмотрите на меня, как я отвратителен! Я превратился в такую гребаную кучу жидкого дерьма, что просто не верится. Я испортил всю свою жизнь, я испортил всю жизнь Мэри, а теперь сижу здесь и отпускаю шуточки по этому поводу, Господи, Господи, Господи...

Лишь проделав половину пути к телефону, он сумел взять себя в руки и остановиться. Прошлым вечером, пьяный и плачущий, он позвонил Мэри и умолял ее вернуться. Он умолял ее до тех пор, пока она не начала плакать и не повесила трубку. Сейчас, вспоминая об этом, он скривился и усмехнулся, удивляясь своей глупости.

Он отправился на кухню, взял совок и щетку и отправился обратно в гостиную. Он выключил телевизор и смел

стекло на совок. Потом он снова пошел на кухню и высыпал осколки в мусорное ведро. Потом он остановился и задумался о том, что же делать дальше.

Пчелиное гудение холодильника испугало его. Он отправился спать. И видеть сны.

6 декабря, 1973

Было половина четвертого. На скорости семьдесят миль в час он несся по шоссе, направляясь домой. День был ясный, морозный и яркий, температура была около тридцати по Фаренгейту. Каждый день, с того дня, как Мэри ушла от него, он отправлялся в долгое путешествие по главной магистрали — собственно говоря, это превратилось в своеобразный заменитель работы. Это его успокаивало. Когда дорога, с обеих сторон ограниченная низким снежным валом, ложилась ему под колеса, в душе его воцарялся мир и покой, без мыслей и без чувств. Иногда он подпевал радиоприемнику — хриплым, завывающим голосом. Часто во время этих путешествий ему приходила в голову мысль, что ему надо просто продолжать ехать дальше, позволить дороге вести его вперед и вперед, время от времени пополняя запасы бензина по кредитной карточке. Он ехал бы на юг до тех пор, пока не кончились бы дороги, пока не кончилась бы земля. Интересно, можно ли так доехать до самого кончика Южной Америки? Он этого не знал.

Но он всегда возвращался. Он съезжал с магистрали, ставил машину у какого-нибудь скромного ресторанчика, ел гамбургеры и французскую картошку, а потом отправлялся в обратный путь, возвращаясь в город к закату или чуть-чуть попозже.

Он всегда проезжал по улице Стентон, ставил машину на стоянку и выбирался посмотреть, насколько за день

продвинулся новый участок 784-й автострады. Строительная компания соорудила специальную платформу для зевак, и в дневное время на ней всегда было полно народу. В основном это были пожилые люди и посетители магазинов, у которых выдалась свободная минутка. Они выстраивались вдоль перил, словно глиняные уточки в тире, и, раскрыв рот, из которого вырывались облачка пара, таращились на бульдозеры, грейдеры и на инженеров со своими астролябиями. Он бы с радостью их всех перестрелял.

Но ночью, когда температура опускалась ниже тридцати градусов, от заката оставалась лишь узенькая оранжевая полоска на западе, и тысячи звезд уже холодно и колюче посверкивали с небесного свода над головой, он мог изучить продвижение дороги в полном одиночестве, не опасаясь, что его кто-нибудь побеспокоит. Эти минуты, которые он проводил на смотровой платформе, постепенно обрели для него какое-то важное значение. Он даже начал подозревать, что неким непостижимым образом проведенные на платформе минуты возвращают ему энергию и силы, помогают ему хотя бы отчасти сохранить психическую нормальность. В эти минуты — перед затяжным вечерним прыжком в алкогольное опьянение, перед рано или поздно охватывавшим его желанием позвонить Мэри, перед тем, как он начинал свою вечернюю экскурсию по Стране Жалости к Самому Себе — он был полностью самим собой и оценивал ситуацию с холодной, всесокрушающей трезвостью. Он сжимал руками железную трубу и устремлял взгляд вниз, на площадку строительных работ, пока его пальцы не становились такими же бесчувственными, как и само железо, и уже невозможно было с точностью определить, где кончался его мир — мир человеческих существ — и где начинался мир бульдозеров, кранов и смотровых платформ. В такие минуты уже не было необходимости лить слезы, присев на корточки над обломками прошлого, которыми была завалена его память. В такие минуты он чувствовал, как его внутреннее «я» тепло пульсирует в

холодном безразличии зимнего вечера, он ощущал себя реально существующим человеком, возможно, по-прежнему обладающим цельностью.

И вот, проносясь по главной магистрали со скоростью семьдесят миль в час, находясь в сорока милях от будок для сбора пошлины на западной заставе, на обочине сразу же после поста №16 он увидел чью-то фигуру, закутанную в бесформенное пальто, в черной вязаной шапочке. В руках у нее была табличка:

**В ЛАС-ВЕГАС
А ИНАЧЕ ПРОВАЛИВАЙ К ЧЕРТОВОЙ
МАТЕРИ!**

Он резко надавил на тормозную педаль и почувствовал, как ремень безопасности чуть не перерезал его пополам. Звук визжащих по заснеженному асфальту шин — как в кино — приятно взбудоражил его кровь. Он остановился ярдов через двадцать после фигуры. Неясный силуэт запихнул табличку под мышку и побежал к машине. Неуловимые особенности движения подсказали ему, что это была девушка.

Дверца открылась, и она забралась внутрь.

— Спасибо. — Он глянул в зеркальце заднего вида и перестроился в левый ряд, вновь увеличивая скорость до семидесяти миль в час. Дорога вновь неслась ему навстречу. — Неблизкий путь до Лас-Вегаса.

— Это точно. — Она улыбнулась ему дежурной улыбкой, очевидно специально предназначенной для людей, которые говорили ей что до Лас-Вегаса неблизкий путь, и стянула с себя перчатки. — Вы не против, если я закурю?

— Да нет, кури.

Она вытащила из кармана пачку «Мальборо». — Хотите за компанию?

— Нет, спасибо.

Она вставила сигарету в рот, достала из кармана коробок кухонных спичек, закурила, сделала глубокую

затяжку, выдохнула дым, затуманив чуть ли не половину лобового стекла, убрала сигареты и спички в карман, расслабила темно-синий шарф и сказала:

— Спасибо, что посадили. А то я уж начала замерзать. На улице сейчас холодновато.

— Давно ждешь?

— Около часа. Последний парень был пьян, как свинья. Мне еще повезло, что я так легко от него отделалась.

Он кивнул. — Я отвезу тебя до конца главной магистрали.

— До конца? — Она посмотрела на него. — Ты что, едешь до самого Чикаго?

— Что? Нет-нет. — Он назвал город.

— Но ведь главная магистраль идет прямо через город. — Из другого кармана пальто она вытащила потрепанный дорожный атлас. — Так на карте.

— Найди нужную страницу и посмотри еще раз.

Она послушалась.

— Каким цветом обозначена на карте магистраль, по которой мы сейчас едем?

— Зеленым.

— А какого цвета та часть, которая проходит через город?

— Зеленый пунктир. Это... о, Господи! Там же идут дорожные работы!

— Вот именно. Знаменитые на весь мир работы по строительству нового участка 784-й автострады. Девочка, ты никогда не доберешься до Лас-Вегаса, если не изучишь внимательно условные обозначения твоего атласа.

Она склонилась над картой, почти касаясь носом бумаги. Кожа ее была чистой, в нормальном состоянии — скорее всего, молочного цвета, но из-за мороза щеки и лоб ее покраснелись. Кончик носа ее тоже был красным, и небольшая капля повисла у ее левой ноздри. Волосы ее были коротко острижены — и не очень аккуратно. Домашняя стрижка. Приятный каштановый цвет. Жаль стричь такие волосы, а еще жальче — стричь их неумело.

Как там назывался этот рассказ О'Генри? «Дары волхвов»¹. Кому ты купила в подарок цепочку для часов, маленькая симпатичная странница?

— Непрерывный зеленый снова начинается у места под названием Лэнди, — сказала она. — Сколько до Лэнди от того места, где кончается дорога?

— Около тридцати миль.

— О, *Господи*.

Она поразмыслила еще некоторое время над атласом. Они миновали пост №15.

— А какая дорога идет в объезд? — спросила она наконец. — А то я тут запуталась, как в лабиринте.

— Лучше всего ехать по шоссе №7, — сказал он. — Это у последнего поворота, рядом с западной заставой. — Он колебался. — Но лучше тебе эту ночь переждать в городе. Здесь есть «Холидей Инн». Когда мы доберемся до заставы, будет уже темно, а я бы не советовал тебе голосовать на шоссе №7 после наступления темноты.

— Почему? — спросила она, поднимая на него глаза. Взгляд ее был пристальным, и его не так-то легко было выдержать. Глаза ее были зелеными — того самого цвета, о котором порой приходится читать в книгах, но который редко встречается в действительности.

— Это городская объездная дорога, — сказал он, перестраиваясь в левый ряд, чтобы обогнать целую колонну машин, плетущихся со скоростью пятьдесят миль в час. Несколько водителей проводили его сердитыми гудками. — Четыре полосы с небольшим бетонным разделителем. Две полосы ведут на запад, к Лэнди, а две — на восток, в город. Там полно универсальных магазинов, «Макдональдсов», кегельбанов и тому подобных заведений. Водители то и дело останавливаются, чтобы заско-

¹ В этом рассказе муж, чтобы подарить жене на Рождество гребень для ее прекрасных волос, продает свои часы, не зная о том, что она продала в парикмахерскую свои волосы, чтобы подарить ему часовую цепочку — *прим. перев.*

чить поесть или что-нибудь купить. Никто не хочет подсаживать себе пассажира.

— Понятно, — она вздохнула. — А автобус в Лэнди ходит?

— Раньше туда ходил один городской автобус, но этот маршрут сняли, так как он себя не окупал. Наверное, если сесть на какой-нибудь междугородный автобус, то...

— Ладно, забудь про это. — Она сложила атлас и запихала его обратно в карман. Потом она стала смотреть в окно, но вид у нее был встревоженный и расстроенный.

— Нет денег на мотель?

— Мистер, у меня тринадцать зеленых. Я не могу снять себе даже конуру.

— Можешь переночевать у меня дома, если хочешь, — сказал он.

— Да, и, кстати, может, ты высадишь меня прямо сейчас?

— Ладно-ладно. Предложение отменяется.

— Кроме того, что сказала бы твоя жена? — Она пристально посмотрела на обручальное кольцо у него на пальце. В этом взгляде читалось неприкрытое подозрение, не шатается ли он за забором школьных площадок, после того как сторож ушел домой.

— Я и моя жена расстались.

— Недавно?

— Да, первого декабря.

— А теперь у тебя появилось свободное время, которое ты можешь использовать с пользой для себя, — сказала она. В голосе ее послышалось презрение, но это было застарелое чувство, направленное не против него лично. — Особенно с помощью молодого цыпленочка.

— Честно говоря, мне сейчас не хочется никого трахать, — искренне сказал он. — Вряд ли у меня и член-то встанет. — Он подумал, что употребил выражения, которые никогда раньше не использовал в разговоре с женщиной, но, похоже, ничего страшного не произошло. Это было не плохо и не хорошо — просто нормально, все равно что говорить о погоде.

— Ты что, хочешь меня раззадорить? — спросила она, затянувшись сигаретой и выдохнула большой клуб дыма.

— Нет, — ответил он. — Не имею ни малейшего намерения. Просто хотел тебе помочь. Я думаю, что девушке, которая одна добирается до Лас-Вегаса автостопом, помощь не помешает.

— Ну вот, начинается часть третья, — сказала она. В голосе ее по-прежнему слышались презрение и враждебность, однако, с изрядной примесью какого-то усталого любопытства. — А теперь спроси меня, как это такая симпатичная девчонка колесит по дорогам в одиночку.

— Ладно, к черту твою трепотню, — сказал он. — Ты просто невозможная девица.

— Верно, так оно и есть, — сказала она, стряхнула пепел в пепельницу и, бросив взгляд внутрь, сморщила нос. — Ты только посмотри: все забито конфетными обертками, целлофаном и разным дерьмом. Почему ты не возишь с собой в машине мусорный пакет?

— Потому что я не курю. Вот если бы ты позвонила бы мне хотя бы денька за два и сказала бы: Барт, старина, я собираюсь двинуть автостопом по главной магистрали, так что ты уж, пожалуйста, подвези меня, ладно? Да, и еще, чуть не забыла, вытряхни, пожалуйста, всякое дерьмо из пепельницы, потому что я собираюсь курить. Вот тогда бы я подготовился как следует. Почему бы тебе просто не выбросить окурочек в окно?

Она улыбнулась. — Мне нравится твое чувство юмора.

— При моей собачьей жизни без юмора нельзя.

— А ты знаешь, сколько требуется времени, чтобы сигаретный фильтр подвергся биоразложению? Двести лет, вот сколько. К тому времени твои внуки уже будут в могиле.

Он пожал плечами. — Ты тут отравляешь воздух своими канцерогенами, портишь мне легкие и при этом не желаешь выбрасывать окурочек на дорогу. Странная логика.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ничего.

— Послушай, ты что, хочешь выгнать меня из машины? Я угадала?

— Нет, — ответил он. — Только почему бы нам не поговорить на какую-нибудь нейтральную тему? О состоянии национальной валюты, например. О политике. О штате Арканзас.

— Если ты не против, то я предпочла бы самую малость вздремнуть. Похоже, что мне придется провести на ногах целую ночь.

— Как хочешь.

Она надвинула вязаную шапочку на глаза, сложила руки на груди и откинулась на спинку сиденья. Спустя несколько секунд дыхание ее стало размеренным и глубоким. Он время от времени поглядывал на нее, стараясь урывками составить законченный образ. На ней были голубые джинсы — тесные, линялые, тонкие. Они достаточно плотно обтягивали ее ноги, чтобы он мог убедиться что под ними ничего нет. Ноги у нее были длинные, она для удобства скрестила их под приборной доской. Должно быть, они покраснели от холода и сильно зудели. Он собрался было спросить, не зудят ли у нее ноги, но вовремя подумал о том, как прозвучит такой вопрос, и запнулся. От мысли о том, что ей придется целую ночь ловить машины на шоссе №7, причем в лучшем случае ее будут подвозить на короткие расстояния, а в худшем — она простоит до утра на одном месте, ему стало немного не по себе. Ночь, тонкие джинсы, температура ниже тридцати... Ладно, в конце концов это ее дело. Если она замерзнет, вполне может зайти куда-нибудь и отогреться. Так что никаких проблем.

Они проехали повороты на тринадцатое и четырнадцатое шоссе. Он перестал поглядывать на нее и сосредоточился на дороге. Стрелка спидометра стояла на семидесяти, как приклеенная, и он продолжал ехать по левому ряду. Ему посигналили еще несколько раз. Когда они проезжали пост №12, человек, сидевший за рулем микроавтобуса, на бампере у которого была наклейка с

надписью «КУДА ТЫ ТАК ТОРОПИШЬСЯ?», посигналил ему трижды и гневно сверкнул фарами. Он показал микроавтобусу поднятый вверх палец.

Не открывая глаз, она сказала:

— Ты едешь слишком быстро. Поэтому они и дудят беспрерывно.

— Я знаю, почему они это делают.

— Но ты не обращаешь на них внимания.

— Да.

— Еще один обеспокоенный гражданин, — насмешливо проговорила она, — который делает все от него зависящее, чтобы помочь Америке выбраться из тисков энергетического кризиса.

— Я плевал на энергетический кризис.

— Все так говорят.

— Обычно я ездил по автостраде со скоростью пятьдесят пять миль в час. Ни больше ни меньше. Теперь мне надоело поступать в соответствии с Этикой Дрессированной Собаки. Ты, конечно, читала о такой в курсе социологии. Или я ошибаюсь? Я просто решил, что ты наверняка должна быть студенткой из колледжа.

Она выпрямилась. — Какое-то время социология была моей профилирующей дисциплиной, но я никогда не слышала об Этике Дрессированной Собаки.

— Потому что я ее придумал.

— Аа, понятно. — С недовольным видом она снова откинулась на сиденье и надвинула шапочку на глаза.

— Этика Дрессированной Собаки, впервые выдвинутая и разработанная Бартоном Джорджем Доузом в конце семьдесят третьего года, исчерпывающе объясняет такие загадочные явления, как кризис денежной системы, инфляцию, войну во Вьетнаме и текущий энергетический кризис. Возьмем для примера энергетический кризис. Американские граждане — дрессированные собаки. В данном случае речь идет о том, что их выдрессировали любить всякие потребляющие бензин игрушки. Машины, снегокаты, большие моторные лодки, джипы для передвижения по пустыне, мотоциклы, мопеды, домики на коле-

сах и многое-многое другое. Начиная с семьдесят третьего и по восьмидесятый год нас будут дрессировать, чтобы мы возненавидели потребляющие энергию игрушки. Американцы вообще любят, чтобы их дрессировали. Когда нас дрессируют, мы начинаем вилять хвостом. Тратьте энергию. Экономьте энергию. Писать надо только в тарелку с песком. Я ничего не имею против экономии энергии, но я против дрессировки.

Он неожиданно для самого себя вспомнил о собаке мистера Пьяцци, которая сначала перестала вилять хвостом, потом начала закатывать глаза, а потом разорвала горло Луиджи Бронтичелли.

— Совсем как собаки Павлова, — сказал он. — Их выдрессировали так, чтобы у них текла слюна в ответ на звонок. А нас приучили истекать слюной при виде цветного телевизора фирмы «Зенит» с моторизированной антенной. У меня есть один такой дома. У него пульт дистанционного управления. Можно, не вставая с кресла, переключать каналы, повышать или понижать громкость, включать его и выключать. Однажды я засунул пульт себе в рот и нажал кнопку включения. Телевизор тут же включился. Сигнал прошел через мой мозг и все равно сделал свое дело. Удивительная штука — технология.

— Ты чокнутый, — сказала она.

— Наверное, ты права, — отозвался он. Они миновали пост №11.

— Я все-таки, пожалуй, посплю. Разбуди меня, когда мне пора будет выходить.

— О'кей.

Она сложила руки на груди и вновь закрыла глаза.

Они проехали мимо поста №10.

— Собственно говоря, я возражаю не против Этики Дрессированной Собаки, — сказал он. — Я возражаю против того обстоятельства, что хозяева собак — умственные, моральные и духовные уроды.

— Слишком много риторики, чтобы успокоить свою совесть, — сказала она, не открывая глаз. — Почему бы

тебе просто не снизить скорость до пятидесяти? Сразу почувствуешь себя лучше.

— *Я не почувствую себя лучше*, — выплюнул он с такой яростью, что она подняла голову и посмотрела на него.

— С тобой все в порядке?

— У меня все отлично, — сказал он. — Я потерял свою жену и свою работу по одной из двух причин: либо мир сошел с ума, либо я сам чокнулся. Потом я подбираю на трассе человека — девятнадцатилетнюю автостопщицу, которой сам Бог велел считать, что мир сошел с ума, а она заявляет мне, что это я чокнулся, а с миром все в порядке. Нефти, конечно, немного не хватает, но в остальном все идет по плану.

— Мне двадцать один.

— Тем лучше для тебя, — сказал он горько. — Если мир такой весь из себя нормальный, то почему же молоденькая девчонка, вроде тебя, ловит попутку до Лас-Вегаса ночью посреди зимы? Почему она собирается провести всю ночь на шоссе №7 и, вполне возможно, отморозить ноги, потому что у нее ничего не надето под джинсами?

— У меня, между прочим, кое-что надето под джинсами. За кого ты вообще меня принимаешь?

— Я тебя принимаю за *последнюю дуру*! — заорал он на нее. — Ты ведь задницу себе отморозишь, как ты этого не можешь понять?

— И тогда тебе от нее не удастся отщипнуть кусочек? — насмешливо спросила она.

— О, Господи, — пробормотал он. — Ну и дура.

Они пронеслись мимо седана, ехавшего со скоростью пятьдесят миль в час. Седан загудел ему вслед. — Получи, скотина! — заорал он.

— Мне кажется, будет лучше, если ты высадишь меня прямо сейчас, — сказала она спокойно.

— Не обращай внимания, — сказал он. — Я не собираюсь попадать в аварию. Спи.

Несколько долгих мгновений она недоверчиво смотрела на него, а потом сложила руки на груди и закрыла глаза. Они проехали мимо поста №9.

Они проехали пост №2 в пять минут пятого. Ложившиеся на дорогу тени приобрели тот странный синий оттенок, который бывает у теней только зимой. На востоке уже зажглась Венера. По мере приближения к городу движение становилось все более оживленным.

Он мельком взглянул на нее и увидел, что она выпрямилась и смотрит на поток торопливых, равнодушных автомашин. У машины, которая ехала прямо перед ними, к багажнику на крыше была привязана рождественская елка. Зеленые глаза девушки показались ему огромными, и на мгновение он утонул в них и в кратком приступе сочувствия, которые, к счастью для людей, нападают на них довольно редко, увидел мир ее глазами. Он увидел машины, которые все до одной направлялись куда-то, где тепло, куда-то, где их владельцев ждут дела, в которых необходимо разобраться, друзья, которые будут рады их приветствиям, или ткацкий станок семейной жизни, который только и ждет, когда на нем снова примутся ткать бесконечное покрывало. Он увидел их безразличие к незнакомцам. В краткой, холодной вспышке понимания он уловил, что хотел сказать Томас Карлейль, когда назвал мир огромным мертвым локомотивом, который без устали несется вперед.

— Мы уже почти приехали? — спросила она.

— Еще минут пятнадцать.

— Послушай, если я тебе сказала что-то неприятное...

— Нет, это я наговорил тебе кучу гадостей. Мне, вообще-то, сейчас делать нечего. Если хочешь, я мигом довезу тебя до Лэнди.

— Нет...

— Или пристрою на одну ночь в «Холидей Инн». Без всякой задней мысли. Просто подарок на Рождество.

— Ты действительно расстался со своей женой?

— Да.

— И действительно так недавно?

— Да.

— Она забрала детей с собой?

— У нас нет детей. — Они подъезжали к заставе. Зеленые огни светофоров равнодушно моргнули в рано наступивших сумерках.

— Тогда отвези меня к себе домой.

— Это вовсе не обязательно, то есть я хочу сказать, что ты не должна...

— Мне просто хочется, чтобы со мной рядом кто-то был, — сказала она. — И я не хочу ловить попутку ночью. Мне страшно.

Он подъехал к будке сборщика пошлины и опустил стекло, впустив внутрь машины холодный воздух. Потом он отдал подошедшему сборщику свой билет и доллар девяносто центов. Медленно тронулся в путь. Они проехали мимо засверкавшего в свете фар щита с надписью:

СПАСИБО ЗА ТО,
ЧТО ВЫ СОБЛЮДАЛИ ПРАВИЛА
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ!

— Ладно, — неуверенно сказал он. Он понимал, что, возможно, не стоит продолжать уверять ее в своей порядочности — вполне вероятно, это приведет к прямо противоположному эффекту, — но ничего не мог с собой поделать. — Видишь ли, просто в доме как-то уж очень одиноко, когда я один. Мы можем поужинать, а потом посмотреть телевизор и поесть попкорна. Ты можешь лечь в спальне наверху, а я...

Она тихо засмеялась, и, притормозив перед перекрестком, он взглянул на ее лицо. Но она показалась ему какой-то расплывчатой, неопределенной, словно все это был сон, а сейчас он вот-вот должен проснуться. Эта мысль слегка встревожила его.

— Послушай, — сказала она. — Лучше мне рассказать тебе об этом прямо сейчас. Помнишь, я тебе говорила об этом пьяном, с которым я ехала? Так вот, я переспала с ним. Он ехал в Стилсон — туда, где ты меня подобрал. Это была его цена.

Он остановился на красный свет.

— Моя соседка по комнате предупреждала меня, что так все и будет, но я ей не поверила. Уж я-то не собиралась расплачиваться своим телом с водителями. — Она скользнула по нему взглядом, но ему так и не удалось разглядеть в сгустившихся сумерках выражения ее лица. — Но дело не в том, что меня *заставили*. Нет. Просто я чувствовала себя такой отчужденной от всего, словно в безвоздушном пространстве. Когда приезжаешь в большой город и думаешь о всех тех людях, которые здесь живут, то хочется плакать. Не знаю почему, но это действительно так. И бывает так плохо, что ты согласна провести всю ночь, выдавливая прыщи какому-нибудь парню, лишь бы слышать, как он говорит и дышит.

— Мне нет никакого дела до того, с кем ты спала, — сказал он и тронул машину с места. Он автоматически повернул на улицу Гранд, направляясь домой мимо дорожных работ на 784-й автостраде.

— Этот коммивояжер, — сказала она, — он женат уже четырнадцать лет. Он все повторял это, когда обнимал меня. Четырнадцать лет, Шэрон, — твердил он, — целых четырнадцать лет. Кончил он примерно через четырнадцать секунд. — Она издала отрывистый печальный смешок.

— Значит, тебя зовут Шэрон?

— Нет, это, наверное, имя его жены.

Он свернул к обочине.

— Что ты делаешь? — спросила она. В ее голосе вновь зазвучали нотки недоверия.

— Ничего особенного, — сказал он — Это входит отдельным пунктом в программу возвращения домой. Выходи, если хочешь. Я тебе кое-что покажу.

Они вышли из машины и поднялись на смотровую площадку, абсолютно пустынную. Он обхватил голыми руками холодную железную трубу ограждения и посмотрел вниз. Три последних рабочих дня они укладывали слой гравия. Сегодня они закончили эту работу и принялись за следующий слой. Брошенные машины — грузо-

вики, бульдозеры, экскаваторы — неподвижно стояли в тишине наступивших сумерек, словно музейные экспонаты динозавров. Вот стоит стегозавр-вегетарианец, а вот плотоядный трицератопс — устрашающий дизельный бульдозер-землеед. Ну что ж, приятного аппетита.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он у нее.

— А что, я что-то должна об этом думать? — ответила она вопросом на вопрос, пытаясь понять, чего он от нее хочет.

— Да, должна.

Она пожала плечами. — Обычные дорожные работы — и что с того? В городе, где я скорее всего больше не окажусь ни разу в жизни, строят дорогу. Что я могу по этому поводу сказать? Выглядит отвратительно...

— Отвратительно, — повторил он удовлетворенно.

— Я выросла в Портленде, штат Мэн, — сказала она. — Мы жили в большом многоквартирном доме, а через дорогу построили огромный универсальный магазин...

— Они снесли что-нибудь на этом месте?

— Что?

— Я спрашиваю...

— Да, нет. Это был просто пустой участок, за которым было большое поле. Мне было шесть или семь лет. Я думала, что они будут там вечно рыть, греметь и тарыхтеть. И я тогда подумала... странная, конечно, мысль... так вот, я подумала, бедная, старая земля, они словно ставят ей огромную клизму, и никто даже не догадался спросить у нее, нужно ли ей это и не больно ли ей. У меня в тот год была какая-то кишечная инфекция, так что я была большим специалистом по клизмам.

— Вот оно что, — сказал он.

— Мы отправились туда как-то в воскресенье, когда никто там не работал, и было почти как сейчас — тихо, очень тихо, как перед человеком, который умер у себя на кровати. Они заложили уже часть фундамента, и из цемента торчали эти желтые металлические штыри... не знаю, как они там называются. А еще было полно всяких

труб и мотки проводов в чистой полиэтиленовой обертке, и вокруг — много-много грязи, сырой грязи. Странное, конечно, выражение — никто никогда не слышал о вареной грязи, но эта выглядела именно сырой. Мы там принялись играть в прятки, а потом пришла моя мать и застучала нас. Ох, и досталось же нам с моей сестрой. Мать запретила нам ходить на стройку и сказала, что маленьким детям там угрожает большая опасность. Моей младшей сестре было всего лишь четыре года, и она чуть все глаза себе не выплакала. Странно сейчас все это вспоминать. Может быть, сядем обратно в машину? А то я замерзла.

— Конечно, — ответил он, и они вернулись к машине.

По дороге она снова заговорила:

— Я была уверена, что никогда они там ничего не сумеют построить, а потом вдруг универсальный магазин вырос, как гриб после дождя. Я даже помню день, когда они заасфальтировали автостоянку. Через несколько дней пришло несколько рабочих, и они разметили стоянку желтыми линиями. А потом было большое торжество, и какой-то высокопоставленный засранец перерезал ленточку, и все стали ходить в этот магазин, словно он всегда там стоял и никто его никогда и не строил. Магазин называли Торговым Центром «Мамонт». Моя мама часто туда ходила за покупками. Иногда, когда она брала с собой меня и Энджи, я думала об этих оранжевых штырях, которые высовываются из цемента там, в подвале. Это было что-то вроде тайной мысли, которой я ни с кем не могла поделиться.

Он кивнул. Он многое знал о тайных мыслях.

— А почему ты вообще спросил об этом строительстве? Оно как-то тебя затрагивает?

— Да, но я еще не знаю насколько, — ответил он.

Он собирался разогреть готовые обеды в упаковке, но она заглянула в морозильную камеру и обнаружила там большой кусок мяса. Она сказала, что поджарит его, если он, конечно, сможет немного потерпеть.

— Конечно, — сказал он. — Сам я все равно не знаю, как готовить мясо и при какой температуре.

— Вам не хватает вашей жены?

— Очень.

— Потому что вы не знаете, как приготовить мясо? — спросила она, но он оставил ее вопрос без ответа. Она поджарила картошку и разогрела мороженую кукурузу. Ели они на кухне. Она съела четыре жареных куска мяса, две порции картошки и две порции кукурузы.

— Давно я так не ела, не меньше года, — сказала она, закуривая сигарету и глядя в пустую тарелку. — Чуть живот не лопнул.

— А что ты ела?

— Собачье печенье.

— Что?

— Собачье печенье.

— Да-а.

— Оно дешевое, — сказала она. — И им быстро наедаешься. А еще там много питательных веществ и разных витаминов. Так на коробке написано.

— Питательные вещества, так твою растак. Да у тебя прыщи пошли от этого печенья, девочка моя. Ты уже слишком взрослая, чтобы ходить с прыщами на морде. Иди-ка сюда.

Он повел ее в столовую и открыл посудный шкаф Мэри. Он достал оттуда серебряную супницу и вытащил из нее пачку денег. Глаза ее расширились.

— Кого это ты ограбил?

— Свою страховую компанию. Вот, держи. Здесь две-сти долларов. Будешь тратить их на еду.

Но она даже не притронулась к деньгам. — Ты чокнутый, — сказала она. — Интересно, что ты рассчитываешь от меня получить за эти деньги?

— Ничего.

Она засмеялась.

— Хорошо. — Он положил деньги на буфет и поставил серебряную супницу обратно. — Если утром ты не возьмешь эти деньги я спущу их в унитаз.

Честно говоря, он не собирался этого делать.

Она посмотрела ему в лицо. — Знаешь, по-моему, ты вполне на это способен.

Он ничего не ответил.

— Посмотрим, — сказала она. — Утром.

— Утром, — эхом отозвался он.

Он смотрел телеигру «По правде говоря». Двое женщин лгали заявляя, что они — чемпионки мира по женскому родео, а одна говорила правду. Участники викторины — Супи Сэйлс, Билл Каллен, Арлена Лил и Китти Карлайл — должны были отгадать, кто говорит правду. Гарри Мур, единственный ведущий на телевидении, достигший трехсотлетнего возраста, постоянно улыбался, острил и звонил в колокольчик, когда истекало время очередного участника.

Девушка стояла у окна и смотрела на улицу.

— Слушай, — спросила она, — а кто вообще живет на этой улице? Окна все темные...

— Я и Дэнкмены, — ответил он. — Дэнкмены переезжают пятого января.

— Почему?

— Из-за дороги, — ответил он. — Ты хочешь чего-нибудь выпить?

— Что значит из-за дороги?

— Она должна пройти здесь, — сказал он. — Насколько я понимаю, этот дом находится где-то в районе разделительной полосы.

— Из-за этого ты показывал мне дорожные работы?

— Наверное, да. Я раньше работал в прачечной примерно в двух милях отсюда. Она называется «Блу Риббон». Ее тоже снесут из-за дороги.

— Значит, ты из-за этого потерял работу? Прачечную закрывают?

— Нет, дело не совсем в этом. Я должен был заключить сделку о покупке здания в пригородном районе под названием Уотерфорд, куда должна была переехать прачечная, но я этого не сделал.

— Почему?

— Просто никак не мог примириться с этой мыслью, — ответил он. — Так ты хочешь выпить?

— Тебе не обязательно заставлять меня напиваться, — сказала она.

— О, Господи, — простонал он, закатывая глаза. — Тебе не кажется, что в последнее время ты как-то заиклилась на одной мысли, словно испорченная пластинка?

На некоторое время воцарилось тягостное молчание.

— Честно говоря, я люблю только водку с апельсиновым соком.

— У меня есть и то и другое.

— А шейкер есть?

— Нет, я никогда им не пользовался.

— Так я и думала.

Он пошел на кухню и смешал водку с апельсиновым соком, добавив пару кубиков льда. Себе он смешал «Южное Утешение» с «Севен-Ап» и вместе со стаканами вернулся в гостиную. Она забавлялась с пультом дистанционного управления, переключаясь с канала на канал. Шли обычные для половины восьмого вечера программы: «По правде говоря», пустой канал, «В чем моя программа», «Мне снится Джинни», «Остров Гиллигена», пусто, «Я без ума от Люси», пусто, опять пусто, Джулиа Чайлд вытворяет что-то с авокадо, малость похожими на собачью мокроту, «Новая цена справедлива», а потом опять на экране появился Гарри Мур, задорно вопрошающий у участников, кто же из трех людей является настоящим автором книги о том, каково потеряться на целый месяц в лесах Саскачевана.

Он вручил ей стакан.

— Вы ели жуков? Вопрос к номеру второму, — сказала Китти Карлайл.

— В чем дело? Никак не могу найти «Звездное путешествие», — сказала девушка.

— У нас его показывают в четыре по восьмому каналу, — ответил он.

— А ты смотришь?

— Иногда. Моя жена всегда смотрит Мерва Гриффина.

— Я не видел ни одного жука, — ответил второй номер. — Если б я нашел хоть одного, я бы обязательно его съел. — Зрители искренне расхохотались.

— А почему она от тебя ушла? Если не хочешь отвечать, не надо, — сказала она, опасливо на него посмотрев, словно цена, которую придется платить за его признание, могла оказаться слишком высокой.

— По той же самой причине, из-за которой меня вышвырнули с работы, — сказал он, устраиваясь в кресле и пригубив свой коктейль.

— Из-за того что ты не купил новое здание под прачечную?

— Нет, потому что я не купил новый дом.

— Я голосую за номера второго, — сказал Супи Сэйлс, — потому что он похож на человека, способного съесть жука. — Зрители искренне расхохотались.

— Ты не купил новый дом? Вот оно что... ну и ну! — Она подняла глаза от стакана и пристально посмотрела на него. Глаза ее приняли выражение, в котором читалось восхищение, благоговейное изумление и страх. — И куда же ты собираешься переселиться?

— Не знаю.

— Ты не работаешь?

— Нет.

— А чем ты занимаешься целыми днями?

— Езжу по автостраде.

— А вечером смотришь телевизор?

— И пью. Иногда еще делаю попкорн. Кстати, сегодня вечером я тоже собираюсь сделать попкорн. На тебя рассчитывать? Съешь одну порцию?

— Я не ем попкорн.

Она нажала красную кнопку на пульте дистанционного управления (он иногда про себя называл его «модулем», потому что в наши дни любую штуку для управления на расстоянии принято называть «модулем»), и экран «Зенита» сжался в одну сверкающую точку, а потом погас.

— Подожди-ка, я хочу увериться, правильно ли я тебя поняла, — сказала она. — Ты выбросил в мусорное ведро свою жену и свою работу...

— Но не обязательно именно в таком порядке.

— Ладно, какая разница? Так, стало быть, ты выбросил их в мусорное ведро из-за этой дороги. Так?

Он посмотрел на темный экран телевизора, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Хотя он редко внимательно следил за тем, что происходит на экране, но с выключенным телевизором ему стало как-то не по себе. — Не знаю, так это или не так, — сказал он. — Если я сделал это, то это еще не значит, что я знаю, почему я так поступил.

— Это был протест?

— Говорю же тебе: *не знаю*. Когда протестуешь против чего-нибудь, то всегда делаешь это во имя чего-то другого, чего-то лучшего. Все эти люди протестовали против войны во Вьетнаме, потому что они считали, что жить в мире лучше, чем воевать. Люди протестуют против новых законов о наркотиках, потому что они думают, что другие законы могут быть более справедливыми, или более легкими, или менее вредоносными... ну, впрочем, я не знаю. Послушай, почему бы тебе снова не включить телевизор?

— Секунду. — Он снова обратил внимание на то, какими по-кошачьи пристальными были ее зеленые глаза. — Скажи, все это произошло, потому что ты ненавидишь дорогу? Или, вернее, то технологическое общество, которое она для тебя воплощает? Потому что ты против дегуманизирующих свойств современной техники?

— Нет, — ответил он. Быть честным было так трудно, и он даже удивился самому себе: зачем вдаваться во все эти тонкости, когда аккуратная ложь могла бы закончить эту дискуссию куда быстрее и ко всеобщему удовлетворению? Она была как и все остальные неоперившиеся птенцы, как Винни, как люди, которые думают, что образование — это и есть истина. Ей нужен был не ответ, а пропаганда — с подробными схемами и диаграмма-

ми. — Всю свою жизнь я видел, как строятся дороги и новые здания, и ни разу мне не пришло в голову задуматься об этом, разве что чертыхнешься пару раз, когда приходится ехать по объездной дороге или переходить на другую сторону улицы из-за того, что тротуар раскопан или ломают какое-нибудь здание.

— Но когда это коснулось тебя... твоего дома и твоей работы, ты сказал «нет».

— Естественно я сказал «нет». — Вот только он не был уверен, чему именно он сказал нет. А может быть, он сказал да? Да, окончательное и бесповоротное да тому разрушительному импульсу, который всегда был частью его души, подобно встроенному в мозг Чарли механизму саморазрушения? Он внезапно ощутил желание, чтобы в дело вмешался Фредди. Уж Фредди-то мог бы сказать ей то, что она хочет от него услышать. Но как всегда в самый нужный момент Фредди поблизости не оказалось.

— Ты либо совсем чокнутый, либо замечательный человек, — сказала она.

— Замечательные люди бывают только в романах, — отозвался он. — Давай включим телевизор.

Она нажала кнопку на пульте и выбрала понравившуюся ей программу. Он не возражал.

— А что ты пьешь.

Было четверть девятого. Он был слетка навеселе, но далеко не такой пьяный, каким он обычно бывал к этому времени во все предшествующие вечера. Он делал попкорн на кухне. Ему нравилось смотреть, как хлопья постепенно разбухают внутри специального аппарата, словно снег, который растет из земли, вместо того чтобы падать с неба.

— Ликер «Южное Утешение», смешанный с виски «Севен-Ап», — ответил он.

— Что?

Он смущенно хихикнул.

— А можно я попробую? — Она продемонстрировала ему свой пустой стакан и усмехнулась. Это была первая

естественная, неконтролируемая эмоция, отразившаяся у нее на лице с тех пор, как он подобрал ее на автостраде. — Предыдущий коктейль у тебя получился препаративнейший.

— Я знаю, — сказал он. — «Утешение» и «Севен-Ап» — это мой личный коктейль. Я пью его только в одиночку. На людях я обычно пью скотч. Терпеть не могу скотч.

Попкорн был готов, и он высыпал его в большой пластмассовый таз.

— Так можно мне попробовать?

— Конечно.

Он смешал ей «Южное Утешение» с виски, а потом залил попкорн растопленным маслом.

— У тебя в крови сильно повысится концентрация холестерина, — сказала она, прислонившись к косяку двери между кухней и столовой. Потом она отхлебнула коктейль. — Ого, а вот это мне нравится!

— Еще бы тебе это не понравилось. Держи рецепт в тайне, и ты всегда будешь в форме.

Он посолил попкорн.

— Этот холестерол засоряет тебе кровеносную систему, — сказала она. — Стенки сосудов, по которым течет кровь, становятся все толще и толще, а крови все труднее и труднее течь по сосудам, а потом, в один прекрасный день... *гaaaaаг!* — Она картинно прижала руки к груди и пролила немного коктейля себе на свитер.

— У меня хороший обмен веществ, — сказал он ей и вышел из кухни. Проходя мимо нее, он задел плечом ее грудь (похоже, на ней был надет лифчик). Он ощутил такую упругость, которую грудь Мэри утратила уже много лет назад, и тут же укорил себя за эту мысль.

Она съела почти весь попкорн.

Она начала позевывать во время одиннадцатичасовых новостей, которые в основном были посвящены энергетическому кризису и белодомовским пленкам.

— Отправляйся наверх, — сказал он. — Тебе пора в кровать.

Она настороженно на него посмотрела.

— Мы с тобой поладим, — сказал он, — если ты перестанешь дергаться, словно тебе кто-то палец засунул в задницу, каждый раз когда я произношу слово «кровать». Главнейшее назначение Великой Американской Кровати — это сон, а не половое сношение.

Она улыбнулась.

— Ты даже не хочешь укрыть меня одеялом?

— Ты уже большая девочка.

— Ты можешь подняться со мной, если хочешь, — сказала она, посмотрев на него уверенным, спокойным взглядом. — Я так решила еще час назад.

— Нет... но ты даже представить себе не можешь, насколько соблазнительно твое предложение. За всю свою жизнь я переспал только с тремя женщинами, а первые две были у меня так давно, что я их почти и не помню. Это было еще до того, как я женился.

— Ты шутишь?

— Вовсе нет.

— Послушай, это вовсе не из-за того, что ты меня подвез, или там пустил переночевать и все такое прочее. И не из-за денег, которые ты мне предложил.

— Все это очень мило с твоей стороны, — сказал он, поднимаясь с кресла. — А теперь тебе все-таки лучше отправиться наверх.

Но она проигнорировала его совет. — Ты должен знать, почему ты отказываешься, — сказала она.

— Вот как?

— Ну да. К примеру, ты делаешь вещи, которых не можешь объяснить — ты сам так сказал, — но тут нет противоречия, потому что ты действуешь, а когда что-то происходит, то оно уже не нуждается в объяснении. Но если ты решаешь чего-то не делать, то ты должен знать почему.

— Хорошо, я тебе скажу, — ответил он и кивнул в сторону столовой, где на буфете по-прежнему лежали

двести долларов. — Это из-за денег. Ты еще слишком молода, чтобы превращаться в шлюху.

— Я их не возьму, — сказала она поспешно.

— Я знаю, что не возьмешь. Поэтому я и не буду с тобой спать. Потому что я хочу, чтобы ты их взяла.

— Потому что не все такие добрые и симпатичные, как ты? — спросила она.

— Вот именно. — Он посмотрел на нее с вызовом.

Она раздраженно помотала головой и поднялась со стула. — Ладно, ты меня убедил. Но ты — самый настоящий буржуа, ты знаешь об этом?

— Да.

Она подошла к нему и поцеловала его в губы. Это было очень возбуждающе. Он ощутил ее запах, и запах этот был чрезвычайно приятным и соблазнительным. Эрекция наступила почти мгновенно.

— Иди, — сказал он.

— Если ночью ты передумаешь...

— Не передумаю. — Она двинулась к лестнице, и он взглядом проводил ее босые ноги. — Эй, постой.

Она обернулась и вопросительно подняла брови. — В чем дело?

— Как тебя зовут?

— Оливия, если это имеет хоть какое-нибудь значение. Глупое имя, правда?

— Нет, нормальное имя. Мне нравится. Спокойной ночи, Оливия.

— Спокойной ночи.

Она двинулась наверх. Он услышал щелчок выключателя — он прозвучал точно так же, как в те дни, когда Мэри поднималась в спальню раньше него. Если бы он прислушался повнимательнее, он мог бы, наверное, услышать сводящее с ума потрескивание ее свитера, когда она стягивала его через голову, или щелчок пряжки ремня, который стягивал ее джинсы вокруг талии...

Отыскав командный модуль, он включил телевизор.

Его член по-прежнему был сильно эрегирован и неудобно упирался в грубую ткань брюк. В прежние деньки,

когда кровать была лишь одной из многочисленных площадок для их игр, Мэри частенько называла его напрягшийся член кремнистым утесом или змеей, превратившейся в камень. Он расстегнул молнию брюк, но эрекция не спадала, и тогда он встал. Через некоторое время эрекция прекратилась, и он снова сел.

Когда новости кончились, начался фильм «Мозг с планеты Эраус» с Джоном Эгаром в главной роли. Он уснул перед экраном телевизора, так и не выпустив из рук командный модуль. Через несколько минут ткань его брюк вновь вздулась в паху. Возбуждение вернулось украдкой, словно убийца, пришедший на место своего преступления.

7 декабря, 1973

Но он все-таки поднялся к ней ночью.

Ему вновь приснился сон о собаке мистера Пьяцци, и на этот раз, еще до того как собака с рычанием бросилась на мальчика, он уже знал, что это был Чарли. Сон от этого стал еще ужаснее, и когда собака мистера Пьяцци прыгнула, он проснулся ценой огромного усилия воли, словно человек, выбирающийся из неглубокой песчаной могилы.

Он схватился руками за воздух, еще не проснувшись окончательно, и полностью утратил чувство равновесия. Он застыл на мгновение на краю кушетки, где он в конце концов устроился вечером, не понимая, где он находится, охваченный ужасом за своего мертвого сына, который снова и снова умирал в его кошмарных снах.

Он упал на пол, больно стукнувшись головой и ушибив плечо. Теперь он уже достаточно стряхнул с себя сон, чтобы понять, что он находится в своей собственной гостиной и сон уже кончился. Окружившая его реальность была плачевной, но, во всяком случае, не такой пугающей.

Что он сделал? Его неожиданно захлестнула целостная картина того, что он сделал со своей жизнью, своего рода отвратительный гештальт¹. Он разорвал свою жизнь на

¹ Гештальт — целостная структура человеческого восприятия, изучаемая гештальтпсихологией — *прим. перев.*

части, словно никому не нужную тряпку. Все пошло наперекосяк. Ему было плохо. Он ощущал у себя во рту застоявшийся привкус «Южного Утешения», и к горлу его поднялась отвратительная кисловатая волна. Он сглотнул и подавил рвоту.

Его охватила дрожь, и он обхватил колени в напрасной попытке унять ее. Ночью все выглядело в каком-то странном свете. Что это он тут делает, сидя на полу в гостиной, прижимаясь к груди коленями и дрожа, словно старый алкоголик в подворотне? Или как кататоник, как гребаный психопат — вот это уже ближе к истине. Неужели это правда? Неужели он действительно сошел с ума? Неужели он не просто странный тип, не просто хрен моржовый, у которого поехала крыша, а самый настоящий сумасшедший? Мысль эта вызвала в нем новый приступ ужаса. Неужели он действительно ездил к гангстеру, пытаясь достать взрывчатку? Неужели он действительно прячет в гараже кольт сорок четвертого калибра и винтовку, из которой можно убить слона? Жалкий, скулящий звук вырвался у него из горла, и он осторожно поднялся, похрустывая костями, словно столетний старик.

Не позволяя себе больше ни о чем думать, он поднялся по лестнице и шагнул в спальню.

— Оливия? — прошептал он. Все это было нелепо, словно сцена из старого фильма с Рудольфом Валентино. — Ты спишь или нет?

— Нет, не сплю, — отозвалась она. Голос ее действительно не показался ему сонным. — Я не могла заснуть из-за этих часов. Ну, электронных. Они то и дело щелкали. Пришлось выдернуть их из розетки.

— Ну и хорошо, — сказал он, подумав о том, как нелепо звучит его фраза. — Мне приснился очень плохой сон.

Раздался шорох сброшенного покрывала. — Иди сюда. Ложись рядом со мной.

— Я...

— Заткнешься ты наконец?

Он лег рядом с ней. Она была абсолютно голой. Они занимались любовью. Потом уснули.

К утру температура на улице понизилась до десяти градусов. Она спросила, получает ли он газету.

— Раньше получали, — ответил он. — Газеты разносил Кенни Аполингер. Теперь его семья переехала в Айову.

— В Айову, стало быть, — задумчиво повторила она и включила радио. Мужской голос рассказывал о погоде. Будет холодно и ясно.

— Хочешь, я поджарю тебе яйцо?

— Два, если есть.

— Конечно. Слушай, по поводу этой ночи, я хотел тебе сказать...

— Да хватит тебе об этом! Я кончила. Со мной это случается крайне редко. Мне понравилось.

Он почувствовал, как в душе у него зашевелилась тайная гордость. Скорее всего, она поняла это, а может быть, даже намеренно вызвала у него это чувство. Он поджарил яичницу. Два яйца для нее, два — для себя. Жареные хлебцы и кофе. Она выпила три чашки. С сахаром и со сливками.

— Так что же ты собираешься делать? — спросила она после завтрака.

— Отвезу тебя на автостраду, — ответил он, не задумываясь.

Она нетерпеливо махнула рукой. — Да я не об этом тебя спрашиваю. О твоей жизни.

Он усмехнулся. — Серьезные вопросы ты задаешь с утра пораньше.

— Вопрос действительно серьезный, — ответила она. — Но не для меня, а для тебя.

— Не знаю, я как-то не задумывался об этом, — сказал он. — Знаешь, *раньше*... — Он слегка подчеркнул слово *раньше*, чтобы обозначить ту часть своей жизни, которая уже скрылась за горизонтом. — ...до того, как топор упал, мне кажется, я чувствовал себя примерно так

же, как приговоренный в камере смертников. Все казалось каким-то нереальным. Словно я живу в каком-то стеклянном сне, который никогда не кончится. А теперь все снова стало реальным, настоящим. Вот эта ночь, например... она была настоящей.

— Я рада, — сказала она, и слова ее прозвучали искренне. — Но что ты все-таки собираешься делать?

— Бог его знает.

— Это грустно, — сказала она.

— Вот как? — спросил он. И это был не просто риторический вопрос.

Они снова сидели в машине, направляясь по шоссе №7 в сторону Лэнди. В предместьях на шоссе была пробка, и то и дело приходилось останавливаться. Люди направлялись на работу. Когда они проезжали мимо строительных работ на 784-й автостраде, рабочий день там уже начинался. Люди в желтых защитных строительных касках и зеленых резиновых сапогах залезали в машины. Морозные облачка вырывались у них изо рта. Двигатель одного из оранжевых асфальтоукладчиков фыркнул, фыркнул еще раз, потом дернулся, громко кашлянув, словно выплюнувшая снаряд пушка, потом снова фыркнул и привычно затарахтел. Водитель время от времени поддавал газу, и звук двигателя был похож на шум отдаленного сражения.

— Отсюда сверху они похожи на маленьких мальчиков, которые катают грузовики по песочнице, — сказала она.

За пределами города движение наладилось.

Она взяла двести долларов без смущения и без неохоты — однако, и без особого блеска в глазах. Она расправила в одном месте подкладку своего пальто, засунула туда банкноты, а потом зашила подкладку синей ниткой, найденной в коробке Мэри для цветных принадлежностей. Она отказалась от его предложения отвезти ее на автобусную станцию, ответив, что денег хватит на более долгий срок, если она поедет автостопом.

— Так почему же такая симпатичная девушка путешествует автостопом в одиночку? — спросил он.

— Что ты говоришь? — переспросила она, выныривая из потока своих мыслей.

Он улыбнулся. — Откуда ты взялась? Почему ты едешь в Лас-Вегас? Ты ведь тоже живешь вне общества, как и я. Так расскажи мне свою предысторию.

Она пожала плечами. — Да тут и рассказывать-то особенно нечего. Я была студенткой колледжа в Нью-хемпширском университете, в Дархеме. Это рядом с Портсмутом. Ну, в этом году я перешла на предпоследний курс. Жила за территорией кампуса. Вместе с парнем. Мы вдвоем сильно подсели на наркотики.

— Что-нибудь вроде героина?

Она весело рассмеялась. — Нет, я не знала ни одного человека, который кололся бы героином. Лично мы, симпатичные мелкобуржуазные наркоманы, предпочитаем галлюциногены. Лизергиновую кислоту¹. Мескалин. Пару раз пробовали пейот. Короче говоря, всякую химию. В сентябре—ноябре я улетала по крайней мере раз шестнадцать, а то и все восемнадцать.

— И на что это похоже?

— Тебя интересует, были ли у меня неприятные ощущения от приема наркотиков?

— Да нет, просто спросил.

— Конечно, часто бывали и неприятные ощущения, но они всегда сопровождались и чем-то приятным. А к самым приятным ощущениям всегда примешивалась какая-нибудь гадость. Как-то раз я решила, что заболела лейкемией. Это было очень страшно. Но в основном было просто странно. Я ни разу не видела Бога. Ни разу не хотела совершить самоубийство. Ни разу не хотела кого-нибудь убить.

¹ Здесь Оливия ошибается: галлюциногенными свойствами обладает не сама лизергиновая кислота, а ее диэтиламид, так называемый LSD-25 — *прим. перев.*

Она задумалась и замолчала на минуту-другую. Потом заговорила снова.

— Всех почему-то волнует эта тема. Ортодоксы, люди вроде Арта Линклеттера, говорят, что наркотики — это верный путь к смерти. А есть сдвинувшиеся на этом люди, которые утверждают, что наркотики откроют перед тобой все двери и сделают тебя свободным. Что с их помощью можно отыскать туннель, ведущий к твоему внутреннему «я», словно твоя душа — это нечто вроде сокровища в романе Райдера Хаггарда. Ты когда-нибудь его читал?

— В детстве читал роман «Она». Кажется, это ведь он написал?

— Да. Так вот, как ты считаешь, твоя душа похожа на изумруд во лбу у какого-нибудь идола?

— Никогда об этом не задумывался.

— Мне кажется, что непохожа, — сказала она. — Я тебе расскажу о самом лучшем и о самом худшем, что случилось со мной под воздействием наркотиков. Самым лучшим было одно время принимать дозу прямо в квартире и рассматривать обои. Там на обоях были такие маленькие круглые точки, и они превращались для меня в снег. Я сидела в гостиной и смотрела на метель на стенах по часу, а иногда и больше. И вот как-то раз через некоторое время я увидела маленькую девочку, которая с трудом шла по сугробам. На голове у нее был повязан платок — из какого-то очень грубого материала, вроде мешковины, и она придерживала его рукой, вот так. — Она поднесла руку к подбородку. — Подумала, что она, наверное, идет домой, и вдруг, откуда ни возьмись, передо мной возникает целая улица, вся заваленная снегом. И вот она прошла по улице, а потом свернула на дорожку и вошла в дом. Вот это было лучше всего — сидеть в квартире и смотреть стеновидение. Правда, Джефф называл это мозговидением, но это в конце концов не так уж важно.

— Джефф — это тот парень, с которым ты жила?

— Да. А хуже всего мне было как-то раз, когда я решила прочистить вантузом кухонную раковину. Не

знаю, чего это вдруг на меня нашло. Часто, когда улетаешь, тебе приходят в голову разные странные мысли — впрочем, тогда они кажутся тебе совершенно естественными. У меня возникло такое чувство, что я просто *обязана* прочистить раковину. И тогда я взяла вантуз и стала ее чистить. И все это *дерьмо* полезло обратно из стока. Я до сих пор не знаю, что из этой дряни было настоящим, а что просто привиделось мне. Кофейная гуща. Драный кусок рубашки. Огромные комья застывшего жира. Красная жила, похожая на кровь. А потом рука. Рука какого-то парня.

— Что?

— Рука, говорю. Я крикнула Джеффу, что кто-то запихнул к нам в сток трубу. Но он, оказывается, куда-то ушел, и я была в квартире одна. Я поднатужилась и вытащила руку по локоть. Рука лежала в раковине, вся испачканная кофейной гущей, но предплечье-то уходило вниз, в канализацию! Я на минутку пошла в гостиную проверить, не вернулся ли Джефф, а когда я пришла обратно на кухню, руки уже не было. Это меня немного встревожило. Иногда рука снится мне во сне по ночам.

— Безумие какое-то, — сказал он, сбавляя скорость. Они проезжали мост, на котором велись реконструкционные работы, и движение было ограничено.

— От галлюциногенов действительно делаешься безумным, — сказала она. — Иногда это бывает забавно. В большинстве случаев — нет. Так или иначе, мы здорово на это подсели. Видел когда-нибудь в книжке изображение атома: ну, там, всякие нейтроны, протоны, а вокруг электроны носятся?

— Да.

— Ну так вот, наша квартира стала чем-то вроде атомного ядра, а приходившие и уходившие люди — это как электроны. Люди приходят и уходят, движутся туда и сюда, и все они абсолютно отделены друг от друга, как в «Манхэттенской пересадке».

— Не читал.

— Обязательно прочти. Джефф всегда говорил, что у Дос-Пассоса явно крыша съехала. Странная книга. Ну вот, как бы то ни было, часто бывало так, что вечером мы садились перед телевизором, выключали звук и врубали магнитофон — сидим, вконец одурманенные, а кто-то в это время трахается в спальне, причем мы даже толком не знаем, что это за люди. Понимаешь, что я имею в виду?

Вспомнив о вечеринках, на которых он надирался так, что шатался по комнатам, ошарашенный, словно Алиса в Стране Чудес, он ответил, что понимает.

— Так вот, как-то по телеку показывали программу Боба Хоупа. Все уселись и смотрели — укуренные в задницу. Смеялись, как сумасшедшие, над всеми этими старыми хрычами, над излюбленными словечками и добродушными шуточками всех этих дорвавшихся до власти ублюдков из Вашингтона. Просто так и сидели у телека, совсем как папочки и мамочки дома, и я тогда подумала: хорошо, теперь ясно, для чего мы прошли через Вьетнам — чтобы Боб Хоуп ликвидировал разрыв между поколениями. Вопрос только в дозе, и ты становишься таким же, как твои родители.

— Но ты была слишком чистой для такой жизни.

— Чистой? Нет, не в этом дело. Но мне пришло в голову, что последние лет пятнадцать нашей истории — это что-то вроде такой огромной игры в монополию. Фрэнсиса Гари Пауэrsa сбивают на его У-2. Пропускаешь один ход. Негров разгоняют водометами в Сельме. Отправляйся прямиком в тюрьму. Расстрел участников демонстрации в Миссисипи. Марши, митинги, Лестер Мэддокс со своим топором. Кеннеди получает пулю в Далласе, Вьетнам, снова марши и демонстрации, студенческие забастовки, борьба за равные права для женщин — и все ради чего? Ради того, чтобы обкуренная компания сидела в тесной квартирке вокруг ящика и смотрела на Боба Хоупа? Да идите вы все в задницу! Короче, я решила уйти.

— А как же Джефф?

Она пожала плечами. — Он получает стипендию. У него все в порядке, учится он неплохо. Говорит, что к следующему лету обязательно станет знаменитым, но мне что-то пока не очень в это верится. — На лице ее появилось странное разочарованное выражение, которое, возможно, на языке ее внутреннего мира означало проявление терпеливой снисходительности.

— Тебе не хватает его?

— Каждую ночь.

— Почему же ты едешь в Лас-Вегас? У тебя там есть кто-нибудь из знакомых?

— Нет.

— Странная цель путешествия для идеалистки.

— Стало быть, ты считаешь меня идеалисткой? — Она рассмеялась и закурила сигарету. — Может быть. Только я не думаю, что идеал нуждается в каких-то особых декорациях. Я просто хочу посмотреть этот город. Он настолько отличается от всей страны, что просто обязан быть хорошим. Но я не собираюсь играть в рулетку. Хочу найти работу.

— А потом что?

Она выдохнула сигаретный дым и пожала плечами. Они проехали мимо щита с надписью:

ЛЭНДИ 5 МИЛЬ

— Попытаюсь собраться с мыслями, — сказала она. — Долгое время не буду употреблять наркотики. Брошу курить. — Она сделала жест рукой, и сигарета описала в воздухе дымный круг, словно намекая на то, что это не так-то просто. — Я хочу перестать врать самой себе, будто моя жизнь еще не началась. Она началась. И на двадцать процентов уже закончилась. Сметану я уже съела.

— Смотри, вот выезд на автостраду.

Он остановился на обочине.

— А ты что будешь делать?

— Посмотрю, как будет развиваться ситуация, — осторожно ответил он. — Хочу пока сохранить себе возможность выбора.

— Честно говоря, не такое уж у тебя критическое положение, — сказала она. — Надеюсь, ты на меня не обиделся?

— Нет. Ровсе нет.

— Вот. Возьми вот это. Она протянула ему небольшой пакетик из фольги.

Он взял пакетик и внимательно посмотрел на него. Лучи яркого утреннего солнца отразились в фольге и на мгновение ослепили его. — Что это такое?

— Это синтетический мескалин. Сильнейший и чистейший галлюциноген во всем мире. — Она заколебалась. — Не знаю, может быть, тебе лучше спустить его в туалет, как только вернешься домой. После него тебе может стать еще хуже, чем сейчас. Но может и помочь. Я слышала, что некоторым помогало.

— А видела?

Она горько улыбнулась. — Нет.

— У меня есть к тебе одна просьба. Скажи, ты обещаешь мне ее исполнить?

— Если смогу.

— Позвони мне на Рождество.

— Зачем?

— Понимаешь, ты — как книга, которую я начал читать и не дочитал до конца. Хочется узнать, что будет дальше. Позвони за мой счет. Подожди, я напишу тебе свой номер. — Он полез за ручкой в карман.

— Нет, — сказала она.

— Нет? — переспросил он, посмотрев на нее удивленно и обиженно.

— Я могла бы узнать номер и по телефонному справочнику! Но, по-моему, не стоит этого делать.

— Почему?

— Не знаю. Ты мне нравишься, но у меня такое чувство, что что-то в тебе не так. Не знаю, как объяснить. Словно ты собираешься сделать что-то страшное.

— Ты думаешь, что у меня крыша поехала, — услышал он свой собственный голос. — Ну и катись в задницу.

Она решительно вылезла из машины. Он перегнулся через сиденье. — Оливия...

— Может быть, меня вовсе не так зовут.

— Может быть, и так. Пожалуйста, позвони.

— Будь поосторожнее с этим веществом, — сказала она, указывая на маленький блестящий сверток. — Ты тоже гуляешь в безвоздушном пространстве.

— До свидания. Будь поосторожнее.

— Поосторожнее, это как? — На лице ее снова появилась горькая улыбка. — До свидания, мистер Доуз. Спасибо. Вы очень хороший любовник. Надеюсь, вы не против, что я так говорю. Но это действительно так. До свидания.

Она захлопнула дверь, перешла шоссе №7 и встала у въезда на заставу. Он посмотрел, как она подняла большой палец навстречу двум проезжавшим мимо машинам. Ни одна из них не остановилась. Больше машин не было, и он развернулся, посигналив на прощанье. В зеркальце заднего обзора он увидел, как она помахала ему рукой.

Глупая дурочка, и чем у нее только башка забита? — подумал он, увеличивая скорость. Однако, когда он протянул руку, чтобы включить радио, пальцы его дрожали.

Он вернулся в город, выехал на автостраду и проехал по ней двести миль со скоростью семьдесят миль в час. Раз он чуть не выбросил блестящий пакетик из окна. Спустя некоторое время он чуть не принял весь порошок разом. В конце концов он просто убрал его в карман пальто.

Когда он, наконец, оказался дома, он почувствовал себя полностью опустошенным, равнодушным ко всему на свете. За прошедший день работы над новым участком

784-й продвинулись вперед. Через пару недель будут сносить прачечную. Оттуда уже вывезли все тяжелое оборудование. Три дня назад ему сказал об этом по телефону Том Гренджер. Когда они будут разрушать здание он обязательно будет смотреть. Даже захватит с собой ленч в пакете, на случай если дело затянется.

Мэри пришло письмо от ее брата из Джексонвилла. Стало быть, он не знает о разрыве. Он отложил письмо в пачку скопившейся для Мэри почты, которую он все забывал переправить ей.

Он поставил готовый обед в духовку и подумал, не приготовить ли себе стаканчик коктейля, но в конце концов решил отказаться от этой мысли. Он хотел как следует припомнить свой половой акт с девушкой, насладиться им еще раз, возродить в памяти все мельчайшие нюансы. А стоит ему выпить пару стаканов, и мысли эти примут неестественный, лихорадочный оттенок плохого порнографического фильма. Этого ему не хотелось.

Но все вышло не так, как он рассчитывал. Воспоминание не приходило. Он не мог вызвать в себе ощущение упругости ее груди и тайный вкус ее сосков. Он знал, что сам процесс полового акта был с ней куда приятнее, чем с Мэри. Нежные мускулы Оливии плотнее обхватывали его член, и он лишь один раз выскочил из ее вагины с легким хлопком, словно пробка из бутылки шампанского. Однако он не мог в точности восстановить ощущение наслаждения. Вместо этого ему захотелось заняться онанизмом. Это желание вызвало у него отвращение! Потом само это отвращение вызвало у него отвращение. В конце концов, не святая же она, — сказал он самому себе, усаживаясь за разогретый обед. Подумаешь, автостопщица какая-то. К тому же слаба на передок. В Лас-Вегас захотелось ей, ишь ты! В конце концов он обнаружил, что пытается смотреть на все происшедшее желтоватыми глазами Мальоре, и это открытие вызвало у него наибольшее отвращение.

Позже он все-таки напился, несмотря на все свои благие намерения, и около десяти часов вечера знакомое слезливое желание позвонить Мэри снова проснулось в нем. Вместо этого он начал онанировать перед экраном телевизора и кончил в тот самый момент, когда актер из рекламы неоспоримо доказал, что анацин является лучшим обезболивающим во всем мире.

8 декабря, 1973

В субботу он никуда не поехал. Вместо этого он долгое время бесцельно бродил по дому, откладывая то, что непременно надо было сделать. В конце концов он все-таки набрал номер родителей жены. И Лестер и Джин Каллоуэй скоро должны были разменять восьмой десяток. На его предыдущие звонки отвечала Джин (Чарли всегда называл ее «баба Джин»), и ее голос замерзал до состояния льда, когда она понимала, кто звонит. Для нее, а также, без сомнения, и для Лестера он был чем-то вроде животного, которое подцепило вирус бешенства и укусило их дочку. А теперь это животное непрерывно звонит им домой, к тому же абсолютно пьяное, и скулит в трубку, умоляя их дочку вернуться, чтобы иметь возможность снова ее укусить.

Но на этот раз к телефону подошла сама Мэри. Он почувствовал такое облегчение, что сумел собраться и начать разговор вполне связно.

— Это я, Мэри.

— Барт? Как ты поживаешь? — Невозможно было расшифровать интонацию ее голоса.

— Прекрасно.

— Как поживают запасы «Южного Утешения»? Пока еще не истощились?

— Я больше не пью, Мэри.

— Значит, ты одержал над собой победу? — Ему показалось, что голос ее звучал холодно и враждебно, и

он ощутил легкую панику, но не из-за ее отношения, а оттого, что он вовсе не был уверен в правильности своего предположения. Как мог человек, с которым он так долго прожил и которого, как ему казалось, она так хорошо знает, ускользнуть от него так стремительно и бесповоротно?

— Наверное, так оно и есть, — сказал он неуверенно.

— Насколько я понимаю, прачечную пришлось закрыть, — сказала она.

— Возможно, это только временно. — У него возникло странное ощущение, что он едет в лифте и ведет неуклюжий разговор с кем-то, кто считает его ужасно скучным собеседником.

— Судя по тому, что сказала мне жена Тома Грендже-ра, вовсе не временно. — Наконец-то в ее голосе послышались обвинительные нотки. Что ж, это уже лучше, чем ничего.

— Ну, у Тома-то не будет проблем с работой. Наши конкуренты гоняются за ним уже много лет. Ребята из прачечной «Брайт-Клин».

Ему показалось, что она вздохнула. — Барт, зачем ты позвонил?

— Мне кажется, нам необходимо встретиться, — сказал он осторожно. — Встретиться и все обговорить.

— Ты имеешь в виду развод? — Она произнесла эту фразу достаточно спокойным тоном, но ему показалось, что на этот раз в ее голосе послышалась паника.

— Ты этого хочешь?

— Я не знаю, чего я хочу. — Ее спокойствие дало трещину, и теперь ее голос звучал сердито и испуганно. — Я думала, что у нас все прекрасно. Я была счастлива и думала, что ты тоже счастлив. А потом все это рухнуло, как картонный домик. За один день.

— Ты думала, что у нас все прекрасно, — повторил он. Неожиданно он почувствовал к ней острую ненависть. — Если ты действительно так думала, то и глупая же у тебя башка. Неужели ты решила, что я бросил работу

просто так, в качестве розыгрыша, словно старшеклас-
ник, который швыряет петарды в женский туалет?

— Тогда в чем же дело, Барт? Что с тобой случилось?
Объясни?

Гнев его стремительно растаял, словно гнилой жел-
ватый сугроб, и под ним обнаружились слезы. Он попы-
тался подавить их чувствуя себя преданным. В трезвом
виде этого не должно было случиться. Когда ты трезв,
так твою мать, ты должен держать себя в руках. Ты
только посмотри на себя: готов вывернуть свою душу
наизнанку и рычать, уткнувшись ей в колени словно
мальчишка, упавший со скейта и содравший себе колен-
ку. Но он не мог объяснить ей, что с ним произошло,
потому что сам этого точно не знал, а плакать неизвестно
о чем — это уж слишком похоже на обитателя сумасшед-
шего дома.

— Не могу, — ответил он наконец.

— Чарли?

— Если даже отчасти ты и права, то как ты могла не
замечать всего остального?

— Мне тоже не хватает его, Барт. Я тоскую по нему.
Каждый день.

И вновь в нем поднялась волна негодования. *Странно
же ты выражала свою тоску!*

— Бесполезно это обсуждать, — сказал он после пау-
зы. Слезы текли по его щекам, но он старался, чтобы
голос его звучал ровно. *Ну что ж, джентльмены, похо-
же, мы справились со своей задачей,* — подумал он и чуть
было не хихикнул. — Во всяком случае, не по телефону.
Я позвонил, чтобы пригласить тебя на ленч в понедель-
ник. В «Хэнди-Энди». Ну как?

— Хорошо. Когда?

— Не имеет значения. Я могу отпроситься с работы. —
Шутка упала на пол и скромно скончалась.

— В час, — предложила она.

— Хорошо. Я займу нам столик.

— Закажи по телефону. Не приходи туда в одиннад-
цать, чтобы надраться к моему приходу.

— Не буду, — сказал он смиренно, зная, что, скорее всего, так и сделает.

Наступила долгая пауза. Казалось, им больше нечего друг другу сказать. Почти теряясь в шуме помех, прозрачные голоса едва слышно обсуждали что-то на параллельной линии. А потом она сказала нечто такое, что полностью застало его врасплох.

— Барт, тебе совершенно необходимо записаться на прием к психиатру.

— Что?

— Записаться на прием к психиатру. Я знаю, что это звучит диковато, и мои слова тебя шокируют, но я хочу, чтобы ты знал: что бы мы ни решили, я никогда не соглашусь вернуться и жить с тобой, если ты меня не слушаешь.

— До свидания, Мэри, — проговорил он медленно. — Увидимся в понедельник.

— Барт, ты нуждаешься в помощи, которую может оказать тебе только врач. Я тебе помочь не могу.

Стараясь уколоть ее побольнее — в той степени, насколько это возможно, когда людей разделяют две мили слепого телефонного провода, — он сказал:

— Я и раньше это знал. До свидания, Мэри.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа, и поймал себя на чувстве радости. Гейм, сет и матч — Бартон Джордж Доуз. Он швырнул через всю комнату пластмассовый кувшин для молока и поймал себя на чувстве радости, что не швырнул что-нибудь бьющееся. Тогда он открыл шкаф над кухонной раковиной, вынул оттуда пару подвернувшихся под руку стаканов и с силой швырнул их на пол. Они разлетелись на мелкие осколки.

Ты ведешь себя, как грудной ребенок! Хуже грудного ребенка! — закричал он на самого себя. — *Почему бы тебе не задержать дыхание и не дышать, пока не посинеешь, имел я тебя в рот и в оба глаза, гребаный карась?*

Чтобы заглушить этот голос, он сжал правую руку в кулак и изо всех сил ударил по стене. Руку пронзила

острая боль, и он застонал. Сжимая правую руку в левой, он стоял посреди кухни и дрожал. Через некоторое время он сумел овладеть собой, взял совок и щетку и подмел осколки, борясь с охватившим его страхом, унынием и чувством опустошенности.

9 декабря, 1973

Он выехал на автостраду, проехал сто пятьдесят миль, а потом вернулся обратно. Отъехать от города дальше он не решился. Это было первое воскресенье без бензина: все заправочные станции на автостраде были закрыты. А идти пешком у него нет никакого желания. Именно так говняные подсадные утки вроде тебя и садятся в калошу, понятно, Джорджи?

Фред? Это в самом деле ты? Чем я обязан такой чести, Фредди?

Иди в задницу, дружок.

По дороге домой он услышал по радио объявление службы коммунальных услуг:

Итак, вы сильно обеспокоены энергетическим кризисом и связанным с ним дефицитом бензина. Вы не хотите, чтобы вас и вашу семью этот дефицит застал врасплох. И вот вы отправляетесь на ближайшую бензозаправочную станцию с дюжиной пятигаллоновых канистр. Но если вы и в самом деле беспокоитесь за вашу семью, вам лучше остановиться и вернуться домой. Хранение бензина опасно. К тому же, оно незаконно, но забудем об этом на время. Подумайте лучше вот о чем: когда пары бензина смешиваются с воздухом, они становятся взрывоопасными. Один галлон бензина обладает такой же взрывной силой, как и двенадцать динамитных шашек. Подумайте об этом, прежде чем заполнить свои канистры. А потом

подумайте о своей семье. Видите — мы хотим, чтобы вы жили долго.

Он выключил радио, снизил скорость до пятидесяти и перестроился в правый ряд. — Двенадцать динамитных шашек, — произнес он. — Вот это да.

Если бы он посмотрел на себя в зеркальце заднего обзора, он увидел бы, что на губах у него появилась блуждающая ухмылка.

10 декабря, 1973

Он вошел в «Хэнди-Энди» в половину двенадцатого, и метрдотель провел его к столику рядом со стилизованными крыльями летучей мыши, за которыми открывался вход в соседний зал. Столик был не самый лучший, но, так как наступало время ленча, свободных мест в ресторане почти не было. Ресторан «Хэнди-Энди» специализировался на стейках, отбивных, а также на блюде под названием эндибургер, которое представляло собой рулет с кунжутными семенами и начинкой из салата, проткнутый зубочисткой, чтобы не дать этому экстравагантному сооружению рассыпаться. Как и все большие городские рестораны, куда часто заходили обедать более или менее важные чиновники и служащие, «Хэнди-Энди» имел свою иерархическую систему допусков. Еще два месяца назад он с полным правом мог прийти сюда в полдень и выбрать себе столик. Пожалуй, еще месяца три он сможет пользоваться этой привилегией. Для него система подобных привилегий всегда была одной из маленьких загадок нашей жизни, наподобие случаев, описанных в книгах Чарльза Форта, или инстинкта, который год за годом заставлял ласточек возвращаться в Капистрано.

Усаживаясь за столик, он быстро огляделся вокруг, опасаясь увидеть Винни Мэйсона, Стива Орднера или еще кого-нибудь из знакомых, но ни одного знакомого лица не попало ему на глаза. Слева от него молодой человек

пытался убедить девушку, что они вполне могут себе позволить провести три дня в Солнечной Долине в этом феврале. Остальные разговоры посетителей тонули в мягком, успокаивающем гуле.

— Хотите что-нибудь выпить, сэр? — спросил у него стремительно возникший официант.

— Виски со льдом, пожалуйста.

— Одну минуточку.

С первым стаканом он продержался до двенадцати, к половине первого было выпито еще два, а потом, из чистого упрямства он заказал двойную порцию. Допивая последние капли, он увидел, как Мэри вошла в зал и остановилась на пороге, отыскивая его глазами. Несколько человек внимательно посмотрели в ее сторону, и он подумал:

Мэри, ты должна сказать мне спасибо. Ты снова стала красивой.

Потом он поднял руку и помахал ей.

Она помахала ему в ответ и двинулась к его столику. На ней было шерстяное платье по колено с мягким узором в серых тонах. Волосы ее были стянуты лентой на затылке и спадали вниз густым хвостом до лопаток — он не мог припомнить, чтобы она хоть раз носила такую прическу (может быть, именно по этой причине она и выбрала ее для этой встречи). Это делало ее моложе, и виноватой вспышкой перед ним возникло видение Оливии, распростертой под ним на кровати, которую они так часто делили вместе с Мэри.

— Привет, Барт, — сказала она.

— Привет. Ты выглядишь чертовски здорово.

— Спасибо.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Нет... я бы съела один эндибургер. Ты давно уже здесь сидишь?

— Нет, не очень.

Время ленча подходило к концу, и волна посетителей схлынула. Официант немедленно подскочил к их столику. — Хотите сделать заказ, сэр?

— Да. Два эндибургера. Молоко для дамы. Еще одну двойную порцию для меня. — Он мельком посмотрел на Мэри, но ее лицо было абсолютно бесстрастным. Это был плохой признак. Если бы она сказала что-нибудь, он бы отменил свой двойной виски. Оставалось надеется, что ему не потребуется в ближайшем будущем в туалет, потому что он был не вполне уверен, что сохранит твердость походки. Великолепную сплетню принесет она старичкам домой, если он оступится. *Отнеси меня обратно в старую добрую Вирджиниюууу!* Он чуть не рассмеялся.

— Что ж, ты не пьян, но ты на правильном пути, — сказала она и, развернув салфетку, положила ее на колени.

— Неплохо звучит, — сказал он. — Скажи, ты репетировала дома?

— Барт, давай не будем ссориться.

— Ладно, — согласился он.

Она принялась вертеть в руках стакан для воды, он тербил салфетку.

— Ну? — сказала она наконец.

— Что ну?

— Ты ведь, наверное, не просто так мне позвонил? Вот, мы встретились, ты подогрел себя виски, так давай, выкладывай, что ты хотел мне сказать.

— Твоя простуда совсем прошла, — сказал он не к месту, продолжая тербить салфетку. Он не мог сказать ей о том, что вертелось у него в голове: о том как она изменилась, о том какой неожиданно утонченной и опасной предстала она перед ним, словно забежавшая в ресторан шикарная секретарша, которая съедает свой ленч на час позже и согласится на исходящее от мужчины предложение выпить, только если на нем четырехсотдолларовый костюм. А уж цену костюма она мгновенно определит, едва лишь взглянув на покррой.

— Что мы будем делать, Барт?

— Я схожу к психиатру, если ты настаиваешь, — сказал он, понижая голос.

- Когда?
- Скоро.
- Если захочешь, ты мог бы пойти на прием даже сегодня, ты еще успеешь.
- Я не знаю ни одного психиатра.
- Есть же справочники.
- Не лучший способ найти человека, которому доверяешь свои мозги.
- Ты сердишься на меня?
- Видишь ли, я не работаю. А платить пятьдесят долларов в час за врача — не слишком ли это много для безработного парня?
- А про меня ты забыл? — резко спросила она. — Как ты думаешь, на что я живу? На деньги своих родителей. А они, между прочим, давно на пенсии, да будет тебе известно.
- Мне прекрасно известно, что у твоего папаши достаточно акций «СОИ» и «Бичкрафта», чтобы вы втроем без забот могли встретить третье тысячелетие.
- Барт, все это не так. — Голос ее звучал удивленно и обиженно.
- Как же, не так! Не надо мне вешать лапшу на уши! Кто прошлой зимой ездил на Ямайку, а? А в позапрошлом году они были на Майами, а еще за год до этого — на Гонолулу и, подумать только, в Фонтенбло! И не говори мне, пожалуйста, что на все это хватит пенсии отставного инженера. Так что не надо мне рассказывать про своих бедненьких родителей, Мэри!
- Прекрати, Барт, прошу тебя.
- Я уж не говорю о кадиллаке «Гран де Вилль» и микроавтобусе «Бонневилль». Неплохо, совсем неплохо. Скажи мне, на чем именно они ездят в службу социального обеспечения за талонами на бесплатные обеды?
- *Прекрати!* — зашипела она на него, и губы ее слегка оттянулись назад, обнажив белые, ровные зубки, а пальцы вцепились в край стола.
- Извини, — пробормотал он.
- Ленч несут.

После того как официант поставил перед ними блюда с эндибургерами и жареной французской картошкой и маленькие тарелочки с горошком и зеленым луком и бесшумно удалился, в накаленной атмосфере их общения повеяло некоторой прохладой. Некоторое время они ели, не разговаривая друг с другом, в основном сосредоточившись на том, чтобы не вымазать подбородок и не капнуть соус на колени. Интересно, — подумал он, — сколько же семей эндибургер спас от развода? Благодаря всего лишь одному провиденциальному качеству: когда ешь его, приходится заткнуться.

Она положила на тарелку недоеденный эндибургер, вытерла рот салфеткой и сказала:

— Они остались такими же вкусными, как и раньше. Скажи мне, Барт, у тебя есть какие-нибудь разумные мысли по поводу того, что нам делать?

— Разумеется, есть, — уязвленно сказал он. Правда, он не знал, в чем они заключаются. Вот если бы он принял еще один двойной, то, может быть, мыслей бы и прибавилось.

— Ты хочешь развестись?

— Нет, — ответил он. Ну вот, появляются первые позитивные соображения.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась?

— А ты сама хочешь?

— Я не знаю, — сказала она. — Видишь ли, Барт, я должна сказать тебе одну вещь. Впервые за двадцать лет своей жизни меня охватило беспокойство за себя. Мне стало за себя страшно. — Она взяла с тарелки эндибургер и начала было подносить его ко рту, но на полдороге остановилась. — А ты знаешь, что я чуть было не отказала тебе? Тебе это хоть раз приходило в голову?

Похоже, появившееся у него на лице выражение удивления удовлетворило ее.

— Не думаю, не думаю. Для этого у тебя недостаточно проницательности. Разумеется, я была беременна, и поэтому хотела выйти за тебя замуж. Но что-то во мне противилось этому. Что-то нашептывало мне, что это

будет самая большая ошибка в моей жизни. Так я и жарилась на медленном огне в течение трех дней. Каждый раз, когда я просыпалась, меня рвало, и я ненавидела тебя за это. Самые разные мысли лезли мне в голову. Сбежать. Сделать аборт. Родить ребенка и отказаться от него. Родить ребенка и самой его вырастить. Но в конце концов я решила поступить благоразумно. Благоразумно. — Она рассмеялась. — И потеряла ребенка.

— Да, потеряла, — пробормотал он, надеясь, что разговор свернет на другую тему. Уж слишком гнусные ощущения он испытывал — словно случайно на улице наступил на чью-то блевотину.

— Но я была счастлива с тобой, Барт.

— Вот как? — спросил он машинально. Он ощутил в себе желание убраться отсюда как можно скорее. Этот разговор не приносил никакой пользы. Ему, по крайней мере.

— Да. Но с женщиной в браке происходит что-то такое, что с мужчиной не случается. Помнишь то время, когда ты был ребенком? Ты ведь никогда не беспокоился о своих родителях. Ты просто знал, что они всегда окажутся рядом, и они действительно были рядом. А вместе с ними и еда, и тепло, и одежда.

— Да, наверное.

— И вот я забеременела, по глупости. И на три дня передо мной открылся дивный новый мир. — Она подавалась вперед, взгляд ее был нервным и возбужденным, и он осознал с растущим удивлением, что весь этот монолог был для нее *важным*, что для нее это не просто болтовня с ее бездетными подругами, или обсуждение вопроса о том, какую пару слаксов ей лучше купить в Бенбери, или догадки по поводу того, с кем именно из знаменитостей Мерв Гриффин будет болтать в половину пятого. Это было для нее *важно*. Так неужели же она прошла через двадцать лет семейной жизни с таким скудным багажом? Подумать только, одна важная мысль, всего одна! Господи, за двадцать-то лет! Он неожиданно почувствовал боль в животе. Воспоминание о том, как она подбирала бутыл-

ку у обочины и победно размахивала ей над головой, нравилось ему куда больше.

— Я считала себя независимой личностью, — продолжала она. — Независимой личностью, которая ни в чем не должна никому давать отчет и никому не должна подчиняться. И чтобы вокруг меня не было никого, кто пытался бы меня изменить, потому что я-то *знала*, что меня можно изменить. Я была слишком податливой — это всегда было моей главной слабостью. Но у меня не было ни одного человека, на которого я могла бы опереться, когда я была больна, испугана или сломлена. И вот я решила поступить благоразумно. Как поступили в свое время моя мать и мать моей матери. Как поступали мои подруги. Я уже устала быть невестой на выданье и заманивать женихов. И вот я сказала да, что ты, собственно говоря, и ожидал, и все пошло своим чередом. Беспокоиться было не о чем, и когда сначала у меня родился мертвый ребенок, а потом умер Чарли, то рядом со мной оставался ты. А ты всегда ко мне очень хорошо относился. Я прекрасно понимаю это и очень это ценю. Но я жила в клетке, в закрытой на замок душной клетке. Я разучилась думать. Я думала, что я думаю, но это было неправдой. А теперь мне больно думать. Очень больно. — Она устремила на него исполненный негодования взгляд. С минуту они молчали, и негодование в ее глазах погасло. — Так что я прошу тебя, Барт, чтобы ты думал за меня. Что мы будем делать?

— Я собираюсь найти работу, — солгал он,

— Работу.

— И сходить на прием к психиатру, Мэри, послушай меня, все будет хорошо, все опять наладится. Я просто немного сбился спанталыку, но пройдет немного времени, и я возьму себя в руки. Я...

— Ты хочешь, чтобы я вернулась домой?

— Конечно, через парочку недель. А пока мне просто надо немного собраться с мыслями и...

— Домой? Да о чем это я говорю? Они же скоро его снесут! О чем я говорю? Какой дом? Никакого дома у нас

нет! — Она застонала. — О, Господи! Какой кошмар! Зачем ты меня втянул в этот кошмар!

Он не мог выносить ее такой. Она была совсем не похожа на прежнюю Мэри. Надо было что-то сказать, как-то успокоить ее. — Может быть, они еще и не сделают этого, — сказал он подаваясь вперед и беря ее за руку. — Может быть, они не снесут наш дом, Мэри. Может быть, они еще передумают, если я пойду и поговорю с ними, объясню им ситуацию, и тогда они...

— Барт, — прошептала она. Взгляд ее был исполнен самого неподдельного ужаса. Она осторожно высвободила руку из-под его ладони.

— Что... — Он неуверенно запнулся. Интересно, что же это он такое сказал? Что он мог сказать такого ужасного? Почему она так на него смотрит?

— Ты прекрасно *знаешь*, что они собираются снести наш дом. Ты знал это уже давно. А мы сидим здесь и никак не можем сдвинуться с места...

— Нет-нет, ты не права, — перебил он. — Не права. Действительно не права. Мы... Мы... Просто мы... — Действительно, что они тут делают? О чем разговаривают? Он почувствовал себя каким-то нереальным.

— Барт, мне пора идти.

— Я найду себе работу...

— Мы с тобой еще поговорим. — Она торопливо встала из-за стола, задев его бедром, и посуда слегка зазвенела.

— Психиатр, Мэри. Я обещаю тебе, что обязательно схожу к психиатру.

— Мама просила меня зайти в магазин, поэтому мне уже пора...

— *Тогда катись к чертовой матери!* — заорал он, и множество взглядов устремилось на него. — Убирайся отсюда, сучка! Ты сожрала лучшую часть моей жизни, а что я получил взамен? Дом, который собираются снести? Прочь с глаз моих, мерзавка!

Она спаслась бегством. На несколько мгновений, показавшихся ему целой вечностью, в ресторане воцарилось

гробовое молчание. Потом тихий ропот голосов снова заполнил зал. Его трясло. Он посмотрел на свой недоеденный, подплывающий соусом эндибургер и испугался, что его сейчас вырвет. Поборов рвоту, он расплатился по счету и, не глядя по сторонам, вышел на улицу.

12 декабря, 1973

Предыдущим вечером он составил список лиц, которых необходимо поздравить с Рождеством (делал он это в абсолютно пьяном виде), а теперь он расхаживал по торговому району покупая подарки для укороченной версии. Полная версия была ошеломляющей — более ста двадцати имен, включая всех родственников его и Мэри, близких и самых дальних, огромное количество друзей и знакомых, а в самом низу списка — Боже, храни королеву! — Стив Орднер, его жена и их — раздери мою мошонку! — *служанка*.

Большинство имен из списка он вычеркнул, озадаченно посмеиваясь над некоторыми из них, а теперь он прогуливался вдоль рождественских витрин, заполненных самыми разными подарками, которые полагалось дарить в честь того давнишнего голландского вора, который имел обыкновение залезать к людям в дома через дымоходы и красть у них все подряд. Одной рукой он поглаживал в кармане пятисотдолларовую пачку десятидолларовых банкнотов.

Он жил на деньги, полученные после обналичивания страховки, и первая тысяча долларов уже растаяла с удивительной скоростью. По его оценкам, если он будет продолжать тратить деньги в том же темпе, он разорится к середине марта, а может быть, и раньше. Но это его нисколько не беспокоило. Мысль о том, где он будет находиться и что с ним будет происходить в середине

марта, обладала для него такой же абстрактной непредставимостью, как дифференциальное исчисление.

Он зашел в ювелирный магазин и купил для Мэри брошку в виде совы из кованого серебра. Вместо глаз у совы были вставлены два холодно сверкавших бриллиантика. Брошка стоила сто пятьдесят долларов, не считая налогов. Продащица источала патоку из каждой поры своей кожи. Она выразила свою абсолютную уверенность в том, что его жена будет просто в восторге. Он улыбнулся. А как насчет посещения доктора Психо, Фредди? Что ты на это скажешь?

Фредди хранил молчание.

Он зашел в большой универсальный магазин и поднялся на эскалаторе на второй этаж — туда, где находился отдел игрушек. В отделе игрушек царила огромная действующая модель железной дороги — зеленые пластмассовые холмы с черными провалами туннелей, пластмассовые вокзалы, мосты, железнодорожные развязки и паровоз фирмы «Лионел», который суетливо бегал по рельсам, пуская из трубы клубы искусственного дыма и таща за собой длинный ряд товарных вагонов — «Бизнд-Оу», «Су Лайн», «Грейт Нотерн», «Грейт Уэстерн», «Уорнер Бразерс» (а эти-то откуда здесь взялись?), «Даймонд Интернешнл», «Саутерн Пацифик»¹. Мальчишки и их отцы стояли вокруг железной дороги, окруженной деревянным заборчиком, и он ощутил теплую волну симпатии к ним, в которой не было ни капли зависти. Он почувствовал, что может подойти к ним и рассказать им о том, как он их всех любит, как он благодарен им и как он рад, что наступает Рождество. А еще он скажет им, что они должны быть очень-очень осторожными.

Он прошел в отдел кукол и выбрал по штуке для каждой из своих племянниц. «Катю-болтушку» для Тины, «Мэйзи-циркачку» для Синди и Барби для Сильвии,

¹ Кинг перечисляет названия железнодорожных компаний. «Уорнер Бразерс» — голливудская киностудия-гигант — *прим перев.*

которой уже исполнилось одиннадцать. В следующем отделе он купил солдатика для Билла и после некоторых размышлений шахматный набор для Энди. Энди было двенадцать, и он служил предметом некоторого беспокойства для всей семьи. Старуха Би из Балтимора поведала Мэри, что постоянно находит пятна у него на простынях. Неужели это возможно? Так рано? Мэри сказала Би, что современные дети развиваются не по годам рано. Би ответила, что это, наверное, из-за молока, которое они пьют, и витаминов. Ей очень хотелось бы, чтобы Энди больше играл в футбол. Или ездил бы в летний лагерь. Или занимался бы верховой ездой. Короче, пусть ведет себя поактивнее, и это прекратится.

Ничего, Энди, где наша не пропадала, — подумал он, пихая шахматы под мышку. — Сиди себе спокойно дома, разучивай гамбиты и дрочи себе тихонько под столом, если, конечно, хочется.

В проходе стоял огромный трон Санта-Клауса. Трон был пуст, а перед ним на подставке стояла табличка с надписью. Надпись гласила:

САНТА-КЛАУС ОБЕДАЕТ
В ЗНАМЕНИТОМ КАФЕ
«МИД-ТАУН ГРИЛЛ»

А вы не хотите к нему присоединиться?

Молодой человек в джинсовом костюме стоял и смотрел на трон. В руках у него было множество свертков с подарками. Когда человек обернулся, он увидел, что это Винни Мэйсон.

— Винни! — воскликнул он.

Винни улыбнулся и слегка покраснел, словно его застали за каким-то не вполне пристойным занятием. — Привет, Барт, — сказал он и подошел поближе. О процедуре рукопожатия беспокоиться не приходилось — у обоих руки были заняты свертками.

— Покупаешь рождественские подарки? — спросил он у Винни.

— Да. — Винни смущенно хихикнул. — В субботу я приводил сюда Шэрон и Бобби — Бобби это моя дочь, Роберта, ей сейчас три — походить, посмотреть. А еще мы хотели сфотографировать ее с Санта-Клаусом. Знаешь, у них здесь по субботам работает фотограф — и недорого берет, всего доллар. Но Бобби ни за что не захотела сниматься. Все глаза себе выплакала. Шэрон даже немного расстроилась.

— Ну в конце концов для нее это пока просто странный мужчина с бородой. Малыши иногда пугаются. Может быть, на следующий год она сама к нему побежит.

— Может быть. — Винни коротко улыбнулся.

Он улыбнулся ему в ответ, думая о том, насколько же проще стало ему разговаривать с Винни. Ему захотелось сказать Винни, чтобы он не слишком-то его ненавидел, что ему ужасно жаль, если он как-то подвел Винни, испортил ему карьеру и все такое. — Скажи, Винни, чем ты сейчас занимаешься?

Винни просиял. — Ты даже не согласишься, настолько это здорово. Я работаю менеджером кинотеатра. А к следующему лету у меня в подчинении будут еще три.

— «Медиа Ассошиейтс»? — Это была одна из компаний, входивших в состав корпорации.

— Точно. Мы являемся составной частью прокатной сети «Синемейт». Они присылают нам фильмы. Самые интересные, самые кассовые. Кинотеатр «Вестфолл» у меня в руках. До последней уборщицы.

— Большие перспективы, разумеется?

— Да, следующим летом под мое начало перейдут «Кинотеатр-I» и «Кинотеатр-II». А потом еще и драйв-ин в Биконе — он тоже отойдет мне.

Он заколебался. — Винни, может быть, я сую нос не в свое дело, но если так — скажи мне об этом и я замолчу. Но если ребята из «Синемейта» сами отбирают и присылают все фильмы, то чем же ты тогда занимаешься?

— Ну, во-первых, конечно, слежу за выручкой. Потом заказываю товары для буфета. Можешь себе представить, что одна стойка с конфетами, если знать, куда ее поста-

вить, может окупить стоимость проката фильмокопии? Ну, потом, конечно, контролирую текущий ремонт и эксплуатационные расходы. Кроме того... — Он словно вырос на пару дюймов. — ...нанимаю людей на работу и увольняю их. Так что, сам видишь, дел по горло. Шэрон нравится моя новая работа, потому что она заядлая киноманка. Она просто с ума сходит по Полу Ньюмену и Клинту Иствуду. Мне тоже нравится новое место. Раньше я получал девять тысяч в год, а сейчас — одиннадцать тысяч пятьсот. По-моему, есть разница.

Он окинул Винни скучающим взглядом, раздумывая, стоит ли тратить на него слова. Вот, стало быть, какова оказалась награда Орднера. Умная собачка, хорошая. На тебе вкусную косточку.

— Влезай из этого дерьма, Винни, — сказал он. — И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

— О чем ты, Барт? — На лбу у Винни появились морщинки искреннего непонимания.

— Скажи, Винни, ты знаешь, что обозначает слово «шестерка»?

— Конечно, это такая цифра...

— Нет, подожди, я тебя о другом спрашиваю.

— Боюсь, что я тебя не понимаю, Барт.

— Так вот, шестерка — это ты. Белый воротничок. Мальчик на побегушках. Талантливый подчиненный, гордость всей конторы. Принеси кофе, сбегай за сигаретами, отсоси член. Теперь понял, сынок?

— Что ты несешь, Барт. Я хочу сказать...

— А я хочу сказать, что Стив Орднер перекинулся парой слов по поводу твоего особого случая с другими членами совета директоров — по крайней мере, с теми, кто обладает влиянием. И он сказал им: послушайте, парни, нам надо решить, что делать с Винни Мэйсоном, тут деликатный такой случай. Он предупредил нас, что Барт Доуз лепит горбатого. Правда, у него не хватило силенок поднять такую тревогу, чтобы мы успели помешать этому говнюку послать под откос нашу прачечную, но мы все равно ему что-то должны. Конечно, мы не

можем доверить ему хоть сколько-нибудь ответственный пост... Кстати, ты знаешь, почему так, а, Винни?

Винни наградил его негодующим взглядом. — Я знаю, что я больше не обязан жрать твое дерьмо, Барт. Вот это я знаю твердо.

Он внимательно посмотрел на Винни. — Да пойми ты, я не обосрать тебя пытаюсь. То, что ты делаешь, для меня уже не имеет никакого значения. Но Господи ты Боже мой, Винни, ты же молодой парень. Я не хочу, чтобы ты подставлял свою задницу этому ублюдку. Работа, которую ты получил, сейчас тебе кажется лакомым куском, но пройдут годы, и она станет хуже горькой редьки. Самое ответственное решение, которое тебе предстоит принять за всю свою жизнь, — это куда поставить стойку с «Милки-Уэем». А уж Орднер проследит, чтоб так оно и было вовеки. Во всяком случае, пока ты будешь работать в этой корпорации.

Дух предрождественского веселья (если это, конечно, был он) покинул Винни окончательно и бесповоротно. Пальцы его впились в свертки, едва не прорывая праздничную оберточную бумагу, а глаза его потемнели от негодования. Готовый портрет молодого человека, который, весело посвистывая, выходит из дома, предвкушая вечернее многообещающее свидание, и обнаруживает, что кто-то проколол все четыре колеса у его новой спортивной машины. *Кроме того, он меня не слушает. Я могу перед ним хоть в пляс пуститься, он все равно не поверит ни одному моему слову.*

— Вышло так, что ты поступил благоразумно, ответственно, — продолжал он. — Уж не знаю, что люди сейчас обо мне говорят...

— Я тебе могу об этом сказать. Они говорят, что ты — сумасшедший, Барт, — произнес Винни тонким, враждебным голосом.

— Пусть говорят, что хотят. Речь сейчас не о том. Стало быть, ты поступил правильно. Но в то же время ты совершил ошибку. Ты проговорился и заложил своего непосредственного начальника. А людям, которые не

умеют держать язык за зубами, ответственных постов не поручают. Даже если они имели право проговориться, даже если они обязаны были сделать это, чтобы не пострадала корпорация. Эти парни на сороковом этаже, Винни, они как доктора. И им не нравятся люди, которые болтают лишнее, точно так же как докторам вряд ли понравится интерн, который будет трепать языком о докторе, запоровшем сложную операцию из-за того, что выпил слишком много коктейлей за ленчем.

— Непонятно, откуда у тебя такое желание отравить мне жизнь? — спросил Винни. — Я ведь больше на тебя не работаю, Барт. Отправляйся-ка ты травить своим ядом кого-нибудь другого.

Санта-Клаус с огромным мешком за спиной возвращался на свой трон. За ним вился хвост детей, словно разноцветный автомобильный выхлоп.

— Винни, Винни, не будь слепцом! Они просто подсластили тебе пилюлю. Конечно, в этот год ты заработаешь одиннадцать тысяч пятьсот, а на следующий, когда к тебе отойдут другие кинотеатры, может быть, они раскошелятся до четырнадцати тысяч. На этой цифре ты и застрянешь лет на двенадцать, до тех времен, когда даже вшивую банку кока-колы нельзя будет купить за тридцать центов. Сбегай принеси новое ковровое покрытие, сбегай принеси партию новых стульев для кинозала, сбегай принеси коробки с фильмом, которые по ошибке отправили в другой город. Неужели ты хочешь заниматься всем этим дерьмом, когда тебе стукнет сорок, а, Винни? И в будущем тебе уже не на что будет рассчитывать, кроме золотых часов на цепочке.

— По крайней мере, это лучше, чем твоя теперешняя жизнь. — Винни резко развернулся, чуть не налетев на Санта-Клауса, который пробормотал себе под нос что-то, подозрительно напоминающее: *Куда прешь, чудака гребаный?*

Он двинулся вслед за Винни. Что-то в застывшем выражении лица Винни подсказывало ему, что, несмотря на все защитные сооружения, ему все-таки удалось задеть

его. Господи ты Боже мой, — подумал он. — Ну ладно, пусть будет то, что будет.

— Оставь меня в покое, Барт. Проваливай.

— Выбирайся из этого дерьма, — повторил он. — Если ты промедлишь хотя бы до будущего лета, то может оказаться уже слишком поздно. Если энергетический кризис усилится, то найти работу станет так же трудно, как расстегнуть пояс девственности на девице из хорошей семьи. Винни, это может оказаться твоим последним шансом. Это...

Винни круто развернулся ему навстречу. — Барт, в последний раз прошу тебя по-хорошему.

— Ты спускаешь свое будущее в унитаз, Винни. Пойми, жизнь для этого слишком коротка. Что ты скажешь своей дочке, когда она...

Винни ударил его кулаком в глаз. Белая молния боли пронзила ему мозг, и он отшатнулся назад, взмахнув руками, чтобы обрести равновесие. Дети, сопровождавшие Санта-Клауса, бросились врассыпную. Все его покупки — куклы, солдатик, шахматы — полетели на пол. Он ударился о стойку с игрушечными телефонами и сшиб ее. Где-то заплакала маленькая девочка, словно раненое животное. *Не плачь, дорогая,* — подумал он. — *Это просто старый глупый дядя Джордж падает. В последние дни я часто падаю у себя дома.* В двух шагах кто-то разразился руганью — вполне возможно, это был старина Санта-Клаус — и стал звать на помощь дежурного полицейского. Потом он оказался на полу среди россыпи игрушечных телефонов со вставленными в них кассетами. Одна из трубок валялась у него прямо рядом с ухом, и записанный на пленку голос монотонно повторял: *Давай сходим в цирк. Давай сходим в цирк. Давай сходим в цирк. Давай сходим в цирк. Давай сходим в цирк. Давай сходим в цирк.*

17 декабря, 1973

Пронзительный звонок телефона вытащил его из неглубокого и тревожного послеполуденного сна. Ему снилось, что молодой ученый сделал открытие, что, лишь незначительно изменив атомную структуру арахисовых орешков, Америка получит возможность производить неограниченные количества бензина с высоким октановым числом. Казалось, что это открытие все ставит на свои места — и в личном, и в общественном плане, и общее настроение сна можно было описать как нарастающее ликование. Единственным зловещим компонентом был звонок телефона, который разрастался и разрастался, заполняя собой сон до тех пор, пока тот не лопнул, впуская внутрь тягостную действительность.

Он встал с дивана, подошел к телефону и неуверенными пальцами снял трубку. Глаз уже не болел, но, посмотрев в зеркало над телефонным столиком, он убедился, что синяк пока еще остается.

— Алло?

— Привет, Барт. Это Том.

— Привет, Том. Как ты?

— Нормально. Послушай, Барт. Я решил, что надо тебе об этом сказать. Они собираются сносить «Блу Риббон». Завтра.

Глаза его расширились. Последний сон слетел с него в один момент. — Завтра? Не может такого быть. Черт! Они... сейчас же уже почти Рождество!

— Именно поэтому.

— Но они же еще дотуда не добрались.

— Это последнее промышленное здание, оставшееся у них на пути. Они собираются сбрить его, прежде чем устраивать рождественские каникулы.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Они сегодня показывали сюжет в утренней программе новостей. «День города».

— Ты будешь там?

— Да, — сказал Том. — Слишком большой кусок моей жизни прошел в этом бараке, чтобы я мог остаться дома как ни в чем не бывало.

— Стало быть, там и увидимся.

— Скорее всего.

Он заколебался. — Послушай, Том, — сказал он неуверенно. — Я хочу попросить прощения. Вряд ли они снова откроют «Блу Риббон» в Уотерфорде или где-нибудь еще. Если я подставил тебя...

— Нет, со мной все в порядке. Сейчас я работаю в «Брайт-Клин», присматриваю за оборудованием. Работы меньше, а платят лучше. Так что можно сказать, что в куче дерьма я нашел розу.

— Ну и как роза?

Том вздохнул в трубку. — Да не так уж чтоб очень, — сказал он. — Но мне уже за пятьдесят. Трудно меняться в таком возрасте. Наверное, то же самое было бы и в Уотерфорде.

— Том, так вот, по поводу того, что я сделал...

— Я не хочу ничего об этом слышать, Барт. — Том явно чувствовал себя не в своей тарелке. — Это касается только тебя и Мэри.

— Ладно.

— Ну... и как ты там?

— Неплохо. Присмотрел себе кое-какую работу.

— Рад это слышать. — Том выдержал такую паузу, что тишина в трубке сгустилась до твердого состояния, и он уже было собирался поблагодарить его за звонок и кончить этот разговор, когда Том добавил:

— Стив Орднер звонил и спрашивал о тебе. Он звонил мне прямо домой.

— Когда?

— На прошлой неделе. Похоже, он страшно зол на тебя, Барт. Он все спрашивал меня, не знает ли кто, зачем ты продинамил корпорацию с уотерфордским заводом и кто тебе за это заплатил. Но разговор шел не только об этом. Он еще много чего о тебе спрашивал.

— Например?

— Например, уносил ли ты что-нибудь к себе домой, ну, там, порошок или что-нибудь из офиса. Брал ли ты деньги из ссудной кассы, не оставляя расписки. Вел ли ты какие-нибудь махинации за спиной у компании. Он даже спросил у меня, не брал ли ты взятки от хозяев мотелей.

— Вот это сукин сын, — сказал он удивленно.

— Короче, он ищет на тебя компромат, Барт, чтобы хорошенько отыметь тебя в задницу. Не удивлюсь, если он предъявит тебе уголовное обвинение.

— Он не сумеет. Это все дела семейные. А семья уже распалась.

— Она распалась давным-давно, — спокойно произнес Том. — Еще когда умер Рэй Таркингтон. Я не знаю никого, кроме Орднера, который бы имел на тебя зуб. Эти ребята с сорокового этажа... для них мы только доллары и центы. Они не знают ничего о прачечной и не желают знать.

Он не знал, что сказать в ответ.

— Ну вот... — Том вздохнул. — Просто я подумал, что надо тебе позвонить, рассказать. Что еще? Думаю, о брате Джонни Уокера ты уже слышал.

— Об Арни? Нет, я ничего не слышал. А что с ним такое случилось?

— Покончил жизнь самоубийством.

— *Что?*

На другом конце линии раздался такой звук, словно Том всасывал слюну через верхнюю вставную челюсть. — Надел шланг на выхлопную трубу своей машины, всунул его в заднее окно и закрылся там. Его нашел мальчик, который разносит газеты.

— Господи помилуй, — прошептал он. Он подумал об Арни Уокере, сидящем на стуле в комнате ожидания, и содрогнулся, словно гусь проковылял над местом его будущей могилы¹. — Это просто ужасно.

— Дааа... — На другом конце линии снова раздался этот сосущий звук. — Ну ладно, Барт. Надеюсь, завтра мы с тобой еще увидимся.

— Да-да, спасибо, что позвонил.

— Да ладно, чего уж там. Ну, счастливо.

Он медленно положил трубку, все еще думая об Арни Уокере и вспоминая тот странный, скулящий звук, который вырвался у него из горла, когда священник торопливо прошел по коридору и скрылся за углом.

Господи, у него же с собой была дарохранительница! Ты видел?

— Да, ну и история, — сказал он, обращаясь к пустой комнате. Трупки слов, сорвавшиеся с его губ, упали на пол и остались лежать там, а он отправился на кухню, чтобы приготовить себе выпить.

Самоубийство.

У слова этого было свистящее, приглушенное звучание. Похожий звук издает змея, скользящая в небольшой расщелине в скале. Это слово выскользнуло у него в просвет между небом и языком, словно приговоренный к смерти, сумевший бежать накануне казни.

Самоубийство.

Он взял бутылку «Южного Утешения» и принялся за приготовление своего любимого напитка. Руки его дрожали и горлышко бутылки то и дело позвякивало о край стакана. Объясни мне, Фредди, зачем он это сделал? Подумаешь, они ведь были всего лишь парой старых пердунов, живших в одной комнате! Господи Иисусе Христе, как вообще хоть кто-нибудь может решиться на такой безумный поступок? Почему? Зачем?

Впрочем, ему показалось, что он знает ответы на эти вопросы.

¹ Английская примета — прим. перев.

18—19 декабря, 1973

Он был у прачечной в восемь часов утра. Работы начались только в девять, но уже к восьми собралась небольшая толпа народа. Они стояли на морозе, засунув руки в карманы, и облачка пара вырывались у них из рта, словно воздушные шары для реплик у персонажей комикса. Здесь были Том Гренджер, Рон Стоун, Этель Даймент — девчонка, которая гладила рубашки и имела обыкновение принять на грудь во время ленча, после чего множество безвинных воротничков погибало под ее руками, Грейси Флойд и ее двоюродная сестра Морин — обе они работали на уютном прессе, и еще десять—пятнадцать человек.

Управление дорожных работ выставило вокруг желтые заграждения с красными фонарями и таблички, на которых черным по оранжевому было написано:

ОБЪЕЗД

Движение теперь шло вокруг квартала. Тротуар перед прачечной также был закрыт для прохода.

Том Гренджер помахал ему издали, но не подошел поздороваться. Остальные лишь бросили на него любопытные взгляды, а потом отвернулись.

Сон параноика, Фредди. Кто первый подойдет ко мне и крикнет мне в лицо: *Я обвиняю?*

Фред в разговоры вступать не желал.

Без четверти девять подъехала новенькая «Тойота Королла» модели семьдесят четвертого года, и из нее вышел Винни Мэйсон, великолепно смотрящийся в своем новом пальто из верблюжьей шерсти и кожаных перчатках. Впрочем, в движениях его сквозила некоторая неловкость. Винни бросил на него кислый взгляд — если бы взгляд обладал способностью жалить, он был бы уже мертв — и направился туда, где Рон Стоун стоял в компании Дэйва и Поллака.

Без десяти девять к прачечной подъехал огромный кран. Со стрелы его свисало ядро, похожее на сосок негритянской богини. Кран двигался очень медленно на своих десяти колесах высотой с человеческий рост, и непрерывный грохот его выхлопа долбил по серебристому холодку утра, словно молоток ремесленника, изготавливающего скульптуру, значение которой пока не ясно.

Человек в желтой каске направил кран на тротуар. Громадная махина медленно выползла на автостоянку. Ему было видно, как высоко в кабине водитель переключает передачи и давит на педаль ногой в квадратном сапоге. Из трубы над кабиной вырывался коричневый дым.

Странное, призрачное чувство то и дело охватывало его с тех пор, как он запарковал микроавтобус в трех кварталах отсюда и пришел пешком к прачечной. Все это что-то ему напоминало, но он никак не мог понять, что. Теперь, наблюдая за тем, как кран остановился у длинного кирпичного здания прачечной, чуть левее того, что в прошлом было воротами для грузовиков с грязным бельем, он, наконец, понял природу своих ощущений. Все это было похоже на последнюю главу у Эллери Куин, когда все персонажи наконец-то собрались в одном месте, и можно начать объяснение механики преступления и разоблачить виновного. Пройдет еще немного времени, и кто-нибудь — скорее всего это будет Стив Орднер — шагнет из толпы, устремит на него указующий перст и закричит: *Вот он, преступник! Это он, Бартон Доуз! Это он убил «Блу Риббон»!* И тогда он выхватит пистолет,

чтобы заставить своего обвинителя замолчать, но полицейские опередят его, и он упадет, изрешеченный их пулями.

Фантазии эти привели его в тревожное состояние духа. Он посмотрел на улицу, чтобы вернуться к реальности, и с чувством, которое возникает в опускающемся вниз скоростном лифте, увидел бутылочно-зеленую «Дельту-88» Стивена Орднера, остановившуюся прямо у желтых заградительных барьеров. Из двойной выхлопной трубы вырывался синий дымок.

Стив Орднер спокойно и изучающе смотрел на него сквозь поляризованное стекло.

В этот момент ядро с визжащим скрежетом описало в воздухе дугу, и толпа затаила дыхание, наблюдая за тем, как оно ударило кирпичную стену и пробило ее насквозь с глухим звуком, похожим на пушечный выстрел.

К четырем часам дня от «Блу Риббон» не осталось ничего, кроме груды кирпичей и битого стекла, из которых тут и там торчали измочаленные несущие конструкции, словно кости найденного во время раскопок динозавра.

То, что он сделал позже, он делал, словно в беспамятстве, без единой мысли о последствиях. Все это происходило примерно так же, как в «Оружейном магазине Харви» месяц назад. Вот только не было уже никакой необходимости пользоваться прерывателем, потому что Фредди голоса не подавал.

Он поехал на заправочную станцию и заправил свой «ЛТД» самым высококачественным бензином. Днем над городом сгустились тучи, и по радио обещали сильный снегопад — от шести до десяти дюймов осадков. Потом он поехал домой, поставил микроавтобус в гараж и спустился в погреб.

Прямо под лестницей стояли две больших картонных коробки с пустыми бутылками из-под соды и пива. Сверху они были покрыты толстым слоем пыли. Лежали они здесь уже, наверное, лет пять. Даже Мэри забыла о них

и перестала донимать его требованиями сдать их в приемный пункт. Собственно говоря, большинство магазинов уже и не принимают бутылки. Выпил — и выбрасывай к чертовой матери.

Он поставил одну коробку на другую и понес их в гараж. Когда он вернулся на кухню за ножом, воронкой и мэриным ведром для мытья полов, шел уже густой снег.

Он включил в гараже свет и снял с гвоздя зеленый садовый шланг, висевший там с третьей недели сентября. Он отрезал насадку, и она упала на пол с бессмысленным стуком. Отмотав три фута, он снова разрезал шланг. Остальное он отпихнул ногой в угол и некоторое время вдумчиво созерцал оставшийся у него в руках кусок. Потом он отвинтил крышечку бензобака и осторожно, словно нежный любовник, вставил туда шланг.

Ему случалось раньше видеть, как отсасывают из бензобака бензин, он знал теоретически, как это делается, но ни разу не пробовал сам на практике. Он приготовился ощутить во рту вкус бензина, обхватил конец шланга губами и втянул в себя воздух. Сначала он ничего не почувствовал, кроме невидимого, вязкого сопротивления, а потом рот его наполнился жидкостью такой холодной и непривычной, что он с трудом подавил желание поймать ртом хоть немного воздуха и неминуемо сделать глоток. Скривившись от отвращения, он выплюнул бензин, ощущая его на языке, словно вкус смерти. Он направил шланг в мэрино ведро, и струя розоватого бензина устремилась на дно. Сначала она уменьшилась до тоненькой струйки, и он уж было подумал, что придется повторить ритуал, но потом поток немного усилился и больше уже не менялся. Бензин лился в ведро с тем же звуком, с которым струя мочи бьет в фаянс писсуара.

Он сплюнул на пол, прополоскал рот своей собственной слюной, снова сплюнул. Стало полегче. Неожиданно в голову ему пришла мысль, что хотя он использовал бензин на протяжении почти всей своей сознательной

жизни, впервые он вступил с ним в такой интимный контакт. До этого ему разве что случалось замочить слегка руки, заливая небольшой бак газонокосилки фирмы «Бриггс энд Страттон». Неожиданно он обрадовался тому, что это наконец произошло. Даже все еще ощущавшийся во рту привкус не раздражал его.

Пока ведро заполнялось, он пошел в дом (снегопад все усиливался) и достал несколько старых ковриков из шкафчика под раковиной. Потом он вернулся в гараж, разорвал коврики на полоски и разложил их на капоте своего «ЛТД».

Когда мэрино ведро наполовину наполнилось, он поставил под шланг свое оцинкованное ведро, в котором он обычно возил песок у себя в багажнике, чтобы было чем посыпать лед, если машина забуксует. Пока ведро наполнялось, он поставил двадцать бутылок в четыре аккуратных ряда и с помощью воронки залил каждую из них бензином на три четверти. Закончив эту работу, он вытащил шланг из бензобака и перелил содержимое оцинкованного ведра в ведро Мэри. Оно наполнилось почти до краев.

Потом он запихнул ковровые полоски в каждую бутылку, плотно закупоривая горлышки. Покончив с этим, он отправился домой, захватив с собой воронку. Дул ветер, и снежинки чертили в воздухе косые наклонные линии. Он положил воронку в раковину, а потом отыскал в шкафу подходившую к ведру крышку. Он отнес крышку в гараж и закрыл ею ведро с бензином. Потом он открыл заднюю дверь своего «ЛТД» и осторожно поставил ведро внутрь. Потом он взял одну из картонных коробок и поставил туда свои коктейли Молотова, плотно пригоняя их друг к другу, чтобы они стояли смирно, как хорошие солдаты. Он поставил картонную коробку на переднее сиденье справа, чтобы можно было дотянуться до нее с водительского места. Потом он вернулся в дом, сел на стул и включил «Зенит» с помощью командного модуля. Как обычно по вторникам, в это время шел художественный фильм. Это был вестерн. Главную роль исполнял

Дэвид Янссен. Он подумал, что ковбой из Дэвида Янссена получился хреновый.

Когда фильм закончился, он стал смотреть, как Маркус Уэлби лечит испуганного подростка от эпилепсии. Испуганный подросток то и дело бился в припадках в общественных местах. Уэлби вправил ему мозги. После Маркуса появилась заставка телеканала, а вслед за ней — два рекламных ролика. В одном рекламировалась Волшебная Мясорубка, в другом — альбом лучших спиричуэлс¹. Потом начались новости. Синоптик сказал, что снег будет идти сегодня всю ночь и большую часть завтрашнего утра. Он советовал людям без крайней необходимости не выходить из дома. Дороги сейчас представляют большую опасность, а большинство снегоочистителей смогут выехать на улицы и автострады не раньше двух часов ночи. Из-за сильного ветра образуются сугробы, и, судя по всему, наемкнул синоптик, положение будет оставаться таким же хреновым и завтра.

После новостей на экране появился Дик Кэветт. С полчасика он посмотрел его программу, а потом выключил телевизор. Так, стало быть, Орднер хочет подловить его на чем-нибудь криминальном, верно? Что ж, если после того, как все кончится, «ЛТД» застрянет в ближайшем сугробе, то желание Орднера исполнится. И все-таки у него неплохие шансы. «ЛТД» — сильная машина, а на задних колесах у нее — шипованная резина.

В прихожей он надел пальто, шляпу и перчатки и на мгновение помедлил. Потом он прошел через весь свой дом, теплый, ярко освещенный, и внимательно оглядел все вокруг — кухонный стол, комод в столовой, камин в гостиной... Он ощутил в себе теплую волну любви к этому дому, необоримое желание защитить его. Он мысленно представил себе, как ядро с грохотом пронесется сквозь него, сокрушая стены, разбивая окна, усыпая останками

¹ Спиричуэл — негритянский религиозный гимн, жанр, стоявший у истоков джаза и рока — *прим. перев.*

пол. Он не допустит, чтобы это произошло. По этим полам ползал Чарли, в этой гостиной он делал свои первые шаги, с этой лестницы он как-то раз упал, испугав до полусмерти прибежавших на крик родителей. Комната Чарли на втором этаже теперь была переделана в кабинет, но именно в ней его сын впервые ощутил, что у него болит голова, впервые в глазах у него стало двоиться, впервые почувствовал он этот странный запах, иногда напоминающий жареную свинину иногда горящую траву, а иногда карандашные стружки. Когда Чарли умер, около ста людей пришло к ним выразить свои соболезнования, и Мэри угощала их в гостиной пирожными и тортом.

Нет, Чарли, — подумал он. — Только через мой труп.

Он поднял гаражную дверь и увидел, что на подъездной дороге лежит уже по крайней мере четыре дюйма снега, пушистого и очень легкого. Он сел в «ЛТД» и завел двигатель. Судя по стрелке, бак был заполнен на три четверти. Он решил дать двигателю как следует прогреться и, окруженный загадочным зеленоватым сиянием, исходившим от приборной доски, задумался об Арни Уокере. Этого куска шланга как раз бы хватило. Что ж, не такой уж плохой выход. Просто заснешь и не проснешься. Он где-то читал, что при отравлении угарным газом человек медленно погружается в сон — и все. Даже щеки от него покраснеют, так что будешь выглядеть румяным и здоровым, полным жизненных сил.

Его охватила дрожь — снова гусь забрел на его могилу, — и он включил печку. Когда воздух в машине накалился, и дрожь прекратилась, он включил заднюю передачу и осторожно выехал из гаража. Он услышал, как бензин плещется в мэрином ведре, и это ему напомнило, что он кое о чем позабыл.

Он поставил машину на ручной тормоз и вернулся в дом. В ящике комода лежала большая упаковка спичек, и он распахнул по карманам коробков двадцать, не меньше. Потом он снова вышел.

Дорожное покрытие было очень скользким.

Местами под свежавыпавшим снегом мостовая обледенела, и когда он затормозил на красный свет на углу Крестоллин и Гарнер, «ЛТД» занесло и развернуло почти на девяносто градусов. Когда машина все-таки остановилась, сердце его гулко стучало в грудную клетку. Господи, да он просто с ума сошел! Если кто-нибудь врежется в него сзади, то с таким количеством бензина в багажнике его можно будет соскрести столовой ложкой с мостовой и похоронить в банке из-под собачьих консервов.

И все-таки это лучше, чем самоубийство. Самоубийство — это смертный грех.

Ну вот, проснулось в тебе католическое воспитание. Вряд ли, впрочем, он с кем-нибудь столкнется. Машин на улицах почти не было, не видно было и полицейских. Может быть, они все попрятались по переулкам, набившись в теплые машины.

Он осторожно повернул на бульвар Кеннеди, который, как ему казалось, он всегда будет называть про себя улицей Дюмон, несмотря на решение специального заседания городского совета о переименовании, принятое в январе шестьдесят четвертого года. Бульвар Дюмон/Кеннеди вел из западной части города в центральный деловой район. Примерно около двух миль он шел параллельно строительным работам на новом участке 784-й автострады. Ему предстояло проехать около мили по бульвару, а потом свернуть на улицу Грэнд. Спустя полмили улица Грэнд уходила в ничто, вслед за старым кинотеатром «Грэнд» — светлая ему память. К следующему лету улица Грэнд воскреснет в форме эстакады (одна из трех эстакад, о которых он говорил Мальоре), но это будет уже совсем другая улица. Вместо того, чтобы увидеть по правую руку от себя кинотеатр, вы увидите под собой шесть — или все-таки восемь? — рядов несущихся машин. Он многое знал о новой дороге. Он усвоил эту информацию из сообщений по радио и телевидению,

из статей в городских газетах, но не путем сознательной концентрации внимания, а с помощью своего рода информационного осмоса. Он хранил добытые сведения инстинктивно, как белка хранит свои орешки. Он знал, что строительные компании, подрывившиеся на работы по созданию нового участка, почти покончили с собственными дорожными работами на эту зиму, но знал он также и то, что они собираются закончить все необходимые подрывные работы (*подрывные работы* — ничего себе выраженье, я думаю, оно должно тебе понравиться, а, Фред? — Фред опять не поднял перчатку) в черте города к концу февраля. Включая снос Крестоллин, Запад. В этом была какая-то ирония. Если бы они с Мэри жили на милю дальше, то их дом снесли бы только поздней весной — в мае или даже в начале июня следующего года. А если бы да кабы, да во рту росли грибы, то был бы не рот, а целый огород. Кроме того, в результате собственных наблюдений уже сознательного характера, он установил, что большинство дорожной техники стоит на стоянке как раз рядом с тем местом, где вершилось убийство улицы Грэнд.

Он повернул на улицу Грэнд, и машину снова занесло, но он сумел справиться с рулем и восстановил контроль над машиной. Двигатель работал без перебоев, шины оставляли четкие отпечатки на почти девственном снегу — следы последней проехавшей до него машины были практически неразличимы. По непонятной причине вид свежеевыпавшего снега на мостовой привел его в благостное расположение духа. Хорошо было двигаться вперед, хорошо было *действовать*.

Он неторопливо ехал по Грэнд с постоянной скоростью в двадцать пять миль в час, а мысли его тем временем вернулись к Мэри, а также к понятию греха — смертного и простительного. Она получила католическое воспитание, училась в приходской школе, и хотя к тому времени, когда они встретились, она отказалась — во всяком случае, на рациональном уровне — от большинства религиозных представлений о мире, что-то к ней все-таки

прилипло и осталось с ней навсегда. По словам самой Мэри, монахини покрыли ее шестью слоями лака и тремя слоями воска. После того, как у нее родился мертвый ребенок, ее мать послала к ней в больницу священника, чтобы она могла как следует исповедоваться, и Мэри разрыдалась, увидев его. От ее рыданий у него чуть не разорвалось сердце — с тех пор ему довелось испытать такие муки только один раз.

Как-то раз по его просьбе она перечислила ему список всех смертных и простительных грехов, и хотя она изучала их на занятиях по закону божью двадцать, двадцать пять, а то и тридцать лет назад, список казался (ему, по крайней мере) полным и безупречным. Но некоторые пункты он никак не мог для себя прояснить. Иногда один и тот же поступок считался смертным грехом, а иногда — простительным. Вроде бы, это зависело от состояния души и ума грешника. *Сознательная воля ко злу*. Интересно, это она ему сказала во время тех стародавних обсуждений, или это Фредди только что шепнул ему на ушко? Эта формулировка озадачила его и поселила в его сердце тревогу. *Сознательная воля ко злу*.

В конце концов ему показалось, что он установил для себя два самых важных и самых серьезных смертных греха — самоубийство и убийство. Тут уж не могло быть никаких кривотолков. Однако один из последующих разговоров — с Роном Стоуном, кажется, да, точно, с ним — внес дальнейшую неясность. Иногда, по словам Рона (они разговаривали в баре, за выпивкой, и было это лет десять назад), убийство могло быть и простительным грехом. А может быть, и вообще не грехом. К примеру, если ты хладнокровно отправлял на тот свет человека, который изнасиловал твою жену, то это мог оказаться простительный грех. А если ты убивал кого-то *в справедливой войне* — так в точности Рон и сказал, он почти слышал его голос в отдаленной комнатке сознания, — то это вообще был не грех. Рон был уверен, что все американские солдаты, убивавшие нацистов и япошек, будут в полном порядке, когда наступит Судный День.

Оставалось самоубийство, шипящее слово.

Он приближался к участку, где велись дорожные работы. Впереди показались черно-белые заградительные барьеры с круглыми сверкающими рефлекторами и оранжевыми табличками. На одной из них было написано:

КОНЕЦ ДОРОГИ ВРЕМЕННО

Другая сообщала:

ОБЪЕЗД — СЛЕДИТЕ ЗА ЗНАКАМИ

Третья гласила:

ЗОНА ПОДРЫВНЫХ РАБОТ! ВЫКЛЮЧИТЕ РАДИОПРИЕМНИКИ

Он остановился у обочины, поставил ручку передач на нейтраль, включил дальний свет и вышел из машины.

Сначала он думал, что все очень просто: ты совершаешь смертный грех, и ты проклят навеки. Можешь славить Деву Марию, пока язык не отвалится, но все равно неминуемо отправишься в ад. Но Мэри сказала, что так бывает не всегда. Что существуют такие вещи, как исповедь, раскаяние, искупление. Все это сбивало с толку. Христос сказал, что убийца не наследует жизнь вечную, но он также сказал и о том, что тот, кто верует в него, не погибнет. *Тот, кто верует.* Похоже, в библейской доктрине столько же уловок, сколько в договоре о купле-продаже, составленном каким-нибудь стряпчим по темным делам. Вот только с самоубийством все ясно. В самоубийстве нельзя исповедоваться, в нем нельзя покаяться, за него нельзя получить отпущение, потому что этот грех одним махом отрезал серебряную ниточку жизни и посылал тебя в странствия по загробным мирам. А...

А, собственно говоря, почему он обо всем этом размышляет? Он никого не собирается убивать и уж наверняка не совершит самоубийства. Он даже никогда не задумывался о самоубийстве. Во всяком случае, вплоть до самого последнего времени.

Он усталился на черно-белые заграждения, чувствуя, как холод пробивается к нему под пальто.

Техника стояла внизу, под снегом. Царил на площадке, разумеется, кран с ядром. В своей задумчивой неподвижности он приобрел вид, внушающий благоговейный трепет. Со своей устремленной в снежную черноту скелетоподобной стрелой он напомнил ему молящегося богомола, впавшего в зимнюю спячку.

Он отодвинул в сторону один из барьеров, оказавшийся очень легким. Потом он вернулся к машине, завел ее и врубил первую передачу. Машина медленно поползла вперед к краю дороги и вниз по склону, утрамбованному регулярно проезжавшей по нему тяжелой техникой. По грязи машина скользила не так сильно, как по льду. Съехав вниз, он снова поставил передачу на нейтраль и выключил фары. Выйдя из машины, он поднялся вверх по склону и поставил барьер на место. Потом спустился вниз.

Он открыл заднюю дверь «ЛТД» и достал мэрино ведро. Взяв ведро, он обошел машину кругом и поставил его на пол перед сиденьем, на котором стояла картонная коробка с бутылками. Он снял с ведра крышку и, напевая с закрытым ртом какую-то мелодию, старательно вымочил каждый фитиль в бензине. Покончив с этим, он взял ведро с бензином, подошел к крану и стал взбираться в незапертую кабину, изо всех сил стараясь не поскользнуться. Он был охвачен сильным волнением, сердце его билось часто-часто, горло сжалось и пересохло от нервного перенапряжения.

Он облил бензином сиденье, пульт управления, коробку передач. Потом он шагнул на узкий покрытый заклепками уступ, шедший вокруг двигателя, и вылил остатки бензина под капот. В воздухе стоял сильный

запах. Перчатки его промокли, руки онемели почти сразу же. Он спрыгнул вниз, сдернул перчатки и запихнул их в карман пальто. Первая коробка спичек выпала из его онемевших пальцев. Он принялся за вторую коробку, но ветер задул первые две спички, которые ему удалось зажечь. Тогда он повернулся спиной к ветру, скрючился в три погибели над коробком и ухитрился-таки зажечь одну спичку. Он поднес ее к остальным, и они с шипением вспыхнули. Он бросил пылающий коробок в кабину.

Сначала он подумал, что спички погасли, так как ничего не произошло. Но потом раздался глухой хлопок, и языки пламени вырвались из кабины в яростном порыве, заставив его отступить на два шага. Он поднес руку к глазам, защищая их от распускающегося ярко-оранжевого цветка.

Змейка огня выползла из кабины, метнулась к капоту, помедлила одно мгновение, а потом юркнула внутрь. На этот раз звук взрыва не был глухим. **КХА-БУУУУМ!** И неожиданно капот сорвало и подкинуло вверх, так что он почти скрылся из виду, переворачиваясь и гремя в воздухе. Что-то просвистело совсем рядом с его ухом.

Горит! — подумал он. — И в самом деле горит!

Он начал танцевать в разорванной огненными сполохами темноте. Лицо его исказилось в экстазе настолько сильно, что, казалось, еще немного, и его черты разлетятся на миллионы улыбающихся осколков. Он сжал руки в кулаки и размахивал ими над головой.

— Ураааааааа! — кричал он, и ветер подхватывал его крик и завывал в ответ. — Уррраааааааа! Черт возьми! Это победааа! Ураааааа!

Он бросился к машине, поскользнулся на снегу и упал. Возможно, именно это обстоятельство спасло ему жизнь, так как в тот же самый момент бензобак крана взорвался, усыпав все вокруг обломками в радиусе сорока футов. Раскаленный кусок металла пробил правое стекло «ЛТД», покрыв его пьяной паутиной трещин.

Он поднялся, весь в снегу с ног до головы, и взобрался за руль. Он снова надел перчатки, чтобы не оставлять отпечатков пальцев, хотя в конце концов мысль об этих предосторожностях показалась ему смешной. Он завел машину, почти не ощущая ключа в одеревеневших пальцах, и надавил изо всех сил на педаль газа; «газанул» — так они называли это, когда были детьми, и мир был молод. Микроавтобус швыряло из стороны в сторону. Кран яростно пылал — он и не рассчитывал, что пожар будет таким сильным. Кабина превратилось в ад, огромное лобовое стекло вылетело.

— *Горячо!* — крикнул он. — *Поддай еще жару! Ох, Фредди, горячо! Черт возьми!*

Он объехал кран, и на мгновение огненные сполохи превратили его лицо в зловещую черно-оранжевую маску. Он ткнул указательным пальцем в приборную доску, пытаясь вдавить зажигалку. С третьего раза ему это удалось. Вся техника стояла рядами слева от него, и он опустил стекло. Мэрино ведро каталось по полу взад и вперед, а бутылки с бензином пустились в бешеную пляску, дробно позвякивая друг о друга, когда микроавтобус подпрыгивал на подмерзших ухабах.

Зажигалка выскочила со щелчком, и он резко затормозил. Микроавтобус занесло набок, и он остановился. Он вынул зажигалку, взял из коробки одну бутылку и прижал к фитилю пылающую спираль. Фитиль вспыхнул, и он швырнул бутылку за окно. Она разбилась о покрытую запекшейся грязью гусеницу бульдозера, и пламя весело заплясало вокруг. Он снова вдавил зажигалку, проехал ярдов двадцать и швырнул еще три бутылки в темную громаду асфальтоукладчика. Первая пролетела мимо, вторая ударилась в бок, и горящий бензин вылился на снег, не причинив никакого вреда, зато третья попала точно в кабину.

— *В десяточку!* — завопил он.

Еще один бульдозер. Асфальтоукладчик поменьше. Потом он подъехал к вагончику на домкратах. На двери висело объявление:

Лэйн Констракшн Компани
Местное Представительство

ПО ВОПРОСАМ ПРИЕМА НА РАБОТУ
СЮДА НЕ ОБРАЩАТЬСЯ!!!!

Пожалуйста, вытирайте ноги

Он подогнал «ЛТД» почти вплотную и швырнул четыре горящие бутылки в большое окно рядом с дверью. Все бутылки попали внутрь: первая разбила стекло и разбилась сама, опустив за собой пылающий занавес.

Позади вагончика стоял большой грузовик. Он вышел из машины, дернул правую дверь и обнаружил, что она не заперта. Он поджег фитиль у одной из своих гранат и бросил ее внутрь. Языки пламени жадно взвились по сиденью.

Он вернулся в свою машину и обнаружил, что осталось всего лишь четыре или пять бутылок. Он поехал дальше, ежась от холода, пропахший насквозь бензином, с длинной ниткой соплей под носом и широкой ухмылкой от уха до уха.

Гусеничный экскаватор. Он швырнул в него все оставшиеся бутылки, ни одна из которых не причинила ему вреда, кроме последней, подорвавшей заднюю гусеницу.

Он пошарил в коробке, вспомнил, что она пуста, и глянул в зеркальце заднего обзора.

— *Едрит твою налево!* — завопил он. — *Через жопу вдоль забора, Фредди! Ах ты засранец гребаный!*

Позади него в густой снежной тьме пылало несколько пожаров, словно освещая взлетную полосу неведомого аэродрома. Яростные языки пламени вырывались из окон «Лэйн Констракшн Компани». Грузовик превратился в огненный шар. Кабина асфальтоукладчика стала огненным котлом. Но кран был настоящим шедевром! Он сиял огненным маяком ревущего желтого пламени. Его шипящий факел освещал неверным светом почти всю стоянку.

— Вот вам и подрывные работы, чтоб у вас член отсох! — закричал он.

Самообладание начало понемногу возвращаться к нему. Обратно ехать не имело смысла. Вскоре на Грэнд приедет полиция, а может быть, они уже там. И пожарные. Может ли он выбраться, если поедет вперед, или он в тупике?

Площадь Хэрон. Он вполне может выехать на площадь Хэрон. Ему придется въехать по склону, крутизна которого составляет градусов двадцать пять, может быть, и тридцать. Кроме того, ему надо будет снести барьеры дорожного управления, но ограждения безопасности должны быть демонтированы. Возможно, у него получится. Да. У него получится. Этой ночью он может все.

Он въехал на еще не покрытое асфальтом полотно новой дороги. «ЛТД» швыряло из стороны в сторону. Фары были погашены, работали только подфарники. Увидев справа и сверху от себя фонари Хэрон, он стал увеличивать скорость, и когда стрелка спидометра миновала отметку тридцать, он направил машину на насыпь. Скорость достигла сорока, когда передние колеса ударились о склон, и машина устремилась вверх. Примерно на полпути задние колеса стали пробуксовывать, и он переключился на первую передачу. Двигатель сбавил обороты, и машина поползла вперед. Нос уже показался над насыпью, когда колеса снова стали пробуксовывать, выстреливая назад очередями снега, камней и комьев смерзшейся земли. На мгновение исход был не ясен, но простой силой инерции — возможно, в союзе с силой воли — «ЛТД» вынесло наверх.

Нос машины поддел черно-белое ограждение и отбросил его в сторону. Барьер упал в сугроб, подняв облачко снежной пыли. Он выехал на дорогу и с изумлением осознал, что он вновь едет по обычной улице, словно ничего не произошло. Он переключился на третью передачу и увеличил скорость до успокаивающих тридцати миль в час!

Он уже готов был свернуть к дому, когда ему пришло в голову, что следы его шин будут видны на свежем снегу еще часа два, пока их не покроет новый снег или не сотрет

снегоочиститель. Вместо того чтобы свернуть на Крестоллин, он продолжал ехать по Хэрон и свернул на улицу Ривер. По Ривер он выехал на седьмое шоссе. С начала снегопада машин здесь было немного, но все же достаточно, чтобы превратить свежевыпавший снег в полужидкое месиво.

Он пристроился в колею, проложенную в снегу другими проехавшими на восток машинами, и увеличил скорость до сорока миль в час.

Он проехал по седьмому шоссе около десяти миль, а потом вернулся обратно в город и направился к улице Крестоллин. На улицы города уже выехало несколько снегоочистителей, которые двигались в ночи, словно огромные оранжевые мастиффы с пылающими желтыми глазами. Несколько раз он взглянул в сторону участка дорожных работ, но снег закрывал видимость сплошной пеленой.

На полдороге домой он осознал тот факт, что хотя все окна были закрыты, а печка включена на полную мощность, в машине все равно было холодно. Он оглянулся и увидел звездообразную дыру в заднем правом стекле. На заднем сиденье валялись осколки, присыпанные снегом.

— Интересно, как это могло случиться? — удивленно спросил он самого себя. Он попытался вспомнить, но память была пуста.

Он въехал на свою улицу с севера и направился прямо к дому. Дом был таким же, каким он его и оставил. В кухонном окне горел свет — это было единственное освещенное окно в этом опустевшем квартале. Ни одна полицейская машина не поджидала его у дома, но гараж был открыт, и это было ужасно глупо. Когда идет снег, надо всегда закрывать гараж. Для того он и создан, этот гараж, чтобы уберечь твоё имущество от непогоды. Его отец всегда так говорил. Его отец умер в гараже совсем как брат Джонни. Правда, Ральф Доуз самоубийства не совершал — у него было что-то вроде удара. Сосед нашел его на полу с садовыми ножницами в холодеющей левой

руке и небольшим точильным камнем в правой. Вот так и умирают в предместьях. О, Господь, пошли эту праведную душу на небеса, где не растет сорная трава, а черномазые ублюдки знают свое место.

Он завел микроавтобус в гараж, опустил дверь и пошел в дом. Его трясло от утомления и перенапряжения. Часы показывали четверть третьего. Он повесил пальто и шляпу в шкафу в прихожей и уже было закрыл дверь, когда его пронзила молния ужаса, столь же головокружительного, как стакан неразбавленного виски. Он торопливо полез в карманы пальто и испустил долгий вздох облегчения, когда пальцы его нащупали перчатки все еще мокрые от бензина, слипшиеся в два влажных комочка.

Он подумал, не сварить ли ему кофе, но потом отказался от этого намерения. Его подташнивало, голова болела. Возможно, это было легкое отравление парами бензина, к которому примешивалось перенапряжение от рискованной поездки по заснеженным ночным улицам. В спальне он разделся и швырнул одежду на стул, не позаботившись даже сложить ее. Он думал, что уснет, как только голова его коснется подушки, но этого не произошло. Теперь, когда он наконец был дома и, по-видимому, в безопасности, тягостное возбуждение овладело им. Вместе с ним подступил и страх. Они поймают его и посадят в тюрьму. Его фотография появится в газетах. Его знакомые и друзья будут качать головами и обсуждать происшедшее в ресторанах и кафе. Винни Мэйсон скажет своей жене, что он всегда знал, что Доуз — сумасшедший. Родители Мэри, скорее всего, отправят ее в Рено. Там она поселится, а через некоторое время разведется с ним. Может быть, она найдет кого-нибудь, кто будет ее трахать. Лично его это совершенно не удивит.

Он лежал с открытыми глазами и повторял себе, что его не смогут разоблачить. На нем все время были перчатки, так что отпечатков пальцев он не оставил. Мэрино ведро и крышку от него он привез с собой

обратно. Он запутал следы, чтобы сбить с толку возможную погоню, совсем как беглый каторжник, переходящий ручей, чтобы сбить со следа собак. Но ни одна из этих мыслей не приносила ему ни сна, ни утешения. Они все равно поймают его. Вполне возможно, что кто-то видел его машину на Хэрон, и ему показалось подозрительным, что кто-то разъезжает по городу так поздно и в такую непогоду. Возможно, кто-то нацарапал в записной книжке номер его машины, и сейчас этого следопыта поздравляет полиция. А может быть, они сняли образцы мельчайших частиц краски с заградительного барьера на площади Хэрон и сейчас отлавливают фамилию преступника в каком-нибудь компьютерном каталоге автоладельцев. А может быть...

Он переворачивался с боку на бок, ожидая того момента, когда за окном его покажутся танцующие голубые тени, или раздастся тяжелый стук в дверь, и какой-нибудь бестелесный кафкианский голос скажет: *Эй, там — открывай дверь!* А когда он наконец-то заснул, то случилось это совсем незаметно для него самого. Мысли его без перебоя перешли из мира сознательных размышлений в искаженный мир снов с той же легкостью, с которой машина переходит с третьей на вторую передачу. Даже в снах ему казалось, что он не спит, раз за разом совершая самоубийство. То он сжигал себя, то становился под подвешенную наковальню и перерезал веревку, то вешался, то задувал контрольные язычки пламени в плите, а потом открывал на полную мощность духовку и все четыре конфорки, то пускал себе пулю в лоб, то выбрасывался из окна, то бросался прямо под колеса едущего с большой скоростью междугородного автобуса, то глотал таблетки, то выпивал залпом бутылку с дезинфицирующим средством для туалета, то направлял себе в рот баллончик аэрозоля «Сосновый аромат», нажимал на кнопку и вдыхал его до тех пор, пока голова не отделялась от тела и не улетала в небеса, как детский воздушный шарик, то совершал харакири, стоя на коленях в исповедальне католического собора и исповедуя

грех самоубийства ошеломленному молодому священнику в тот самый момент, когда его дымящиеся внутренности вываливались на скамейку, словно тушеная говядина, свершая акт покаяния слабым, смущенным голосом, в луже крови, по которой плавали горячие сардельки его кишок. Но наиболее живо и явственно он снова и снова представлял себя за рулем «ЛТД», слегка нажимающим на педаль газа в закрытом гараже; он делал глубокие вдохи и просматривал номер «Нэшнл Джоиграфик», разглядывая фотографии различных бытовых сценок на Таити и в Окленде и жирного вторника¹ в Новом Орлеане, переворачивая страницы все медленнее и медленнее, пока звук двигателя не превращался в отдаленное приятное гудение, а зеленые воды Тихого океана не принимали его в свое убаюкивающее тепло и не уносили его вниз в серебристую глубину.

¹ Жирный вторник — последний день карнавала перед первым днем Великого Поста — пепельной средой — *прим. перев*

19 декабря, 1973

Когда он проснулся и встал с постели, было уже половина первого. Он чувствовал себя так, словно накануне напился до потери сознания. Голова чудовищно болела. Мочевой пузырь был полон. Во рту был отвратительный привкус. От малейшего физического усилия сердце начинало стучать, как боевой барабан. Он даже не удостоился роскоши потешить себя мыслью — пусть даже на очень краткий промежуток времени, — что все происшедшее вчера было только сном: запах бензина въелся в его плоть и тонким ароматом исходил от лежащей на стуле одежды. Снегопад кончился, небо было чистым, и яркий солнечный свет резал ему глаза.

Он вошел в ванную, устроился на унитазе, и поток жидких испражнений рванулся из него, словно курьерский поезд, пронсящий мимо маленькой богом забытой станции. Испражнения падали в воду с отвратительным плюханьем. Он застонал и обхватил голову руками. Не вставая, он помочился, окутанный теплым облаком густого запаха своего собственного дерьма.

Он спустил воду и пошел вниз на деревянных ногах, захватив с собой чистую одежду. Он решил подождать, пока ужасающий запах не выветрится, а потом принять ванную. Может быть, он будет отмокать там целый день напролет.

Он положил в рот три таблетки экседрина из зеленого пузырька, стоявшего на полочке над кухонной ракови-

ной, и запил их двумя изрядными глотками пепто-бисмо-
ла. Он поставил чайник, чтобы выпить кофе, и разбил
свою любимую чашку, снимая ее с крючка. Он убрал
осколки, взял другую чашку, насыпал туда растворимого
кофе «Максвелл» и отправился в столовую. Там он
включил радио и покрутил ручку настройки в поисках
новостей, которые, как и полицейские, всегда куда-то
пропадали в нужный момент. Поп-музыка. Сводки с
полей. Ток-шоу «Позвоните нам». Объявления от частных
лиц. Пол Харви продает страховку. Снова поп-музыка.
Никаких новостей.

Чайник вскипел. Он настроил радио на одну из стан-
ций, передающих поп-музыку, заварил на кухне кофе и
принес его в столовую. Он выпил кофе без сливок и без
сахара. После первых двух глотков им овладел сильный
позыв к рвоте, но потом стало лучше.

Наконец-то начались новости, сначала общенацио-
нальные, а потом — местные.

*Городские новости. Прошедшей ночью на участ-
ке дорожных работ по расширению 784-й авто-
страды в районе улицы Грэнд было произведено
несколько поджогов. Лейтенант полиции Генри
Кинг сказал, что вандалы, судя по всему, восполь-
зовались зажигательными бомбами, чтобы под-
жечь кран, два асфальтоукладчика, два бульдозера,
грузовик и местное представительство «Лэйн
Констракшн Компани», которое сгорело дотла.*

Ликование, такое же темное и терпкое, как вкус его
неподслащенного кофе, сжало его горло при словах «сго-
рело дотла».

*Ущерб, причиненный асфальтоукладчикам и
бульдозерам, оказался незначительным. Так сооб-
щил нам Фрэнсис Лэйн, владелец компании, пол-
учившей крупный субподряд на строительство но-
вого участка автострады на городской*

территории. Однако, кран, предназначенный для сноса домов, общая стоимость которого составляет около шестидесяти тысяч долларов, сможет функционировать нормально только через две недели.

Две недели? И это все?

Более серьезный ущерб, по словам Лэйна, причинил пожар местного представительства компании, в котором хранились расписания работ, рабочие журналы и девяносто процентов бухгалтерской документации компании за последние три месяца. «Чертовски трудно будет все это восстановить», — сказал Лэйн. — «Это может отбросить нас назад на месяц или даже больше».

По словам лейтенанта Кинга, вандалы убежали с места преступления, воспользовавшись микроавтобусом. Возможно, это был «Шевроле» одной из последних моделей. Он обращается ко всем, кто видел микроавтобус, направлявшийся от участка дорожных работ вдоль по улице Хэрон, с просьбой прийти на помощь. Фрэнсис Лэйн оценил общий ущерб, нанесенный его компании, в сто тысяч долларов.

Переходим к другим новостям. Член палаты представителей от нашего штата Мьюриэл Рестон...

Он выключил радио.

Теперь, после выпуска новостей, днем, при свете яркого зимнего солнца, ситуация предстала перед ним в более выгодном свете. Конечно, полиция могла и умолчать о других уликах, но если они и в самом деле охотятся за «Шевроле» вместо «Форда» и вынуждены разыскивать очевидцев с помощью объявлений по радио, то он — в относительной безопасности, во всяком случае, на неко-

торое время. Кроме того, даже если очевидцы и найдутся, это не будет серьезной причиной для беспокойства.

Он выбросит мэрино ведро для мытья полов и откроет гараж, чтобы оттуда выветрился запах бензина. Потом сочинит историю, чтобы объяснить разбитое стекло «ЛТД», если кто-нибудь спросит. И, самое важное, он должен морально подготовиться к визиту полиции. В конце концов он — последний оставшийся житель Крестоллин, Запад, и с их стороны будет совершенно естественно проверить, что он за птица. И им не придется долго копаться в его прошлом, чтобы выяснить, что его поведение в последнее время трудно назвать здоровым. Он сорвал важную сделку. Жена оставила его. Его бывший сослуживец двинул ему в глаз в магазине. И, разумеется, в довершение всего, он — владелец микроавтобуса, пусть даже и не марки «Шевроле». Все это не в его пользу. Но ничто из этого не является доказательством.

Но если они все-таки раскопают какие-нибудь доказательства, то, судя по всему, ему придется отправиться в тюрьму. Но тюрьма — это не самое страшное место на свете. Это еще не конец света. Там ему дадут работу, будут кормить. Ему не придется беспокоиться о том времени, когда кончатся деньги, полученные за страховку. Разумеется, есть вещи куда страшнее тюрьмы. Самоубийство, например. Уж это-то гораздо хуже. Он поднялся на второй этаж и принял душ.

Позже в тот же день он позвонил Мэри. К телефону подошла ее мать и в ответ на его просьбу позвать Мэри, фыркнула, но тем не менее не стала вешать трубку. Когда же в трубке зазвучал голос Мэри, он показался ему почти веселым.

— Привет, Барт. Заранее поздравляю тебя с Рождеством.

— И я тебя поздравляю, Мэри.

— Ты что-то хотел мне сказать, Барт?

— Ну, я просто купил тут всякие подарки... просто несколько безделушек... для тебя, для племянников и

племянниц. Так вот я и хотел узнать, нельзя ли нам с тобой где-нибудь встретиться, чтобы я тебе все передал. Я, правда, не обернул детские подарки¹...

— Ничего, я с радостью сделаю это сама. Но не стоило тебе тратиться. Ты же не работаешь.

— Скоро все наладится, — ответил он. — Я уже подыскиваю себе работу.

— Барт, скажи мне... ты предпринял что-нибудь после нашего разговора? Ну, то, о чем я тебя просила?

— Ты имеешь в виду психиатра?

— Да.

— Я позвонил парочке. У одного все забито чуть ли не до самого июня. А второй отправляется на Багамские острова и пробудет там до конца марта. Он сказал, что примет меня после возвращения.

— Как их фамилии?

— Фамилии? Господи, дорогая. Чтобы ответить на этот вопрос, мне придется опять лезть в телефонный справочник. По-моему, первый был Адамс. Николас Адамс...

— Барт, — перебила она печальным голосом.

— Может быть, и Ааронс, — произнес он поспешно.

— Барт, — повторила она снова.

— Ладно, — ответил он. — Можешь верить, можешь не верить. Как твоей душе угодно.

— Барт, если бы только...

— Так что же насчет подарков? Я позвонил тебе по поводу подарков, а не для того, чтобы разговаривать о каком-то поганом шарлатане.

Она вздохнула. — Привези их сюда в пятницу, хорошо? Я могла бы...

— Ага, а твои мамочка и папочка наймут Чарльза Мэнсона, чтобы он подкараулил меня у дверей? Давай все-таки встретимся на какой-нибудь нейтральной территории, ты не возражаешь?

¹ По традиции, рождественские подарки должны быть обернуты в яркую цветную бумагу — *прим. перев.*

— Родителей не будет дома, — ответила она. — Они собираются поехать на Рождество к Джоанне. — Под Джоанной имелась в виду Джоанна Сент-Клер, двоюродная сестра Джин Кэллоуэй, жившая в Миннесоте. В детстве они были близкими подругами — в то славное спокойное время, которое воцарилось между войной тысяча восемьсот двенадцатого года и пришествием Конфедерации. В июле у Джоанны был удар. Она крепко держалась за жизнь, но Джин сказала ему и Мэри, что, судя по тому, что говорят врачи, она может умереть в любую минуту. Приятно, наверное, жить, — подумал он, — когда в голове у тебя встроена вот такая маленькая бомбочка. Эй, бомбочка, ну что, уже сегодня? Пожалуйста, подожди еще один денек, я еще не кончила читать новый роман Виктории Холт.

- Барт, ты слышишь меня?
- Да, извини, я просто задумался.
- В час дня тебе подойдет?
- Отлично.
- Ты еще хотел мне что-то сказать?
- Да нет...
- Ну, тогда...
- Береги себя, Мэри.
- Хорошо. Пока, Барт.
- До свидания.

Он повесил трубку и отправился на кухню, чтобы приготовить себе выпить. Женщина, с которой он только что разговаривал по телефону, была уже совсем не той женщиной, которая сидела вся в слезах на диване в гостиной меньше месяца назад и умоляла его помочь ей разобраться в том, откуда взялась эта огромная приливная волна, захлестнувшая ее упорядоченную жизнь и уничтожившая плоды двадцатилетних усилий. Это было удивительно. Он помотал головой так, словно только что узнал новость о том, что сам Иисус Христос спустился с небес на землю и забрал Ричарда Никсона в рай на огненной колеснице. Сомнений не было: она вновь обрела себя. Более того, она обрела себя такой, какой была

много лет назад. Она стала совсем молоденькой девчонкой, образ которой уже почти совсем выцвел в его памяти. Словно археолог, она осторожно извлекла из забвения свое прежнее «я». Разумеется, это прежнее «я» слегка заржавело от долгого хранения, но тем не менее было вполне пригодно к использованию. Ржавчина сойдет, суставы разработаются, и это старо-новое «я» превратится в цельную личность, возможно, и покрытую шрамами от этой неожиданной метаморфозы, но уж никак не искаленную. Вполне возможно, что он знал ее лучше, чем она думала, и он прекрасно понял по одному лишь тону ее голоса, что она с каждым днем становится все ближе и ближе к мысли о разводе, о полном разрыве с прошлым. О таком разрыве, который не оставит после себя незаживающей раны — может быть, всего лишь незаметный рубец. Ей было тридцать восемь лет. Перед ней открывалась вторая половина ее жизни. У нее не было детей, так что не приходилось беспокоиться о том, как бы нежные детские души не пострадали в катастрофе, постигшей их брак. Сам он не станет предлагать ей развестись, но если она предложит ему, он согласится. Он позавидовал ее новому «я» и ее новой красоте. И если она и пришла к мысли о том, что последние десять лет ее семейной жизни были длинным темным коридором, ведущим к солнечному свету, то вряд ли он мог ее за это винить. Разумеется, ему было грустно, но винить ее он не мог, это уж точно.

21 декабря, 1973

Он передал ей подарки в гостиной Джин Кэллоуэй, обставленной зачехленной мебелью с украшениями из золоченой бронзы. Разговор, последовавший за этим, оказался принужденным и неловким. Ему никогда раньше не случалось оставаться в этой комнате с ней наедине, и он то и дело испытывал желание обнять ее, словно им было лет по семнадцать, и наконец-то представилась возможность остаться ненадолго одним. Ему казалось, будто он превратился в неудачный, грубо сработанный двойник своего прежнего «я», в зеленого, неуверенного в себе юнца, никогда раньше не прикасавшегося к женщине.

— Ты осветлила волосы? — спросил он.

— Совсем немножко. — Она слегка пожала плечами.

— Выглядит неплохо. Так ты смотришься моложе.

— А у тебя пробивается седина на висках, Барт. Так ты смотришься изысканнее.

— Глупости, я просто постарел.

Она засмеялась — слегка резковато — и принялась рассматривать подарки, разложенные на небольшом журнальном столике. Он завернул сову, предоставив ей совершить ту же операцию над игрушками и шахматами. Куклы лежали, тупо уставившись в потолок, в ожидании пока детские ручки не заставят их ожить.

Он посмотрел на Мэри. Взгляды их встретились на мгновение, и ему показалось, что сейчас она произнесет

неизбежные и непоправимые слова. Это испугало его. Но в этот момент из часов выскочила кукушка, прокуковала половину второго и так испугала их, что они оба подпрыгнули, а потом дружно расхохотались. Подходящий момент был упущен. Он встал, чтобы избежать риска его возвращения. Спасен кукушкой из старых часов, — подумал он. — В этом есть своя логика.

— Должен идти.

— У тебя свидание?

— Нет, интервью с работодателем.

— Серьезно? — На лице у нее появилось радостное выражение. — Куда ты собираешься поступить на работу? С кем ты будешь разговаривать? Сколько тебе будут платить?

Он рассмеялся и покачал головой. — На это место претендует еще дюжина человек, и у них шансы не хуже, чем у меня. Так что я расскажу тебе обо всем, только когда разобью всех конкурентов наголову.

— Тебе не откажешь в самоуверенности.

— Вот такой уж я.

— Барт, а что ты будешь делать на Рождество? — Она устремила на него серьезный и озабоченный взгляд, и он неожиданно понял, что вовсе не развод, а приглашение на рождественский обед было все это время у нее на уме. Господи, так ошибиться! Он чуть было не рассмеялся.

— Я останусь дома.

— Ты можешь прийти сюда, — сказала она. — Никого, кроме нас, не будет.

— Пожалуй, нет, — произнес он задумчиво, а потом повторил, уже более твердо:

— Нет. Во время праздников эмоции часто выходят из-под контроля. Так что в другой раз.

Она задумчиво кивнула.

— А ты будешь ужинать одна? — спросил он.

— Я могу пойти к Бобу и Джэнет. Скажи, ты точно уверен, что не хочешь прийти?

— Да.

— Ну что ж... — В голосе ее звучало облегчение.

Она проводила его до двери, и они одарили друг друга бесплотными поцелуями.

— Я тебе позвоню, — сказал он.

— Обязательно звони.

— И передай Бобби от меня привет.

— Хорошо.

Он миновал уже полпути по направлению к машине, когда она крикнула ему вслед:

— Барт! Барт, подожди минутку!

Он обернулся с чувством, весьма напоминавшим страх.

— Чуть было не забыла, — сказала она. — Звонил Уолли Хэмнер и пригласил нас на новогоднюю вечеринку. Я сказала, что мы придем. Но если ты не хочешь...

— Уолли? — Он нахмурился. Уолтер Хэмнер был едва ли не единственным из их знакомых, с которым он не был связан по работе. Он работал в местном рекламном агентстве. — А он знает что мы, в некотором роде, расстались?

— Знает, но ты же знаешь Уолта. Такие вещи его не особенно беспокоят.

Это было правдой. Уж что-то, а это Уолтера не беспокоило. Уолтера, автора непристойных лимериков¹ и еще более непристойных пародий на популярные песни. Дважды разведенного и оба раза — с большими финансовыми потерями. Ныне импотента, если верить сплетням, а в этом случае он склонялся к мнению о том, что сплетни говорят правду. Сколько времени он уже не видел Уолта? Четыре месяца? Шесть?

— Что ж, это может оказаться забавным, — сказал он, но неожиданно в голову ему пришла неприятная мысль.

По обыкновению, она прочла эту мысль у него на лице и сказала:

— Там не будет никого из прачечной.

¹ Лимерик — шуточное стихотворение из пяти строк — *прим. перев.*

— Он знаком со Стивеном Орднером.

— Аа, с ним... — Она пожала плечами, демонстрируя, насколько маловероятной кажется ей мысль о том, что Стивен Орднер окажется там. Пожатие перешло в дрожь. На улице было градусов двадцать пять.

— Иди домой, — сказал он, — а то совсем замерзнешь.

— Так ты хочешь пойти?

— Не знаю. Надо подумать. — Он поцеловал ее еще раз, на этот раз более ощутимо, и она поцеловала его в ответ. В этот момент он готов был пожалеть обо всем, что произошло, но сожаление было смутным, отдаленным.

— Счастливого Рождества, Барт, — сказала она, и он заметил слезы у нее на глазах.

— Следующий год будет лучше, чем этот, — произнес он привычную успокаивающую фразу — впрочем, безо всякой убежденности. — Иди домой, пока не подхватила воспаление легких.

Она вошла в дом, и он сел в машину, продолжая размышлять о новогодней вечеринке у Уолли Хэмнера. В конце концов он решил, что, пожалуй, стоит туда сходить.

24 декабря, 1973

Он отыскал в Нортоне небольшой гараж, в котором ему обещали вставить стекло за девяносто долларов. Когда он спросил у механика, собирается ли тот работать в день перед Рождеством, механик ответил, что ни один праздник в мире не отнимет у него возможности подзаработать денег.

По дороге он остановился у нортоновской прачечной самообслуживания и загрузил свою одежду в две стиральных машины. Он инстинктивно крутанул барабаны, чтобы определить, какой тип привода в них используется, и аккуратно распределил одежду, чтобы во время отжимного цикла машины работали без перебоев. Покончив с этим, он на мгновение помедлил и слегка улыбнулся. Вот так вот, Фред. Конечно, можно вышвырнуть парня из прачечной, но нельзя вытрясти прачечную из парня. Верно, Фред? Фредди? Ну ладно, гребись конем.

— Ну и дырища, — сказал механик, оглядывая покрытое паутиной трещин стекло.

— Мальчишка запустил снежком, — ответил он. — Наверное, внутри был камень.

— Да уж, без камня не обошлось, — сказал механик.

Заменив стекло, он вернулся в прачечную, положил одежду в сушилку, поставил регулятор температуры на среднее значение и опустил в прорезь тридцать центов.

Потом он присел и подобрал брошенную кем-то газету. Кроме него, в прачечной была только молодая женщина в очках в металлической оправе, с усталостью на лице и светлыми прядями в длинных рыжевато-коричневых волосах и ее маленькая дочка. У дочки была истерика.

— Дай мне мою *буты-ыыыылку!*

— Черт возьми, Рэйчел, успокойся!

— *БУТЫ-Ы-ЫЫЫЫЫЛКУ!*

— Когда вернемся домой, папа тебя отшлепает, — мрачно пообещала женщина. — И не рассчитывай на сказку перед сном.

— *БУТЫ-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-ЫЫЫЫЛКУУУУУУУ-УУУУ!*

Интересно, зачем это такой девице понадобились перья в волосах? — подумал он и принялся читать газету. Заголовки гласили:

ВИФЛЕЕМ ОПУСТЕЛ ПАЛОМНИКИ ОПАСАЮТСЯ ТЕРРОРА

В подвале первой страницы было помещено небольшое сообщение, привлечшее его внимание, и он прочел его от слова до слова.

УИНТЕРБУРГЕР ЗАЯВЛЯЕТ О ТОМ, ЧТО С АКТАМИ ВАНДАЛИЗМА НЕЛЬЗЯ МИРИТЬСЯ

Местные новости.

Виктор Уинтербургер, кандидат от демократической партии на место, освободившееся после смерти Дональда П.Нэиша, погибшего в автомобильной катастрофе в конце прошлого месяца, заявил вчера, что «цивилизованное американское общество» не должно мириться с актами вандализма, подобными тому, который имел место в прошлую среду и причинил ущерб на сумму почти

в сто тысяч долларов дорожным работам по строительству нового участка 784-й автострады. Уинтербургер высказал свои соображения на обеде Американского Легиона, и участники обеда встретили его речь продолжительной овацией.

«Мы уже были свидетелями подобных происшествий в других городах, — заявил Уинтербургер. — Изуродованные автобусы, разорванные в клочья вагоны метро, разрушенные здания в Нью-Йорке, разбитые окна и испоганенные школы в Детройте и Сан-Франциско, ущерб, наносимый общественным местам, музеям, картинным галереям. Мы не должны допустить, чтобы величайшая страна мира терпела опустошения от современных гуннов и варваров».

Полиция была вызвана в район улицы Грэнд, где несколько пожаров и взрывов обратили на себя внимание...

(см. стр.5 кол.2)

Он сложил газету и швырнул ее на стопку старых потрепанных журналов. Машины работали, издавая глухое, усыпляющее гудение. Гунны. Варвары. Стало быть, они — гунны. Они — потрошители и разрушители, готовые расправиться с этим миром, как мальчишка — с муравейником.

Молодая женщина вышла из прачечной, таща за собой девочку которая продолжала требовать бутылку. Он закрыл глаза и задремал. Через несколько минут он проснулся, как ему показалось, от звона пожарного колокола. Но выяснилось, что это был всего лишь Санта-Клаус из Армии Спасения, занявший свой пост у входа в прачечную. Выходя оттуда с пакетом чистой одежды, он отдал Санте всю мелочь, которая была у него в кармане.

— Да благословит вас Господь, — сказал Санта.

25 декабря, 1973

Телефон разбудил его около десяти часов утра. Он снял трубку и услышал резкий голос телефонистки:

— Готовы ли вы оплатить междугородный разговор с Оливией Бреннер?

Со сна он ничего не мог понять и пробормотал:

— Что? С кем? Я сплю.

Далекий, знакомый голос произнес:

— Ради Бога, это же я...

Он наконец-то понял.

— Да, — ответил он. — Я подтверждаю оплату. Оливия, это ты?

— Соединяю, — сообщила телефонистка.

— Это я. — Голос звучал глухо и едва пробивался сквозь помехи.

— Я рад, что ты позвонила.

— Я думала, ты не захочешь со мной говорить.

— Я просто только что проснулся. Ты уже добралась до Лас-Вегаса?

— Да.

— Ну и как у тебя идут дела?

Ее вздох был таким горьким, что звучал почти как бесслезное рыдание. — Да не очень.

— Не очень?

— На вторую... нет, на третью ночь я тут познакомилась с одним парнем. Пошла с ним на вечеринку и очутилась в такой заднице...

— Наркотики? — спросил он осторожно, помня о том, что разговор междугородный, и их могут подслушивать.

— Наркотики? — отозвалась она раздраженно. — Ну конечно я нажралась. Дрянь была ужасная — грязный декс¹ или что-то в этом роде... Похоже, меня изнасиловали.

Последняя фраза прозвучала так тихо, что ему пришлось переспросить:

— Что-что?

— *Изнасиловали!* — закричала она так громко, что в трубке загудело. — Знаешь, что такое изнасилование? Это когда какой-нибудь сраный хиппи пихает в тебя свою колбасу, пока твои мозги стекают по соседней стенке. Понятно?

— Понятно.

— Хрена лысого тебе понятно.

— Тебе нужны деньги?

— Какого дьявола ты меня об этом спрашиваешь? Я же не могу трахнуться с тобой по телефону. Даже отсосать — и то не смогу.

— У меня есть кое-какие деньги, — сказал он. — Я могу послать их тебе. Вот и все. Взамен мне ничего не нужно. — Он старался говорить спокойным, ровным тоном, и, похоже, это на нее немного подействовало.

— Да-да.

— У тебя есть адрес?

— Главпочтамт, до востребования — вот мой адрес.

— Тебе негде жить?

— Да нет, я сняла тут одну дыру на пару с другой дурочкой, но почтовые ящики все взломаны. Но это неважно. Оставь деньги себе. У меня есть работа. Черт, все равно я скоро завяжу со всем этим и вернусь. Так что вот такие дела, поздравь меня с Рождеством.

— А что у тебя за работа?

¹ Декс (жарг.) — фенамин, сильный стимулятор центральной нервной системы — прим. перев.

— Продаю гамбургеры в закусочной. У них в вестибюле стоят однорукие бандиты, и люди играют всю ночь напролет, ты можешь себе представить? Моя последняя обязанность: перед тем как уйти, вытереть ручки игровых автоматов. Они все запачканы горчицей, майонезом и кетчупом. А ты бы видел эти хари. Все жирные, раскормленные. Все загорелые или с обожженной кожей. И если они не хотят тебя отыметь, то смотрят на тебя как на часть обстановки. Я уже получила предложения от обоих полов. Слава Богу, что в моей соседке по комнате сексуальности столько же, сколько в можжевельном кусте... Господи, и зачем я все это тебе рассказываю? Не знаю даже, какого черта я тебе звоню. Собираюсь уехать отсюда стопом в конце недели, когда мне заплатят.

— Останься до конца месяца, — услышал он свой собственный голос.

— *Что?*

— Не трусь. Если ты уедешь сейчас, то всю жизнь будешь себя спрашивать, зачем ты вообще туда ездила.

— Ты в школе в футбол играл? Держу пари, что играл.

— Я даже плавать-то не умел.

— Стало быть, ты ни хрена не понимаешь?

— Я думаю о самоубийстве.

— Ты даже не... что ты такое сказал?

— Я думаю о самоубийстве. — Голос его звучал ровно, спокойно. Ему уже не было никакого дела до того, что разговор этот междугородный и может прослушиваться. Хрен с ними, пусть слушают, кто бы они ни были — телефонная компания, Белый Дом, ЦРУ, ФБР... — Я пытался что-то изменить, но у меня ничего не получается. Наверное, это потому, что я уже немного для этого староват. Что-то произошло несколько лет назад, и я знал, что это ужасно, но я не знал, что это окажется таким ужасным для меня. Я думал: что случилось, то случилось, и рано или поздно я с этим справлюсь. Все внутри меня распадается. Мне это уже надоело.

— У тебя рак? — прошептала она.

— Наверное, ты права.

— Так иди к доктору, ложись в больницу...

— Это рак души...

— Ну, ты и загнул. По-моему, ты просто слишком сосредоточен на самом себе.

— Может быть и так, — сказал он. — В любом случае, это не имеет никакого значения. Так или иначе, костер уже сложен — осталось только поднести спичку. То, что должно случиться, обязательно произойдет, и от этого не уйти. Единственное, что меня беспокоит, это ощущение, которое появляется у меня время от времени: будто я — персонаж в книге какого-то второразрядного писателя, и он уже заранее решил, что должно случиться и почему. Так даже проще смотреть на вещи — не стоит возлагать ответственность на Бога. В конце концов, что Он для меня сделал? Нет, это все плохой писатель, это он виноват. Он написал в своей книжонке, что у моего сына была опухоль мозга, и мой сын умер. Это было в первой главе. А кончу я жизнь самоубийством или нет, это выяснится только перед самым эпилогом. Глупейшая история.

— Послушай, — сказала она обеспокоенно. — Если у вас в городе есть служба психологической помощи по телефону, то, может быть, тебе имеет смысл...

— Они ничем не могут мне помочь, — сказал он. — Впрочем, это все неважно. Я хочу помочь тебе. Ради Бога, оглянись хорошенько вокруг себя, прежде чем сбежать оттуда. Брось наркотики, ты сама говорила, что собираешься бросить. В следующий раз, когда ты оглянешься вокруг себя, тебе будет уже сорок, и выбор будет не особо богатым.

— Нет, здесь я не могу оставаться. Только не в этом городе.

— Все города будут для тебя одинаковыми, если ничего не изменится внутри тебя. Если ты чувствуешь себя дерьмом, то и все вокруг кажется тебе дерьмом. Уж я-то это знаю. Заголовки газет, даже объявления, которые я читаю по дороге, — все говорит мне: это верное решение,

Джорджи, вынь штепсель из розетки, и все будет в порядке.

— Послушай...

— Нет, это ты послушай. И советую тебе быть повнимательнее. Стареть — это все равно что ехать на машине по снегу, который с каждой минутой становится все глубже и глубже. А когда ты погружаешься в него по колеса, то начинаешь просто буксовать на месте. Это и есть жизнь. И никакие снегоочистители не придут к тебе на помощь. И корабль никогда не приплывет за тобой. И спасательных шлюпок нет ни для кого. И ты никогда не выиграешь. Тебя не будет снимать оператор, и не найдется никого, кто следил бы за твоей борьбой. Это и есть жизнь. Только это. И больше ничего.

— Ты не знаешь, на что похоже это место! — закричала она в трубку.

— Нет, но зато я знаю, на что похоже *это* место.

— Не надо опекать меня. Ты за мою жизнь не отвечаешь.

— Я пошлю тебе пятьсот долларов — Оливии Бреннер, главпочтамт, до востребования, Лас-Вегас.

— Меня здесь уже не будет. Так что деньги вернутся к тебе назад.

— Не вернутся. Потому что я не укажу обратный адрес.

— Тогда проще тебе выбросить эти деньги прямо сейчас.

— Прими эти деньги и постарайся найти работу получше.

— Нет.

— Тогда подотри ими задницу, — отрезал он и повесил трубку. Руки его тряслись.

Через пять минут телефон снова зазвонил. В трубке раздался голос телефонистки:

— Готовы ли вы...

— Нет, — ответил он и повесил трубку.

В тот день телефон звонил еще дважды, но ни в первый, ни во второй раз это была не Оливия.

Около двух часов дня Мэри позвонила ему из дома Боба и Джэнет Престон. Боб и Джэнет. Они всегда напоминали ему Барни и Уилму Флинтстоунов. Как он поживает? Хорошо. Ложь. Что он делает на Рождество? Пойдет в ресторан и съест рождественскую индейку. Ложь чистойшей воды. А как насчет того, чтобы присоединиться к ним? У Джэнет еще полно угощения, и она была бы очень ему благодарна, если бы он помог ей от него избавиться. Нет, в настоящий момент он не голоден. Правда.

Он уже успел прилично заложить за воротник и, поддавшись инерции разговора, пообещал ей, что пойдет на вечеринку Уолтера. Похоже, это ее обрадовало. Знает ли он, что Уолтер сказал приходить со своей бутылкой? А разве Уолтер Хэмнер поступал иначе хоть раз в жизни? — спросил он, и она рассмеялась. Они распрощались, и он снова уселся перед телевизором со стаканом в руке.

Телефон снова позвонил около половины восьмого, и к тому времени он уже был пьян в стельку.

— Аллоу?

— Доуз?

— Доз слушит, кто гаврит?

— Это Мальоре, Доуз. Сэл Мальоре.

Он моргнул и уставился в свой стакан. Потом он посмотрел на телевизор, по которому шел фильм под названием «Домой на каникулы». Это был фильм о семье, которая собралась под Рождество в доме старого умирающего патриарха, и кто-то убивал ее членов одного за другим. Очень рождественская история.

— Мистер Мальоре, — сказал он, стараясь произносить слова как можно отчетливее. — Желаю вам счастливого Рождества. Удачи в новом году.

— Ох, если бы ты только знал, как я боюсь семьдесят четвертого года, — скорбно произнес Мальоре. — В этом году нефтяные магнаты окончательно подомнут под себя страну. Вот увидишь, Доуз. А если ты мне не веришь, то

посмотри на список моих продаж за декабрь. Я тут продал на днях «Шевроле Импала» — машина чистая, как платье школьницы, и знаешь, за сколько я ее отдал? За тысячу зеленых! Ты можешь в это поверить? За один год цены упали на сорок пять процентов. Но зато я могу продать сколько угодно «Веги» семьдесят первого года выпуска за пятнадцать, а то и за шестнадцать сотен. А что это за машины, я тебя спрашиваю?

— Небольшие? — спросил он осторожно.

— Небольшие! Ха! Да это просто жестянки из-под «Максвелла», вот что это такое! — заорал Мальоре. — Жестянки на колесах! Если посмотреть на такую попристальнее и прикрикнуть, то или двигатель заглохнет, или глушитель отлетит, или рулевая колонка выйдет из строя. «Пинто», «Веги», «Гремлины» — все это одно и то же дерьмо, маленькие коробки для самоубийц. Так вот, я продаю это дерьмо, как горячие пирожки, а отличное «Шевроле Импала» я могу отдать только задаром. А ты еще желаешь мне удачи в новом году. Господь Иисус Христос! Пресвятая Дева Мария! Плотник Иосиф! Да что же это делается!

— Это временно, — сказал он.

— Ладно, я все равно не за этим позвонил, — сказал Мальоре — Я позвонил, чтобы принести свои поздравления.

— Проздра... поздравре... проздравления? — Он был искренне удивлен.

— Ну да! Ба-баах та-ра-рах!!!

— Ах, вы хотите сказать...

— Тссс! Не по телефону. Поосторожнее, Доуз.

— Хорошо. Ба-бах та-ра-рах. Звучит неплохо. — Он издал короткий смешок.

— Ведь это был ты, Доуз?

— У ваших догадок есть определенные основания, — осторожно сказал он.

— Молодчага, Доуз! — завопил Мальоре. — Ты просто молодчага! Конечно, у тебя поехала крыша, но башка у тебя умная. Я тобой восхищаюсь.

— Спасибо, — сказал он и допил оставшийся в стакане коктейль.

— А еще я хотел сказать тебе, что у них все идет по расписанию. Строят себе и строят. Только пыль летит.

— *Что?*

Стакан выпал у него из рук и покатился по ковру.

— Они потеряют на этом не больше нескольких секунд, это я тебе гарантирую. Пока не восстановлены бухгалтерские книги, они платят наличными. Так что все идет по плану.

— Вы с ума сошли!

— Нет. А я думал, что ты знаешь. Я ведь говорил тебе, Доуз, есть вещи, которые нельзя остановить.

— Ты ублюдок! Ты лжешь! Какого хрена ты звонишь людям на Рождество и вешаешь им лапшу на уши?

— Я не лгу. Снова твой ход, Доуз. В этой игре всегда будет твой ход.

— Я тебе не верю.

— Ах ты бедный сукин сын, — сказал Мальоре. — В голосе его звучала настоящая жалость, и это было хуже всего. — Похоже, для тебя новый год тоже не окажется счастливым. — Он повесил трубку.

Это было на Рождество.

26 декабря, 1973

Пришло еще одно письмо от *них* (он начал представлять этих безымянных людей из городского совета именно так, в качестве личного местоимения третьего лица множественного числа, напечатанного кровоточащими, зловещими буквами, словно название фильма ужасов на афише), словно в подтверждение того, что сказал Мальоре.

Он держал его в руке, глядя на твердый белый конверт для деловой переписки, и душа его была переполнена всеми неприятными чувствами, которые только может испытывать человек: отчаянием, ненавистью, страхом, гневом, тоской. Он чуть было не разорвал его в клочки и не выбросил в снег рядом с домом, но понял, что не может этого сделать. Он вскрыл письмо, разорвав конверт чуть ли не пополам, и понял, что самое сильное его чувство — это чувство обманутого человека. Его надули. Его обвели вокруг пальца, как последнего мальчишку. Он уничтожил их машины и их записи, но на месте отрубленных щупалец выросли новые. Это все равно что сражаться в одиночку со всей китайской армией.

Снова твой ход, Доуз. В этой игре всегда будет твой ход.

Еще в почте было несколько извещений от дорожного управления. *Дорогой Друг! Очень скоро к твоему дому подъедет очень большой кран. Будь внимателен, не пропусти того момента, когда мы сделаем еще один*

шаг на пути к совершенствованию нашего любимого города.

Но это письмо было от городского совета, и оно было адресовано лично ему.

20-ого декабря, 1973

М-ру Бартону Джорджу Доузу
1241, улица Крестоллин, Запад

Дорогой мистер Доуз!

Нам стало известно, что вы являетесь последним жителем улицы Крестоллин, Запад, который до сих пор не переехал на новое место. Надеемся, что у вас не возникло никаких проблем в связи с предстоящим переездом. Напоминаем вам, что хотя мы получили от вас форму №19642-А (подтверждение о получении информации по поводу проекта управления дорожного строительства №6983-426-73-74-Эйч Си), мы до сих пор не получили от вас заполненное уведомление о переезде (форма №6983-426-73-74-ЭйчСи-9004, голубая обложка). Как вам должно быть известно, мы не можем выдать вам чек для получения компенсации, не имея этой формы. Судя по информации от налоговой службы за 1973 год, стоимость дома за номером 1241 по улице Крестоллин, Запад, оценена в шестьдесят три тысячи пятьсот долларов. Мы уверены, что вы осознаете неотложный характер сложившейся ситуации в той же степени, что и мы. По закону, вы должны переехать до двадцатого января тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, то есть до того числа, на которое назначено начало сноса домов по улице Крестоллин, Запад.

Мы также считаем необходимым уведомить вас о том, что в соответствии с законодательным актом о суверен-

ном праве государства отчуждать частную собственность за компенсацию (свод законов, 19452-36) вы нарушите закон, если останетесь в доме №1241 по улице Крестоллин, Запад, после двадцати четырех часов девятнадцатого января тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. Мы уверены, что вы это прекрасно понимаете, но считаем своим долгом обратить на это ваше внимание, чтобы окончательно прояснить ситуацию.

Если у вас возникли какие-либо проблемы с переездом, мы просим вас позвонить нам в рабочее время, а еще лучше зайти в Городской Совет и обсудить создавшуюся ситуацию. Мы абсолютно уверены, что все проблемы могут быть решены. Вы найдете нас более чем готовыми к сотрудничеству. В ожидании ответа позвольте пожелать вам счастливого Рождества и плодотворного нового года.

С наилучшими пожеланиями,
По поручению Городского Совета

ДжейТиДжи/ТиКей

— Нет, я вам не позволю, — пробормотал он себе под нос. — Я вам не позволю ничего мне желать. — Он разорвал письмо в клочки и выбросил обрывки в мусорное ведро.

В ту ночь, сидя перед телевизором, он неожиданно для себя самого, погрузился в воспоминания о том дне, когда он и Мэри узнали о том, что Господь Бог решил провести кое-какие дорожные работы в голове у их сына Чарли. Было это почти сорок два месяца назад.

Фамилия доктора была Юнгер. Вслед за ней на его обрамленных в рамку дипломах, развешанных на обитых толстыми деревянными панелями стенах его кабинета, шла длинная цепь букв с точками, но он понял лишь одно: Юнгер был невропатологом, специалистом по болезням головного мозга.

Он и Мэри пришли к нему по просьбе самого Юнгера теплым июньским днем спустя девятнадцать дней после того, как Чарли положили в больницу. Он был симпатичным человеком лет сорока пяти, в хорошей физической форме благодаря регулярной игре в гольф. У него был сильный загар темного, дубленого оттенка. Руки доктора буквально заворожили его. Они были огромными и казались неуклюжими, но движения их (они плясали по столу, то подхватывая ручку, то пролистывая журнал предварительной записи, то лениво пробегая по гладкой поверхности инкрустированного серебром пресса для бумаг) отличала проворная грация, в которой было что-то отталкивающее.

— У вашего сына опухоль мозга, — сказал он. Он говорил ровно, почти без модуляций, но его глаза внимательно наблюдали за ними, словно он только что поджег бикфордов шнур мощной бомбы.

— Опухоль, — тихо и бессмысленно повторила Мэри.

— Насколько это опасно? — спросил он у Юнгера.

Болезнь проявилась за последние восемь месяцев. Сначала были головные боли — редкие, потом более частые. Потом в глазах у Чарли стало двоиться — в особенности, после физических нагрузок. Потом — Чарли очень стыдился этого — он несколько раз мочился во сне. Но лишь когда временная слепота поразила левый глаз Чарли, покрасневший, словно закатное солнце, и утративший свой природный голубой цвет, они отвели его к семейному врачу. Семейный врач направил его на обследование. Вскоре появились и другие симптомы: фантомные запахи апельсинов и карандашных очисток, временные потери чувствительности левой руки, неожиданные помрачения рассудка, во время которых Чарли то начинал нести околесицу, то раздражался детскими непристойностями.

— Очень опасно, — сказал Юнгер. — Вы должны подготовиться к самому худшему. Опухоль неоперабельна.

Неоперабельна.

Это слово до сих пор эхом отдавалось у него в ушах. Он никогда не подозревал о том, что у слов бывает вкус. У этого слова был вкус — неприятный и влажный, словно у недожаренного протухшего гамбургера.

Неоперабельна.

Юнгер сказал, что где-то в мозгу у Чарли есть колония злокачественных клеток размером примерно с грецкий орех. Если бы этот орех лежал перед вами на столе, вы могли бы расплющить его одним ударом кулака. Но он был не на столе. Он въелся глубоко в мозг Чарли, продолжая разрастаться с каждым днем и наполняя его непредсказуемой странностью.

Однажды он навещал сына в больнице во время рабочего перерыва — было это всего лишь через несколько дней после его госпитализации. Они разговаривали о бейсболе — обсуждали, смогут ли они поехать на серию плэй-офф Американской бейсбольной лиги, если местная команда туда пробьется.

Чарли сказал:

— Я думаю, что если их подающие ммммммммм ммммм ммммммм подающие будут держаться ммммммммммм ннн ммммммммм подающие ммммммм...

Он подался вперед. — Что-что, Фред? Я не понял, что ты сказал.

Глаза Чарли дико выкатились.

— Фред? — прошептал Джордж. — Фредди?

— *Ах ты чертова распрогребанная засранная вшивая вонючая нннннн манда!* — закричал его сын, метаясь на чистой госпитальной постели. — *Жополизный клиторососный говноедный мандавошный сукин сын!*

— *Сестра!* — закричал он в тот самый момент, когда Чарли потерял сознание. — *О, Господи, СЕСТРА!*

Это все из-за злокачественных клеток. Из-за них он говорил такие вещи. Маленькая колония злокачественных клеток, никак не больше, скажем, к примеру, грецкого ореха средней величины. Сестра рассказала ему, что однажды он непрерывно выкрикивал слово афера на протяжении пяти минут. Понимаете, все дело в этих

клетках. Собственно говоря, и размером-то они с садовую разновидность грецкого ореха. А из-за них его сын бредит, словно сошедший с ума портовый грузчик, из-за них он мочится в постель, из-за них у него постоянно болит голова, из-за них — как в первую жаркую неделю июля — он полностью теряет способность шевелить левой рукой.

— Посмотрите, — сказал им доктор Юнгер в этот яркий, словно специально для гольфа созданный день. Он развернул большой рулон бумаги с электроэнцефаллограммой мозга их сына. Для сравнения он показал им кривые, которые вычерчивает прибор, подсоединенный к здоровому мозгу. Но ему не нужно было сравнивать. Он посмотрел на то, что происходило в мозгу его единственного сына, и снова ощутил во рту этот гнилой, влажный привкус. На бумаге были вычерчены беспорядочные горные пики и узкие долины. Все это напоминало нарисованные ребенком кинжалы.

Неоперабельна.

Видите ли, если бы эта колония злокачественных клеток, не больше грецкого ореха, выросла на внешней поверхности мозга Чарли, то с помощью небольшой и абсолютно безболезненной хирургической операции ее можно было бы немедленно удалить, без особых усилий. Но вместо этого опухоль развилась в глубине мозга и разрасталась с каждым днем. Если они применяют скальпель, лазерный луч или криохирургию, то вместо ребенка после операции проснется симпатичный, здоровый и полный жизненных сил кусок мяса. Если они не предпримут хирургического вмешательства, то очень скоро Чарли умрет.

Доктор Юнгер сообщал им всю эту информацию в форме утверждений общего характера, прикрывая всю безнадежность ситуации успокаивающим языком медицинских терминов. Мэри покачивала головой, словно не веря словам доктора, но он сразу же понял все, со всей точностью и полнотой. Его первая мысль, яркая, отчетливая и непростительная, была: *Слава Тебе, Господи, что*

это случилось не со мной. Потом во рту снова появился этот странный привкус, и он почувствовал, как горе захлестывает его.

Сегодня грецкий орех, а завтра — весь мир. Ползучая неизбежность. Невероятная, неправдоподобная смерть сына. Что тут можно было понять?

Чарли умер в октябре. Не было никаких драматических предсмертных слов. Он был в коме последние три недели.

Он вздохнул и отправился на кухню, чтобы сделать себе еще один коктейль. Темная ночь прижалась к стеклам. Без Мэри дом казался таким пустым. Он постоянно спотыкался о маленькие частицы самого себя, разбросанные по всему дому, — фотографии, старый спортивный костюм в шкафу на верхнем этаже, пара старых тапочек под комодом. Все это было плохо, очень плохо.

После смерти Чарли он ни разу не заплакал, даже на похоронах. Мэри плакала очень много. На протяжении долгих недель глаза ее были красными от слез. Но в конце концов именно ей удалось исцелиться.

Смерть Чарли оставила в душе ее шрамы — это было бы нелепо отрицать. Постороннему человеку могло показаться, что она пострадала куда больше, чем он. Мэри до и после. *До* она пила только в тех случаях, когда считала это необходимым для его успешной карьеры. На вечеринках она обычно брала стакан с апельсиновым соком, лишь слегка приправленным водкой, и так и таскала его с собой весь вечер. Когда ее одолевала простуда, она выпивала перед сном стакан ромового пунша. Вот и все. *После* она выпивала с ним вечером коктейль, когда он не слишком поздно возвращался с работы, и всегда пила перед сном. Упаси Бог, она ни разу не напивалась, не начинала скандалить и кричать, но все-таки пила больше, чем раньше. Просто способ самозащиты. Без сомнения, именно это и посоветовал бы ей доктор. Раньше она редко плакала по пустякам. Теперь она стала плакать по поводу любой неприятности, всегда в одиночестве. Она плакала, если подгорал обед. Если у

туфли отваливался каблук. Она плакала, когда вода заливала подвал, когда замерзал выгребной насос, когда ломалось отопление. Раньше она была большой любительницей музыки в стиле фолк — белый фолк и блюзы, Ван Ронк, Гэри Дэвис, Том Раш, Том Пэкстон, Спайдер Джон Коэрнер. После ее интерес к музыке совершенно угас, словно теперь в мозгу у нее звучали свои собственные блюзы, которые не слышал никто, кроме нее. Она перестала говорить о поездке в Англию, которую они предпримут, если он получит повышение по службе. Она перестала ходить в парикмахерскую и стала делать прическу дома: часто ее можно было видеть в бигудях перед телевизором. Именно ей сочувствовали их друзья — и это было только справедливо, как ему казалось. Он и сам хотел сочувствия и жалел самого себя, но делал это в тайне, никому не показывая. Она оказалась способной нуждаться в утешении и именно поэтому смогла использовать то утешение, которое ей предоставили. В конце концов именно это ее и спасло. Это избавило ее от ужасных мыслей, которые так часто не давали ему заснуть, в то время как выпитая доза спиртного помогала ей погрузиться в сон. А пока она спала, он размышлял о том, что в этом мире колония злокачественных клеток не больше грецкого ореха способна отнять жизнь у сына и навсегда разлучить его с отцом.

Он никогда не ненавидел ее за то, что она исцелилась, или за то сочувствие, которым окружили ее знакомые женщины. Они смотрели на нее, словно молодой нефтяник на старого ветерана, рука, спина или щека которого морщинится розовой, обожженной некогда тканью, — с тем уважением, которое ни разу не пострадавший всегда испытывает к пострадавшему и исцелившемуся. Она отбыла свой срок в аду после смерти Чарли, и эти женщины знали об этом. Но она вышла на свободу. У нее было До, у нее был Ад, у нее было После и даже После-После, когда она восстановила свое членство в двух из четырех женских клубов, увлеклась макраме (у него был ремень, сделанный ею около года назад, — красивый плетеный

ремень с тяжелой серебряной пряжкой, на которой была выгравирована монограмма БДЖД) и снова стала днем смотреть телевизор — мыльные оперы и болтовню Мерва Гриффина со знаменитостями.

Интересно, какой этап наступил сейчас? — подумал он по дороге в гостиную. После-После-После? Новая женщина, цельная личность, поднявшаяся из пепла, который он так грубо расшевелил. Старый нефтяник, которому сделали операцию по пересадке кожи, — сохранивший старый опыт, но приобретший новый облик. Красота толщиной с кожный покров? Нет, красота скрывается во взгляде зрителя. Она может простираться и на мили.

У него все шрамы были внутри. Он изучал свои раны одну за одной в долгие бессонные ночи после смерти Чарли, рассматривал каждую из них в отдельности с болезненной зачарованностью человека, который разглядывает свои испражнения в поисках кровавых выделений. Он хотел смотреть за игрой Чарли в детской бейсбольной команде Лиги. Он хотел держать в руках его табель успеваемости и читать его вслух. Он хотел повторять ему изо дня в день, что он должен убирать свою комнату. Он хотел беспокоиться о девочках, с которыми встречался Чарли, о друзьях, которых он выбирал, о его внутреннем состоянии и настроении. Он хотел наблюдать за тем, как его сын растет, хотел проверить, могут ли они по-прежнему любить друг друга, как они любили друг друга до того, как злокачественная опухоль размером не больше грецкого ореха встала между ними, словно какая-то злая и хищная женщина.

— *Он был твой*, — сказала Мэри.

Это было правдой. Они настолько подходили друг другу, что им не нужны были ни имена, ни даже местоимения. Поэтому они и превратились в Джорджа-и-Фреда, водевильную комбинацию двух эксцентриков, противостоящих всему миру.

И если злокачественная опухоль размером с грецкий орех способна все это уничтожить, то что же остается человеку? Как может он снова довериться жизни?

Все это копилось внутри него, но он даже не подозревал о том, что эти мысли меняют его так глубоко, так необратимо. А теперь все это выплеснулось из него, словно отвратительная блевотина на кофейный столик. И если мир представляет собой лишь гонки на выживание, то кто осудит его, если он выйдет из борьбы? Но что дальше? Похоже, жизнь — это всего лишь подготовка к аду.

Бросив взгляд в стакан, он понял, что выпил его еще на кухне.

31 декабря, 1973

В двух кварталах от дома Уолли Хэмнера он пошарил в кармане пальто в поисках мятных лепешек. Мятных лепешек там не оказалось, но он достал крошечный квадратик алюминиевой фольги, тускло сверкнувший в зеленом свете приборной доски. Он оглядел пакетик озадаченным, отсутствующим взглядом и был уже готов швырнуть его в пепельницу, но внезапно вспомнил, что это такое.

В его памяти зазвучал голос Оливии: *Синтетический мескалин. Его еще называют продукт №4. Очень сильный наркотик. Он совсем о нем забыл.*

Он положил маленький пакетик обратно в карман пальто и повернул на улицу Уолтера. На полквартала вперед обе стороны были заставлены машинами. Это было вполне в духе Уолтера. Свой принцип устройства вечеринок он называл Принципом Принудительного Удовольствия. Он утверждал, что когда-нибудь запатентует свою идею и опубликует инструкции по ее правильному применению. По утверждениям Уолли Хэмнера, если вы соберете в одном месте достаточное количество людей, то вы неизбежно хорошо проведете время — вас просто вынудят к этому. Однажды, когда Уолли в очередной раз развивал свою идею за стаканчиком виски в баре, он напомнил ему о толпах, вершащих суд Линча. — Вот видишь, — покровительственно сказал Уолтер, — ты сам представил еще одно доказательство моей теории.

Он подумал о том, что сейчас может делать Оливия. Она не пыталась дозвониться до него еще раз, хотя, вполне возможно, он сдался бы и поговорил с ней. Может быть, она останется в Лас-Вегасе до тех пор, пока не придут деньги, а потом купит себе билет на автобус и уедет... куда? В Мэн? Разве придет кому-нибудь в голову ехать из Лас-Вегаса в Мэн посреди зимы? Разумеется, нет.

Его еще называют продукт №4. Очень_сильный наркотик.

Он поставил микроавтобус у обочины сразу же за красной спортивной «ДжиТиЭкс» с черной гоночной полосой и вышел из машины. Вечер был ясный и жутко холодный. Хрупкая скорлупа луны висела над головой, словно елочная игрушка. Вокруг в изобилии сверкали звезды. Его дыхание клубилось в морозном воздухе.

В трех домах от Уолтера он услышал музыку. Похоже, веселье уже шло на полную катушку. Все-таки в вечеринках Уолли было что-то особенное, хотя неизвестно, играл ли в этом роль Принцип Принудительного Удовольствия или нет. Люди, собиравшиеся уйти пораньше или заявлявшие, что забежали только на одну минутку, в конце концов оставались и напивались до такого состояния, когда в голове у них начинали звонить серебряные колокольчики, превращавшиеся по утрам в тяжеленные церковные колокола. Самые завзятые ненавистники рок-музыки, напившись до такого состояния, когда шестой и даже седьмой десяток кажутся самой золотой порой жизни, принимались танцевать буги в гостиной. Они пили и танцевали, танцевали и пили, пока не падали замертво на какой-нибудь вовремя подвернувшийся диван. Ни на каких других вечеринках не бывало столько кухонных поцелуев между разделившимися половинками различных брачных союзов, столько скромников и скромниц, внезапно ощутивших вкус к веселью, столько трезвенников, просыпавшихся первого января в страшном похмелье и с ужасающе ясными воспоминаниями о том, как они танцевали с

абажурами на голове или приводили в исполнение отчаянное решение сказать своему боссу пару суровых, но справедливых слов. Именно Уолли вдохновлял людей на все эти бесчинства, но не сознательными усилиями, а просто будучи самим собой. И уж, конечно, ни одна вечеринка у Уолли не проходила так бурно, как новогодняя.

Он машинально оглядел оба ряда машин в поисках бутылочно-зеленой «Дельты-88» Стивена Орднера, но ее не было видно.

Когда он подошел ближе к дому, ему стали слышны не только низкие частоты, но и вся мелодия. Раздался душераздирающий вопль Мика Джэггера:

*Оооооо, дети —
Это прощальный поцелуй,
Всего один прощальный поцелуй...*

Все окна были ярко освещены — ну его в задницу, этот энергетический кризис. Темнели лишь окна гостиной — чтобы люди не чувствовали себя стесненными во время медленных танцев и смело могли засовывать руку в пах партнеру. Даже сквозь мощное звучание прогнанной через усилитель музыки он различал сотню голосов, оживленно участвующих в пятидесяти разговорах, словно Вавилонская башня упала всего лишь несколько секунд назад.

Ему пришло в голову, что будь сейчас лето или даже осень, было бы, пожалуй, еще забавнее остаться на улице и следить за этим балаганом по доносящимся звукам, выстраивая график веселья, отмечая его кульминацию и неизбежный упадок. Неожиданно в голове его возник ошеломляющий, пугающий образ: он стоит на лужайке перед домом Уолтера Хэмнера со свитком электроэнцефаллограммы в руках и разглядывает беспорядочные пики и спады мозга, принимающего участие в какой-то безумной вечеринке. Он пожегся и засунул руки в карманы, чтобы хоть немного согреть их.

Его правая рука снова натолкнулась на маленький пакетик, и он вынул его из кармана. Заинтересовавшись, он развернул его, не обращая внимания на холод, вгрызавшийся тупыми зубами в кончики его пальцев. Внутри оказалась маленькая темно-красная таблетка, которая вполне могла бы уместиться на ногте его мизинца. Она была гораздо меньше, нежели, к примеру, грецкий орех. Неужели такая маленькая штучка может повергнуть его во временное безумие, заставить его видеть то, чего на самом деле нет, и думать так, как он никогда в жизни не думал? Неужели она может воссоздать на какое-то время смертельную болезнь его сына?

Небрежно, с отсутствующим видом он положил таблетку на язык. Вкуса не чувствовалось. Он проглотил ее, так ничего и не почувствовав.

— *Барт!* — воскликнула женщина. — *БАРТ ДО-УЗ!* — На женщине было черное открытое вечернее платье. В руке она держала бокал мартини. У нее были темные волосы, убранные ради такого случая и перевязанные сверкающей ленточкой, усыпанной фальшивыми бриллиантами.

Он вошел в дом через кухонную дверь. Кухня была забита людьми, так что шагу нельзя было ступить, не отдавив кому-нибудь ногу. Было только половина девятого. Стало быть, Эффект Отлива еще не заработал в полную силу. Эффект Отлива был еще одной составной частью уолтеровской теории вечеринок. По его словам, по ходу вечеринки люди рассредотачиваются по углам дома. «Центр рушится, — говорил Уолли, хитровато моргая. — Сам Томас Эллиот об этом говорил». Как-то раз, если верить Уолли, спустя восемнадцать часов после окончания вечеринки он обнаружил одного из гостей бесцельно бродящим по чердаку.

Женщина в черном платье жарко поцеловала его в губы, тесно прижавшись к нему своей обширной грудью. Часть ее мартини пролилось между ними на пол.

— Привет, — сказал он. — Ты кто?

— Тина *Ховард*, Барт. Неужели ты не помнишь, как наш класс ездил на экскурсию? — Она погрозила ему пальцем. — Ах ты противный мальчишка!

— Та самая Тина? Господи, это действительно ты! — По лицу его расплылась удивленная улыбка. В этом была еще одна отличительная черта уолтеровских вечеринок: люди из прошлого непрерывно мелькали перед тобой, словно ты листал альбом со старыми фотографиями. Парень из твоего квартала, с которым вы были лучшими друзьями тридцать лет назад, девушка, с которой вы чуть было не переспали в колледже, человек, с которым ты проработал один месяц на летних работах восемнадцать лет назад.

— Но сейчас я Тина Ховард Уоллес, — сказала женщина в черном платье. — Мой муж здесь рядом... где-то здесь... — Она рассеянно оглянулась, пролила еще немного мартини из бокала и допила остатки, пока их не постигла та же судьба. — УЖАС-то какой — нигде не вижу своего мужа. Похоже, я его где-то потеряла.

Она посмотрела на него теплым, пристальным взглядом, и Барт едва мог поверить в то, что эта женщина подарила ему возможность впервые прикоснуться к женской плоти. После второго года обучения в средней школе Гровер в Кливленде их отправили всем классом на экскурсию. Было это лет сто девять назад. Он до сих пор помнил упругость ее груди под белой хлопчатобумажной блузкой, когда они сидели...

— На берегу Коттеровского ручья, — произнес он вслух.

Она покраснела и захихикала. — Стало быть, ты все помнишь. Вот и хорошо.

Он невольно опустил глаза на вырез ее платья, и она взвизгнула от хохота. Он снова расплылся в беспомощной ухмылке. — Да, похоже, время летит быстрее, чем мы...

— Барт! — завопил Уолли Хэмнер, заглушая общий гул. — Привет, старина, я безумно рад, что ты все-таки смог прийти.

Он направился к`ним через всю комнату, причем траектория его представляла собой Специальный Зигзаг Уолтера Хэмнера, который также должен был быть запатентован на правах составной части Общей Теории Вечеринок. Это был худой, почти лысый человек в безупречной полосатой рубашке образца шестьдесят второго года и в очках с роговой оправой. Он пожал протянутую руку Уолтера. Насколько он мог вспомнить, рукопожатие Уолтера не стало менее сильным, чем в предыдущие годы.

— Я вижу, ты знаком с Тиной Уоллес, — сказал Уолтер.

— Да, давно это было, — сказал он и неуверенно улыбнулся Тине.

— Только не рассказывай об этом моему мужу, ты, противный мальчишка, — хихикнула Тина. — А сейчас извините меня, пожалуйста. Мы еще увидимся с тобой попозже и поговорим, ладно, Барт?

— Конечно, — сказал он.

Она затесалась в толпу людей, собравшихся вокруг стола с угощением, а потом двинулась в гостиную. Он кивнул ей вслед и спросил:

— Откуда ты их берешь, Уолтер? Это была первая девушка в моей жизни, которую я облапал. Как будто смотришь фильм про свою жизнь.

Уолтер скромно пожал плечами. — Видишь ли, Бартон, мальчик мой. Все это входит в Принцип Принудительного Удовольствия. — Он кивнул на бумажный пакет у него под мышкой. — Что у тебя в этом коричневом свертке?

— «Южное Утешение». У тебя ведь найдется бутылочка «Севен-Ап»?

— Разумеется, — ответил Уолтер и скорчил недовольную физиономию. — Неужели ты действительно собираешься пить эту гадость? Я-то всегда был уверен, что ты предпочитаешь скотч.

— Я люблю только один напиток — «Южное Утешение» и «Севен-Ап». Просто раньше я скрывал это, а теперь я вышел из подполья.

Уолтер усмехнулся. — Мэри была где-то здесь. Похоже, она тебя высматривала. Так что давай, налей себе выпить, и мы отправимся на ее поиски.

— Отлично.

Он двинулся через кухню, приветствуя людей, вид которых был ему смутно знаком и которые смотрели на него так, будто видели его в первый раз в жизни, и отвечая на приветствия радостно кидавшихся ему на шею незнакомцев. Под потолком сгустились величественные клубы сигаретного дыма. До него доносились обрывки разных разговоров, словно кто-то быстро крутил ручку настройки радиоприемника.

...У Фредди и у Джима не было при себе графиков работы и тогда я

...сказал, что его мать умерла совсем недавно, и если он выпьет слишком много, то вполне может разнужиться

...так вот, когда он снял верхний слой краски, стало ясно, что это очень талантливая картина, может быть, даже дореволюционного периода

...а этот маленький жидыра подошел к дверям и стал предлагать купить свои энциклопедии

...в полной заднице. Он не дает ей развода из-за детей, а пьет он, как последний

...удивительно симпатичный костюм

...и там было столько выпивки, что он нажрался и сблеванул прямо на платье официантке.

Напротив плиты и раковины стоял длинный стол с пластиковой крышкой, уставленный открытыми бутылками и множеством стаканов разных размеров и в разной степени наполненности. Пепельницы уже вмещали окурков. В раковине стояло три ведерка с кубиками льда. Над плитой висел большой плакат с изображением Ричарда Никсона в наушниках. Шнур от наушников исчезал в заднем проходе осла, стоявшего у самого края плаката. Надпись гласила:

СЛУШАЕМ ВНИМАТЕЛЬНО!

Слева по ходу человек в мешковатых брюках с подвязанными внизу колокольчиками, в каждой руке у которого было по дозе спиртного (стакан для воды, наполненный жидкостью, подозрительно смахивавшей на виски, и большая глиняная кружка пива) развлекал анекдотом группу сгрудившихся вокруг него людей.

— Так вот, этот парень приходит в бар, садится за стойку, а на соседнем с ним стульчике сидит обезьяна. Парень заказывает себе одно пиво, а когда бармен приносит пиво, парень спрашивает: А чья это обезьяна? Симпатичная сучка. А бармен ему и отвечает: Это обезьяна нашего пианиста. Тогда парень разворачивается...

Он приготовил себе коктейль и огляделся в поисках Уолта, но тот пошел к дверям, чтобы встретить новоприбывших гостей — молодую супружескую пару. На мужчине был надет большой водительский шлем, очки-консервы и старомодный автомобильный пыльник. Спереди на пыльнике было написано:

НЕ ВЫПУСКАЙ БАРАНКУ ИЗ РУК!

Несколько человек исступленно расхохотались, а Уолтер едва ли не завыл от смеха. В чем бы ни состояла эта шутка, похоже, она была понятна только избранным.

— ... и тогда этот парень подходит к пианисту и говорит: Вы знаете, ваша обезьяна нассала мне в пиво. А пианист отвечает: Нет, не знаю, но напойте несколько тактов, и я попробую сыграть.

Раздался взрыв не очень дружного, принужденного смеха. Парень в мешковатых брюках с колокольчиками отхлебнул виски и запил его пивом.

Он взял свой стакан и направился в едва освещенную гостиную, скользнув за спиной у Тины Ховард Уоллес, пока она не заметила его и не навязала ему бесконечную игру в расспросы и воспоминания. Она была похожа на тот сорт людей, которые могут цитировать целыми гла-

вами жизнь одноклассников, кончивших не лучшим образом (разводы, нервные срывы, преступления — вот что особенно привлекает внимание таких людей), и ни словом не упомянут тех, кто достиг успеха.

Кто-то поставил неизбежный альбом рок-н-роллов пятидесятых годов, и пар пятнадцать дергались под музыку — самозабвенно, но не слишком изящно. Он увидел Мэри, которая танцевала с худым стройным мужчиной. Он знал этого человека, но никак не мог вспомнить, кто он и как его зовут. Джек? Джон? Джейсон? Он помотал головой. Имя так и не вспомнилось. На Мэри было вечернее платье, которое он до этого ни разу не видел. Сбоку оно застегивалось на пуговицы, и достаточное их число было незастегнуто, образуя сексуальный разрез, поднимающийся чуть выше обтянутого нейлоном колена. Он стоял и смотрел на нее, ожидая, что в груди проснутся какие-нибудь сильные чувства — ревность, тоска, желание, — но ни одно из них так и не появилось. Он отхлебнул свой коктейль.

Она обернулась и заметила его. Он приветственно помахал ей жестом показывая, чтобы она продолжала танцевать, но она двинулась к нему, приведя за собой своего партнера.

— Я так рада, что ты смог прийти, Барт, — сказала она, повышая голос, чтобы быть услышанной сквозь смех, гудение разговоров и музыку. — Скажи, ты помнишь Дика Джексона?

Барт протянул руку, и стройный мужчина пожал ее. — Вы со своей женой жили на нашей улице пять... нет, семь лет назад. Верно?

Джексон кивнул. — Сейчас мы живем в Уилловуде.

Район новой застройки, — подумал он. В последнее время он стал очень чувствителен к географии города.

— Хорошее место. А ты до сих пор работаешь на «Пилс»?

— Нет, теперь у меня свое дело. Два грузовика. Занимаюсь перевозками грузов по трем штатам. Так что смотри, если твоей прачечной понадобится чего-

нибудь привезти — химикаты какие-нибудь, например...

— Я больше не работаю на прачечную, — сказал он и краем глаза заметил, как Мэри болезненно вздрогнула, словно кто-то легонько стукнул ее по месту старого ушиба.

— Вот как? Расскажи, чем ты сейчас занимаешься?

— Пока ничем, — усмехнулся он. — Лучше ты расскажи мне, участвовал ли ты в забастовке владельцев частных грузовиков?

Лицо Джексона, и так уже потемневшее от алкоголя, потемнело еще сильнее. — Ты прав, черт возьми, участвовал. Еще бы не участвовать! Ты знаешь, сколько эти разнесчастные ублюдки из Огайо требуют с нас за дизельное топливо? 31,9! В результате прибыль у меня получается не двенадцать процентов, а всего лишь девять. Не говоря уже об этом чертовом ограничении скорости...

И он принялся распространяться о превратностях владельца частной транспортной фирмы в стране, у которой неожиданно начался тяжелый приступ энергетической кессонной болезни. Барт слушал и поддакивал в подходящих местах, посасывая потихоньку свой коктейль. Мэри извинилась и отправилась на кухню, чтобы раздобыть себе стакан пунша. Человек в автомобильном пыльнике танцевал эксцентрический чарльстон под старую песню братьев Эверли. Все вокруг хохотали и аплодировали.

Жена Джексона, мускулистая женщина с пышной грудью и морковно-рыжими волосами, подошла и была ему представлена. Чувствовалось, что она уже немало выпила и держалась на ногах с некоторым трудом. Взгляд ее был затуманенным и бессмысленным. Она протянула ему руку, улыбнулась стеклянной улыбкой, а потом сказала, обращаясь к Дику Джексону:

— Радость моя, у меня в животе тошнотики. Не знаешь, где здесь ванная?

Джексон увел ее. Он быстро пересек площадку, где шли танцы и сел на один из стульев, стоящих вдоль стены.

Он допил стакан. Мэри что-то не возвращалась. Наверное, кто-то остановил ее и втянул в разговор.

Он полез во внутренний карман, извлек оттуда пачку сигарет и закурил. Теперь он курил только на вечеринках. Это было большим прогрессом по сравнению с недалеким прошлым, когда он был передовым членом раковой бригады «Три пачки в день».

Он выкурил уже половину сигареты, не отрывая глаз от двери, где должна была появиться Мэри. И тут он случайно взглянул на свои пальцы и застыл, пораженный и замороженный открывшимся зрелищем. Удивительно, как это указательный и средний пальцы правой руки знают, как в точности надо держать сигарету? Откуда в них этот ум, эта сообразительность? Словно они курят с рождения.

Мысль оказалась настолько забавной, что он вынужден был улыбнуться.

Ему показалось, что изучение пальцев длилось целую вечность, и он оторвался от него только тогда, когда ощутил, что во рту его появился какой-то новый привкус. Не сказать чтобы плохой, просто новый. Слюна как будто стала гуще. А ноги... ноги слегка подергивались, словно хотели пританцовывать в такт музыке, словно только это могло принести им облегчение и вернуть в нормальное состояние, помочь им снова стать ногами.

Он слегка испугался того, что так обычно начавшаяся мысль вошла в штопор и понеслась в каком-то совсем другом направлении, словно человек, потерявшийся в чужом доме и взбирающийся по высокой *хрррррустальной* лестнице...

Ну вот, опять. Скорее всего, дело в таблетке, в таблетке, которую ему дала Оливия и которую он проглотил перед тем, как сюда прийти, да. Разве не интересный это способ так произносить слово *хрррррустальный*? *Хрррррустальный* — так в этом слове появляется резкое, звенящее напряжение, словно в костюме стриптизерки.

Он хитро улыбнулся и посмотрел на свою сигарету, которая предстала перед ним удивительно *белой*, удиви-

тельно *круглой*, удивительно подходящей для роли символа американского благополучия и богатства. Только у американских сигарет может быть такой приятный вкус. Он сделал затяжку. Бесподобно. Он подумал о всех сигаретах Америки, плывущих по конвейерам табачных фабрик, множество сигарет, бесконечный чистый белый рог изобилия, из которого сыпятся сигареты. Да, это был настоящий мескалин. Он уже начинал улетать. А если бы люди узнали, что он думает о слове *хрустальный* (*хрррррустальный*, если быть точным), то они бы кивнули и покачали бы головами: *Да, он сумасшедший, крыша совсем поехала, это точно*. Крыша поехала — неплохое выражение. Неожиданно он ощутил желание, чтобы рядом оказался Салли Мальоре. Вдвоем — он и одноглазый Сэл — обсудили бы всю структуру мафии, до мельчайших ячеек. Они обсудили бы старых шлюх и перестрелки. Своим мысленным взором он увидел Одноглазого Салли и самого себя в итальянском ресторанчике с темными стенами и изрезанными деревянными столами. Они ели лингвини, а на фонограмме в это время звучала мелодия из «Крестного отца». И все это на замечательной пленке «Кодак», в которую можно погрузиться и плавать там, словно в гидромассажной ванне.

— Хрррррустальный, — произнес он шепотом и улыбнулся. Ему казалось, что он сидит так уже долго-долго, перескакивая с одной мысли на другую, но, посмотрев на сигарету, он с удивлением обнаружил, что пепла на ней не прибавилось. Он пораженно поднес сигарету ко рту и затынулся.

— Барт?

Он поднял взгляд. Это была Мэри, и она принесла для него бутерброд. Он улыбнулся ей. — Садись. Это для меня?

— Да. — Она дала ему бутерброд. Это был маленький треугольный сэндвич с чем-то розовым посередине. Неожиданно он подумал о том, что Мэри придет в ужас, если узнает, что он отправился в наркотическое путешествие. Она может вызвать «скорую помощь», полицию и

Бог знает кого еще. Он должен вести себя, как нормальный человек. Но мысль о том, что он должен вести себя нормально, заставила его почувствовать себя еще более странно.

— Съем позже, — сказал он и положил сэндвич в карман рубашки.

— Барт, ты пьян?

— Совсем чуть-чуть, — сказал он. Он различал все поры на ее лице. Он не мог вспомнить, видел ли он когда-нибудь ее лицо так близко, так осязаемо. Все эти маленькие дырочки — словно Бог был поваром, а она — корочкой пирога. Он хихикнул и, заметив появившееся на ее лице выражение тревоги, сказал шепотом:

— Только никому не говори.

— О чем? — Она удивленно нахмурилась.

— О продукте №4.

— Барт, ради Бога, объясни, что с тобой...

— Мне надо в ванную, — сказал он. — Я скоро вернусь. — Он двинулся к выходу, не оборачиваясь, но ощущая всем телом, как хмурое неодобрение, отразившееся на ее лице, распространяется вокруг, словно жар в микроволновой печи. Если он не оглянется на нее, вполне возможно, что она ни о чем не догадается. В этом лучшем из всех возможных миров возможно все, даже хрррру-стальные лестницы. Он ласково улыбнулся. Слово превратилось в старого друга.

Путешествие к ванной стало своего рода одиссеей, сафари. Гул вечеринки стал пульсировать. Он то нарастал, то утихал, подчиняясь трехсложному стихотворному размеру, и даже звуки музыки стали пульсировать. Он что-то бормотал людям, которых думал, что знал, но наотрез отказывался принимать участие в разговорах, выплевывал брошенные в качестве наживки фразы. Он лишь указывал в направлении паха, улыбался и шел дальше. Интересно, почему на этих вечеринках всегда столько знакомых?

Ванная была занята. Он дожидался, пока она освободится, в течение нескольких часов — во всяком случае,

так ему показалось. Когда же он, наконец, добился своего, помочиться он не смог, хотя вроде бы ему и хотелось. Он посмотрел на стену над туалетным бачком. Стена набухла и втягивалась внутрь, подчиняясь все тому же трехсложному ритму. Он спустил воду, несмотря на безрезультатность своих усилий, на тот случай, если кто-нибудь подслушивал за дверью, и пристально вгляделся в исчезающую в трубе воду. Вода имела зловещий розоватый оттенок, словно предыдущий посетитель помочился кровью. Неприятное зрелище.

Он вышел из ванной, и вечеринка вновь сомкнулась вокруг него. Лица мелькали вокруг, словно веселые воздушные шарики. Музыка показалась ему очень приятной. Это был Элвис. Старина Элвис. Играй свой рок, Элвис, не останавливайся никогда.

Перед ним появилось лицо Мэри и повисло, устремив на него озабоченный взгляд. — Барт, скажи, что с тобой произошло?

— Что произошло? Да ничего со мной не происходило. — Он был поражен, ошеломлен. Слова выходили у него изо рта в форме музыкальных нот, неожиданно ставших видимыми. — У меня галлюцинации. — Последнюю фразу он говорил самому себе, но она прозвучала вслух.

— Барт, что ты принял? — В голосе ее зазвучали испуганные нотки.

— Мескалин, — ответил он.

— О, Господи, Барт. Наркотики? Зачем это тебе понадобилось? Почему?

— А почему бы и нет? — ответил он, но не потому что стремился быть грубым, а потому, что это был единственный ответ, который он мог придумать за такое короткое время. Изо рта вновь выплыла серия музыкальных нот. На этот раз некоторые из них были украшены флажками.

— Хочешь, я отвезу тебя к доктору?

Он окинул ее удивленным взглядом и принялся обдумывать ее вопрос, чтобы убедиться, что в нем нет ника-

кого подспудного смысла. Он снова хихикнул, и смешки вырвались музыкальной струей у него изо рта и закружились перед глазами — хррррустальные ноты на линейках и между ними, разделенные тактовыми чертами и значками пауз.

— С какой стати мне понадобится доктор? — спросил он, тщательно подбирая каждое слово. Вопросительный знак перевоплотился в одну четвертую где-то в конце четвертой октавы. — Все именно так, как она и говорила. Не хорошо и не плохо. Но интересно.

— Кто? — спросила она. — Кто говорил тебе? Где ты это достал? — Лицо ее стало меняться, все больше напоминая морду рептилии. Мэри в роли следователя в мистическом триллере, пристально глядящая в глаза подозреваемому: *Ну, давай, МакГонигал, решай, какой способ допроса ты выбираешь — жесткий или мягкий?* Потом стало еще хуже: она напомнила ему об историях Говарда Лавкрафта, которые он читал еще в детстве. В этих жутковатых рассказах абсолютно нормальные люди превращались в рыбоподобных ползучих тварей — по воле Старейшин. Лицо Мэри стало покрываться чешуей и отдаленно напомнило ему голову угря.

— Какая разница? — испуганно сказал он. — Почему бы тебе не оставить меня в покое? Когда ты, наконец, перестанешь мне досаждать? Я ведь тебя не трогаю.

Ее лицо отпрянуло и вновь стало похожим на лицо Мэри — обиженное, недоверчивое, — и он почувствовал легкое раскаяние. — Хорошо, Барт, — сказала она спокойно. — Ты можешь творить над собой все, что душе твоей угодно. Но прошу тебя не впутывай в это меня. Это не слишком обременительная просьба?

— Конечно, н...

Но она не дослушала его ответ. Она развернулась и быстро пошла в сторону кухни, не оглядываясь. Он почувствовал раскаяние, но вместе с тем и облегчение. А вдруг кто-то ещё попытается с ним заговорить? Тогда он будет разоблачен. Он не способен говорить с людьми

нормально, только не в таком состоянии. Он даже не может одурачить их, выдав себя за пьяного.

— Аферrrrrrrrrра, — сказал он, нежно раскатывая *p* по небу. На этот раз ноты вылетели изо рта по прямой — все они были с флажками. Он может выдувать ноты хоть всю ночь и чувствовать себя при этом абсолютно счастливым, лично он не имеет ничего против. Но только не здесь, где любой может подойти и заговорить с ним. Может быть, в каком-нибудь тихом месте, где он сможет услышать свои мысли. А эта вечеринка создавала полную иллюзию, что он стоит за огромным водопадом. Трудно думать в таком хаосе. Лучше отыскать какую-нибудь тихую заводь. Может быть, негромко включить радио, послушать музыку. Он чувствовал, что тихая музыка поможет ему думать. А думать было о чем.

Он ощутил абсолютную уверенность, что люди то и дело искоса на него поглядывают. Наверное, Мэри уже раззвонила всем и каждому. *Я так беспокоюсь. Барт нажрался мескалина.* Сплетня распространится от группки к группке. Они будут делать вид что танцуют, пьют и разговаривают, но на самом деле они будут украдкой наблюдать за ним, шептаться у него за спиной. Он абсолютно в этом уверен. Это кррррристально ясно.

Мимо него проходил человек, слегка покачиваясь и неся в руках очень высокий бокал. Он ухватил человека за лацкан его спортивного пиджака и хрипло прошептал ему в ухо:

— Что они обо мне говорят?

Человек наградил его отрешенной улыбкой и выдохнул ему в лицо пары скотча. — Я это обязательно запишу, — сказал он и двинулся дальше.

В конце концов он добрался до кабинета Уолтера Хэмнера. Сколько времени прошло с того момента, как он пришел на вечеринку, оставалось для него полной тайной. Когда он закрыл за собой дверь, гул вечеринки стал звучать куда тише, принеся облегчение его истер-

занному слуху. В нем зарождался страх. Мескалин не только не перестал действовать, но с каждой минутой подчинял его себе все сильнее и сильнее. Ему показалось, что он пересек гостиную, не успев и глазом моргнуть — в буквальном смысле этого выражения. Еще одно столь же краткое мгновение понадобилось ему для того, чтобы миновать темную спальню, где на кровати была навалена гора пальто. Третье мгновение перенесло его в холл. Нить последовательного нормального существования разорвалась, и бусины реальности брызнули во все стороны. Связность событий утратилась. Чувство времени распалось на фрагменты. Что если он никогда не вернется к своему обычному состоянию? Что если он останется таким навсегда? Ему пришло в голову, что неплохо бы свернуться калачиком и поспать, но он не знал, удастся ли ему заснуть. А если удастся, то одному Богу известно, какие сны ему приснятся. Он с ужасом вспомнил о том, с какой легкостью и беззаботностью принял он таблетку. Это совсем не было похоже на состояние опьянения. Внутри, в самом центре его «я», уже не было мерцающего зернышка сознания, которое никогда не становилось пьяным. Центр исчез, и безумие завладело им полностью.

Но здесь ему стало лучше. Может быть, здесь он сумеет восстановить контроль над собой. Во всяком случае, если он выкинет какую-нибудь идиотскую штуку, то никто...

— Эй, привет.

Он испуганно вздрогнул и посмотрел в угол. Рядом с одним из книжных шкафов Уолтера в кресле с высокой спинкой сидел человек. На коленях у него лежала открытая книга. Но был ли это человек? В комнате был только один источник света — лампа на маленьком круглом столике по левую руку от незнакомца. Ее свет отбрасывал на его лицо длинные тени, так что глаза его казались черными провалами, а щеки вырисовывались зловещими, сардоническими пятнами. На мгновение ему показалось, что он столкнулся лицом к лицу с самим Сатаной,

забредшим в кабинет Уолли Хэмнера. Потом незнакомец встал, и он убедился, что это человек, самый обычный человек. Высокий парень лет шестидесяти, с голубыми глазами и носом, о который не раз разбивали бутылки в пьяных драках. Однако в руках у него не было стакана со спиртным. На столике также ничего не было видно.

— Еще один странник, — сказал человек и протянул руку для рукопожатия. — Фил Дрейк.

— Бартон Доуз, — ответил он, все еще не сумев прийти в себя от страха. Они пожали друг другу руки. Рука Дрейка была скрючена и покрыта старыми шрамами — возможно, от ожога. Но он ничего не имел против того, чтобы пожать ее. *Дрейк*. Фамилия показалась ему знакомой, но он никак не мог вспомнить, где он слышал ее раньше.

— С вами все в порядке? — спросил Дрейк. — Вы выглядите малость...

— Я под кайфом, — сказал он. — Я принял мескалин и, Господи как же я улетел. — Он посмотрел на книжные полки и увидел, что они пульсируют, то выпирая, то втягиваясь обратно. Это не понравилось ему — слишком уж похоже на огромное бьющееся сердце. Больше ему не хотелось видеть ничего похожего.

— Понятно, — сказал Дрейк. — Садитесь. Расскажите мне о том, что вы чувствуете.

Он посмотрел на Дрейка с некоторым удивлением, а потом почувствовал, как его захлестнула волна облегчения. Он сел. — Вы знаете о мескалине?

— О, совсем немного. Я работаю в кафе на окраине. Ребята постоянно расхаживают по улицам, улетаая от какой-нибудь гадости. Как ваше нынешнее путешествие? — спросил он вежливо.

— И плохое и хорошее, — сказал он. — Немного тяжелое. Да, это точное слово. Наркоманы им часто пользуются, я слышал.

— Да.

— Я уже начал бояться. — Он мельком посмотрел в окно и увидел длинное небесное шоссе, протянувшееся

через весь купол ночного неба. С беспечным видом он отвел взгляд, но не сумел удержаться и облизал губы. — Скажите мне... сколько это обычно продолжается?

— Когда вы закинулись?

— Закинулся? — Буквы выскочили у него изо рта, упали на пол и расплылись.

— Ну, когда вы приняли наркотик?

— Аа... около половины девятого.

— А сейчас у нас... — Он посмотрел на часы. — Сейчас у нас четверть десятого...

— Четверть *десятого*? Только и всего?

Дрейк улыбнулся. — Чувство времени становится резиновым, верно? Думаю, к половине второго вы уже будете в полном порядке.

— Точно?

— Да, я почти уверен. Сейчас у вас, по всей видимости, самый пик. У вас много визуальных галлюцинаций?

— Даже слишком.

— Вы видите много такого, что не предназначалось для человеческих глаз, — сказал Дрейк и улыбнулся странной кривой улыбкой.

— Точно, вы совершенно правы. — Чувство облегчения, вызванное присутствием этого человека, стало еще сильнее и напряженнее. Он чувствовал себя спасенным. — А чем вы занимаетесь помимо разговоров с мужчинами средних лет, провалившимися в кроличью нору?

Дрейк снова улыбнулся. — Неплохо сказано. Обычно люди под мескалином или кислотой начинают нести околесицу, а иногда вообще теряют способность к членораздельной речи. Большинство своих вечеров я работаю в службе психологической помощи по телефону. Рабочие дни я провожу в кафе, о котором я уже говорил. Называется оно «Отдохни, Мамаша». Основную часть клиентуры составляют уличные сумасшедшие и алкоголики. По утрам я просто гуляю по улицам и разговариваю с теми из моих прихожан, кто уже встал. А в промежутках я

выполняю мелкие просьбы заключенных из окружной тюрьмы.

— Вы священник?

— Меня называют уличным проповедником. Очень романтично. Но когда-то я был настоящим священником.

— А теперь нет?

— Я оставил свою мать церковь, — сказал Дрейк. Слова звучали мягко, но в голосе его послышались нотки какой-то ужасающей решимости. Ему показалось, что он слышит лязг навсегда захлопнувшейся железной двери.

— Почему?

Дрейк пожал плечами. — Это не имеет значения. А что вы? Откуда вы взяли мескалин?

— Мне его дала девушка, ехавшая стопом до Лас-Вегаса. По-моему, неплохая девушка. Она позвонила мне на Рождество.

— Хотела, чтобы вы ей помогли?

— Наверное.

— Вы помогли ей?

— Не знаю. — Он хитро улыбнулся. — Отец, расскажите мне о моей бессмертной душе.

Дрейк сморщился. — Я вам не отец.

— Ну, неважно.

— Так что вы хотите узнать о своей душе?

Он посмотрел на свои пальцы. Он мог стрелять из них маленькими сгустками света. Стоило ему пожелать, и сверкающая шаровая молния вылетала из-под ногтей. Это наполняло его пьянящим ощущением власти. — Я хочу знать, что случится с ней, если я совершу самоубийство.

Дрейк нервно поежился. — Это не вы спрашиваете меня о самоубийстве. Вместо вас говорит наркотик.

— Нет, это я говорю, — сказал он. — Ответьте мне, прошу вас.

— Не могу. Я не знаю, что случится с вашей душой, если вы совершите самоубийство. Однако я знаю, что случится с вашим телом. Оно сгниет.

Озадаченный этими словами, он вновь опустил глаза на свои пальцы. Они послушно заискрились под его взглядом, напомнив ему о рассказе Эдгара По «Странный случай с мистером Вольдемаром». Ну и ночка. По и Лавкрафт. Он поднял глаза, ощущая себя немного сбитым с толку, но отнюдь не обескураженным.

— Чем занято сейчас ваше тело? — спросил Дрейк.

— Что? — Он нахмурил лоб, пытаясь извлечь смысл из поставленного вопроса.

— Существуют два вида кайфа, — сказал Дрейк. — Головной и телесный. Вы чувствуете тошноту? У вас что-нибудь болит? Какие-нибудь неприятные ощущения?

Он сосредоточил внимание на своем теле. — Нет, — ответил он после паузы. — Я просто чувствую себя... занятым. — Он немного посмеялся над этим словом, и Дрейк тоже улыбнулся. Это слово довольно точно описывало его ощущения. Его тело, даже в неподвижном состоянии, казалось очень активным. Довольно легкое, оно в то же время не было бесплотным. Собственно говоря, он никогда не чувствовал себя таким телесным, никогда еще он не отдавал себе такого ясного отчета в том, насколько переплетены его физические и умственные процессы. Их нельзя было отделить друг от друга. Тело и сознание сплелись в единое целое, и этому никак нельзя было воспрепятствовать. Интеграция. Энтропия. Эти мысли набросились на него, словно быстрый тропический восход. Он принялся обдумывать их в свете своей нынешней ситуации, пытаясь найти в них какой-то скрытый узор (если он действительно был там, этот узор), но...

— Но ведь есть еще и душа, — громко произнес он вслух.

— Что там насчет души? — любезно поинтересовался Дрейк.

— Если убить мозг, то умирает и тело, — произнес он медленно. — И наоборот. Но что происходит с душой? Вот в чем вопрос, оте... мистер Дрейк.

— Какие сны нам в смертном сне приснятся? — сказал Дрейк. — Это из «Гамлета», мистер Доуз.

— Как вы думаете, душа продолжает жить? Есть ли что-нибудь по ту сторону смерти?

Глаза Дрейка потемнели. — Да, — сказал он. — Я думаю, что жизнь после смерти существует... в некотором роде.

— А считаете ли вы самоубийство смертным грехом, который обрекает душу на вечные муки?

Дрейк долго не отвечал. — Самоубийство — это ложный выход, — сказал он наконец. — Я верю в это всеми силами своей души.

— Но это не ответ на мой вопрос.

Дрейк поднялся с кресла. — У меня нет ни малейшего намерения отвечать на ваш вопрос. Я больше не имею дела с метафизическими проблемами. Я — светский человек. Хотите вернуться на вечеринку?

Он подумал о шуме и сумятице и отрицательно покачал головой.

— Тогда домой?

— Я не в состоянии управлять машиной.

— Я могу отвезти вас.

— Серьезно? А как вы вернетесь обратно?

— Вызову такси из вашего дома. В новогоднюю ночь легко вызвать такси.

— Это было бы просто здорово, — сказал он с благодарностью. — Я хотел бы побыть в одиночестве. Пожалуйста, неплохо бы посмотреть телевизор.

— А вас можно оставить одного? — мрачно спросил Дрейк. — Вы будете в безопасности?

— Никто не чувствует себя в безопасности в этом мире, — ответил он с той же серьезной интонацией, и оба они рассмеялись.

— О'кей. Хотите с кем-нибудь попрощаться?

— Нет. Здесь есть черный ход?

— Думаю, что найдем, если поищем хорошенько. Идите за мной.

* * *

По дороге домой он почти все время хранил молчание. Наблюдение за уличными огнями и так отнимало все его душевные силы. Когда они проезжали мимо участка дорожных работ, он спросил, что Дрейк думает по этому поводу.

— Они строят новые дороги для пожирающих энергию бегемотов, — отрезал Дрейк. — А в это время дети в городе голодают. Что я думаю по этому поводу? Я думаю, что это гнусное преступление.

Он открыл было рот, чтобы рассказать Дрейку о зажигательных бомбах, о пылающем кране, о сгоревшей конторе, но потом раздумал. Дрейк может решить, что это просто галлюцинация. Но еще хуже будет, если он поверит, что это было на самом деле.

Остаток вечера смазался в его сознании. Он показал Дрейку, как проехать к его дому. Когда они ехали по погруженной во тьму Крестоллин, Дрейк заметил, что все обитатели улицы, должно быть, разошлись по гостям или пораньше легли спать. Он ничего не ответил. Дрейк вызвал такси по телефону. Некоторое время они молча смотрели телевизор. На экране Гай Ломбардо исполнял музыку, прекрасней которой нет по эту сторону рая. Ему пришлось в голову, что в облике Ломбардо есть что-то лягушачье.

Такси прибыло без четверти двенадцать. Дрейк снова спросил у него, все ли с ним будет в порядке.

— Да. Кажется, кайф проходит. Я спускаюсь. — Так оно и было на самом деле. Галлюцинации стекали куда-то вглубь его сознания.

Дрейк открыл парадную дверь и поднял воротник. — Прекратите думать о самоубийстве. Это годится только для трусов.

Он улыбнулся и кивнул. Но внутренне он не стал ни принимать, ни отвергать совет Дрейка. Как и многое другое в эти дни, он просто принял совет к сведению. — Счастливого Нового Года, — пожелал он.

— И вам также, мистер Доуз.

Такси нетерпеливо загудело.

Дрейк пошел по дорожке, сел в машину, и такси с сияющим на крыше желтым опознавательным знаком укатило прочь.

Он вернулся в гостиную и сел перед телевизором. С Гая Ломбардо они переключились на Таймс-сквер, где на верхушке Эллис-Чэмберс Биллинг был водружен сияющий шар, готовый начать свое падение в следующий год. Он чувствовал себя утомленным и опустошенным. Ему наконец-то захотелось спать. Скоро шар упадет вниз, и наступит Новый Год. Где-то в одном из уголков страны новогодний ребенок проталкивает свою сдавленную, увитую плацентой голову из утробы своей матери в этот лучший из всех возможных миров. На вечеринке у Уолтера Хэмнера гости поднимают бокалы и начинают обратный отсчет. Звучат новогодние клятвы и обеты. Большинство из них окажутся такими же прочными, как мокрые бумажные полотенца. Поддавшись настроению момента, он тоже дал себе обет и, несмотря на усталость, поднялся на ноги. Тело его болело, а позвоночник был словно из стекла — наркотическое похмелье. Он пошел на кухню и достал из ящика с инструментами молоток. Когда он вернулся в гостиную с молотком в руках, сияющий шар уже соскальзывал вниз по шесту. Экран разделился на две половины: справа показывали шар, а слева — участников праздника в «Уолдорф-Астории», которые дружно скандировали: «Восемь... семь... шесть... пять...» Одна толстая светская дама случайно увидела свое изображение на мониторе, удивилась и помахала стране рукой.

Наступает новый год, — подумал он. Как это ни смешно, руки его покрылись гусиной кожей.

Шар упал вниз, и наверху Эллис-Чэлмерс Билдинг зажглась неоновая надпись:

1974

В тот же миг он запустил молотком в экран телевизора, и раздался взрыв. Стекло хлынуло на ковер. Раздалось едкое шипение раскаленных проводов, но пожара не последовало. Чтобы быть уверенным в том, что телевизор не поджарит его ночью в отместку за свое убийство, он ногой вышиб штепсель из розетки.

— Счастливого Нового Года, — произнес он тихо и уронил молоток на ковер.

Он прилег на диван и погрузился в сон почти в тот же самый момент, когда голова его коснулась подушки. Спал он при включенном свете. За всю ночь ему не приснилось ни одного сна.

Часть третья

ЯНВАРЬ

*Если я не найду себе убежища,
То я просто растаю в воздухе...*

«Роллинг Стоунз»

5 января, 1974

То, что произошло с ним в тот день в супермаркете, было, пожалуй, единственным происшествием за всю его жизнь, в котором чувствовались преднамеренность и спланированность. Словно невидимый палец написал свое послание на другом живом существе, чтобы он смог прочесть его, не упустив ни единого слова.

Ему нравилось ходить за покупками. Это занятие было таким успокаивающим, таким нормальным. После своего приключения с мескалином он стал ценить простые, нормальные вещи. Первого января он проснулся уже после двенадцати. Остаток дня он провел в беспорядочных блужданиях по дому, ощущая странную опустошенность. Он брал самые разные предметы и разглядывал их, чувствуя себя Яго с черепом Йорика в руках. Те же самые ощущения, хотя и менее интенсивные, повторились у него и на следующий день, и даже через день. Но с другой стороны, общий эффект вполне можно было назвать благоприятным. Его мозг пропылесосили и промыли. Какая-то проворная служанка вывернула его наизнанку и хорошенько выскребла всю грязь. Он больше не напивался, а следовательно, и не плакал. Когда Мэри позволила ему около семи часов вечера в первый день нового года, он говорил с ней спокойно и рассудительно, и ему показалось, что их позиции не особенно изменились. Это было похоже на игру в статуи: каждый ждет, пока другой сдвинется с места. Впрочем, она уже сдвинулась с мес-

та — упомянула о разводе. Пока еще речь шла только о теоретической возможности — едва заметное движение пальца, — но все-таки что-то изменилось.

Но единственное, что по-настоящему беспокоило его во время затянувшегося мескалинового похмелья, — это разбитая трубка цветного телевизора фирмы «Зенит». Он не мог понять, зачем он это сделал. Он мечтал о таком телевизоре многие годы, пусть даже его любимые программы, снятые на черно-белую пленку, и отошли в прошлое. Но самое угнетающее впечатление производил на него даже не столько сам факт поступка, сколько его последствия: черная звездообразная дыра, расплавленные провода. Разбитый телевизор словно бы упрекал его: *Зачем ты это сделал? Я служил тебе верой и правдой, а ты разбил меня. Я никогда не причинял тебе никакого вреда, а ты запустил в меня молотком. Я был беззащитен.* Кроме того, вид разбитого телевизора служил ужасным напоминанием о том, что они хотят сделать с его домом. В конце концов он отыскал старое одеяло и накрыл его. Так стало и лучше, и хуже. Лучше, потому что теперь он его не видел. Хуже, потому что в доме появился завернутый в саван труп. Он выбросил молоток, орудие убийства.

Но ходить по магазинам было действительно здорово. Так же здорово, как пить кофе в гриле Бенджи, мыть «ЛТД» в автоматической мойке или останавливаться у киоска Хенни, чтобы купить новый номер «Тайм». Ближайший супермаркет представлял собой огромное помещение, освещенное установленными на потолке люминесцентными лампами и заполненное женщинами, которые толкали перед собой тележки, увещевали отбившихся от рук детей и хмурились, глядя на помидоры в прозрачной пластиковой упаковке, сквозь которую нельзя было толком их пощупать. Из колонок струился ровный поток музыки, наполнявший ваши уши своим неслышным звучанием.

В этот день (была суббота), как обычно по уик-ендам, в магазине было больше мужчин, сопровождающих своих

жен и раздражающих их своими дилетантскими предложениями. Он благосклонно наблюдал за мужьями, женами и разнообразными типами сотрудничества между первыми и вторыми. День был ясный, и солнечный свет вливался внутрь сквозь огромные окна фасада, растекаясь яркими квадратами у кассовых аппаратов, а иногда, упав на волосы какой-нибудь женщины, превращая их в сияющий нимб. В такой обстановке ему начинало казаться, что все поправимо, но ночью ситуация представляла перед ним совсем в другом свете.

В тележке его лежал набор покупок, обычный для мужчины, которому неожиданно пришлось вести хозяйство самому: спагетти, тушенка в стеклянной банке, четырнадцать упаковок с готовыми обедами, дюжина яиц, масло и упаковка апельсинов, чтобы предотвратить цингу.

Он шел по центральному крылу, направляясь к кассовым аппаратам, и в этот момент Бог (возможно, это был именно он) заговорил с ним. Перед ним стояла женщина в светло-голубых джинсах и синем свитере грубой вязки. Волосы у нее были необычайно насыщенного желтого цвета. Из горла у нее вырвалось странное, всхлипывающее карканье, и она пошатнулась. Пластиковая бутылка с горчицей, которую она держала в руке, упала на пол и покатилась, снова и снова выставляя напоказ красный флажок на этикетке и слово «ХЕЙНЦ».

— Мадам? — спросил он. — С вами все в порядке?

Женщина стала падать на спину, попыталась ухватиться левой рукой за какую-нибудь опору и сбила с полки целый ряд банок с растворимым кофе. На каждой банке было написано:

«МАКСВЕЛЛ ХАУС»

*Отличный вкус до последней
капли*

Все это произошло настолько быстро, что он даже не успел испугаться (за себя, во всяком случае). Однако он успел заметить одну подробность, которая впоследствии часто вспоминалась ему и даже проникла в его сны. Глаза женщины закатились, так что видны были только белые белки — совсем как у Чарли во время припадков.

Женщина упала на пол. Из рта у нее вырвалось слабое карканье. Ее ноги, обутые в кожаные ботинки с белым ободком соли внизу, засучили по полу. Шедшая за ним женщина тихо вскрикнула. Служащий магазина, укреплявший ценники на жестяные банки с консервированным супом, побежал к ним по проходу, уронив пистолет с наклейками. Две девушки-кассирши вышли в проход и уставились на женщину широко распахнутыми глазами.

— Я думаю, у нее приступ эпилепсии, — услышал он свой собственный голос.

Но это был не эпилептический припадок. Это было что-то вроде кровоизлияния в мозг, и доктор, случайно оказавшийся в этот момент в супермаркете вместе со своей женой, констатировал факт смерти. Молодой доктор выглядел испуганно, словно только что понял, что его профессия будет преследовать его до могилы, словно мстительный монстр из фильма ужасов. К тому времени, когда он закончил свой осмотр, небольшая толпа сгрудилась вокруг мертвого тела, распростертого на полу в окружении банок растворимого кофе, представлявших собой последнюю часть этого мира, над которой молодая женщина утвердила свою чисто человеческую привилегию переустройства. Теперь она сама стала частью этого мира и подлежит переустройству со стороны других людей. Ее тележка была наполовину заполнена продуктами, которые, судя по всему, составляли недельный запас, и вид этих банок, коробок и полиэтиленовых упаковок вызвал в нем чувство острого, мучительного ужаса.

Глядя на тележку умершей женщины, он задумался о том, что они сделают с ее покупками. Поставят их обратно

на полки? Сложат их в кабинете менеджера, где они будут валяться до тех пор, пока не придут родственники и не уплатят по счету?

Кто-то вызвал полицейского, и тот появился в проходе со стороны касс и принялся с важным видом расчищать себе путь в толпе.

— Эй, посторонитесь, — командовал он. — Меньше народу — больше кислороду. — Можно подумать, что виновница происшествия в нем нуждалась.

Он отвернулся и, выставив плечо вперед, стал выбираться из толпы. Покой последних пяти дней был разрушен. Вполне возможно, что восстановить его уже не удастся. Сталкивался ли кто-нибудь в своей жизни с более ясным предзнаменованием? Разумеется, нет. Но вот только, что оно означало? Что?

Добравшись до дома, он убрал готовые обеды в морозильную камеру и приготовил себе крепкий коктейль. У него началось усиленное сердцебиение. Возвращаясь из супермаркета, он задавал себе один и тот же вопрос: что они сделали с одеждой Чарли?

Они отдали его игрушки в благотворительный магазин в Нортоне. Его банковский счет (тысяча долларов на обучение в колледже — половина всех денежных подарков, которые Чарли получал от родственников на Рождество и день рождения, шли на этот счет, несмотря на яростные вопли протеста с его стороны) был объединен с их семейным счетом. Его кровать и постельное белье они сожгли по совету Мамаши Джин. Сам он не видел в этом никакого смысла, но решил не возражать. Весь мир распался на куски, так какой смысл спорить о судьбе пружинного матраса? Но одежда — это совсем другое дело. Что же они сделали с одеждой Чарли?

Этот вопрос мучил его весь день. Ему не сиделось на месте, и раз он даже чуть было не позвонил Мэри и не спросил у нее об этом. Но это значило бы отрезать себе все пути к отступлению, не так ли? После такого вопроса

ей уже не пришлось бы гадать по поводу его душевного здоровья.

Перед самым заходом солнца он поднялся на небольшой чердак — через люк в потолке чулана, смежного со спальней. Он подставил себе стул и вскарабкался наверх. Он не поднимался на чердак давным-давно, но стоваттная голая лампочка по-прежнему работала. Свет ее был тусклым из-за пыли и паутины, но этого было вполне достаточно.

Он наугад раскрыл пыльную картонную коробку и обнаружил аккуратную стопку своих школьных и университетских альбомов. На обложке каждого школьного альбома были вытиснены слова:

ЦЕНТУРИОН
Средняя Школа Бэй

На обложке университетских альбомов (они были потолще и в более шикарных переплетах) надпись была другая:

ПРИЗМА
Так будем помнить обо всем...

Сначала он принялся за свои школьные альбомы, листая их с конца. Последняя страница с неизбежными шуточными стишками («Уж лучше в стену биться лбом, // Чем написать стихи в альбом» — А.Ф.А. «Конни»), вслед за ней — фотографии учителей, застывших за письменными столами или перед досками, с неопределенной улыбкой на губах, потом фотографии одноклассников, которых он едва помнил, с их собственноручными подписями, кличками и маленьким девизом. Судьба некоторых из них была ему известна (Ами, помощник управляющего банком, погиб в автомобильной катастрофе), но другие скрылись из виду, и о их жизни он ничего не знал.

В альбоме за последний класс средней школы он натолкнулся на юного Джорджа Бартона Доуза, который мечтательно смотрел в будущее с ретушированной фотографии, сделанной в ателье Кресси. Он был поражен тем, как мало известно этому мальчику о его будущем и как он похож на сына того человека, который пришел на чердак в поисках старой одежды. Мальчик на фотографии еще даже не накопил сперму, которой суждено в будущем стать половиной его сына. Под фотографией было написано:

Бартон Дж.Доуз
по прозвищу
«Молодчага»
Туристский клуб 1,2,3,4
Общество По 3,4

Средняя Школа Бэй
*Барт, наш классный клоун,
помог нам нести тяготы учебы!*

Он уложил альбомы обратно в коробку и продолжил свои поиски. Они увенчались находкой занавесок, которые Мэри сняла пять лет назад, старого мягкого кресла с отломанным подлокотником, сломанного радио с часами, альбома со свадебными фотографиями, который у него не хватило мужества раскрыть. Груды старых журналов. *Надо бы от них избавиться*, сказал он самому себе. *Летом из-за них может случиться пожар*. Мотор от стиральной машины, который он как-то притащил из прачечной и безуспешно пытался починить. И одежда Чарли.

Одежда была уложена в трех пропахших нафталином картонных коробках. Рубашки, брюки, свитера и даже нижнее белье Чарли. Он вынул их из коробок и стал разглядывать, пытаясь представить себе, как Чарли носил бы эти вещи, как он двигался бы в них, как он переустраивал бы в них крошечные части этого мира.

Он ушел с чердака, потому что не мог больше переносить запах нафталина. Запах вещей, тихо и бесполезно пролежавших на чердаке несколько лет, вещей, у которых не было никакого практического применения, которые служили только для того, чтобы ранить. Он думал об этих вещах на протяжении всего вечера, пока алкоголь не лишил его способности думать.

7 января, 1974

В четверть одиннадцатого раздался звонок. Когда он открыл дверь, за ней оказался человек в костюме и в пальто, этакий рубаха-парень, плюющий на условности и источающий добродушие. Он был хорошо выбрит и аккуратно подстрижен. В руках у него был небольшой плоский чемоданчик, и сначала он подумал, что человек этот — коммивояжер, а в чемоданчике у него — образцы товара: галстуки, подписки на журналы, а может быть даже, и чудодейственный стиральный порошок, рекламный проспект которого он передал Рону Стоуну в один из последних своих рабочих дней. Он приготовился проводить коммивояжера в комнату, усадить его, выслушать внимательно его речь, задать несколько вопросов и, вполне возможно, даже что-нибудь купить. За исключением Оливии, это был первый человек, посетивший его дом, с тех пор как Мэри перебралась к родителям вот уже почти пять недель назад.

Но человек этот не был коммивояжером. Он был адвокатом. Звали его Филипп Т.Феннер, а клиентом его в данном случае выступал Городской Совет. Все эти сведения он сообщил с робкой улыбкой на устах и сопровождал их сердечным рукопожатием.

— Ну что ж, входите, — сказал он и вздохнул. Ему пришло в голову, что в каком-то смысле можно считать, что этот человек действительно коммивояжер. Можно даже сказать, что он продает стиральный порошок.

Феннер болтал с неудержимой скоростью.

— Замечательный у вас дом, доложу я вам. Просто замечательный. Заботливый хозяин всегда виден, вот что я вам скажу. Это мое твердое мнение. Я у вас много времени не отниму, мистер Доуз. Я прекрасно знаю, что вы очень занятой человек, но так уж вышло, что Джек Гордон решил, что раз мне по дороге, то я могу ненадолго заскочить и к вам и завезти бланк, чтобы вы заполнили уведомление о переезде. Вы, наверное, уже посылали конверт, но, сами знаете, в пред рождественской суматохе корреспонденция часто теряется. Да, и еще, я с радостью отвечу на любой ваш вопрос, если вас что-то интересует.

— Один вопрос у меня есть, — сказал он веско.

Радостная наружность посетителя на мгновение соскользнула с него, и в открывшейся пустоте он увидел настоящего Феннера — холодного и механического, как часы «Пульсар». — И что же это за вопрос, мистер Доуз?

Он улыбнулся. — Не желаете ли выпить чашечку кофе?

Вновь перед ним возник улыбающийся Феннер — развеселый вестовой Городского Совета. — Ей-богу, вот это было бы здорово, если, конечно, нетрудно. Там, знаете, холодновато. Градусов семнадцать, не больше. Мне кажется, зимы с каждым годом становятся все холоднее и холоднее, а вы как считаете?

— Да уж, это точно. — Чайник, который он вскипятил себе для кофе, еще не остыл. — Надеюсь, вы ничего не имеете против растворимого? Моя жена гостит у родителей, и я тут, знаете, веду такой холостяцкий образ жизни. Всюду суматоха, беспорядок.

Феннер добродушно рассмеялся, и он понял, что Феннеру абсолютно точно известно, в каких отношениях он находится с Мэри, а может быть не только с Мэри, но и с другими нижеперечисленными лицами и организациями: со Стивеном Орднером, с Винни Мэйсоном, с корпорацией, с Господом Богом.

— Нет, конечно, нет. Растворимый — это прекрасно. Лично я всегда пью растворимый. Все равно я разницы

не чувствую. Ничего, если я тут разложу на столе кое-какие бумаги?

— Конечно. Вы со сливками?

— Нет, черный. Черный — это прекрасно. — Феннер расстегнул пальто, но не стал его снимать. Усаживаясь на стул, он расправил полы, словно женщина, опасаясь память юбку. Он раскрыл чемоданчик и достал оттуда скрепленные скрепкой бланки, по виду несколько напоминающие бланки налоговой инспекции. Он налил Феннеру чашку кофе.

— Спасибо. Большое спасибо. А вы что же? Давайте за компанию.

— Я, пожалуй, лучше выпью.

— Ну что ж, каждому — свое, — сказал Феннер и обворожительно улыбнулся. Потом он отхлебнул кофе и рассыпался в благодарностях. — Чудно. Просто замечательно. Как раз то, что нужно.

Он смешал себе коктейль в высоком бокале и сказал:

— Извините меня, мне надо отлучиться на одну минутку, мистер Феннер. Телефонный звонок.

— Конечно, разумеется. — Он снова отхлебнул кофе и сладко причмокнул губами.

Он вышел в прихожую, оставив дверь открытой, и набрал номер Кэллоуэв. К телефону подошла Джин.

— Это Барт, — сказал он. — Джин, Мэри дома?

— Она спит, — ответила Джин ледяным тоном.

— Пожалуйста, разбуди ее. Я звоню по очень важному делу.

— Разумеется, по очень важному. А кто в этом сомневался? Я как раз вчера говорила Лестеру, что настало время нам сменить номер телефона. И он со мной согласился. Мы оба считаем, что у тебя мозги сдвинулись набекрень, и это истинная правда, можешь быть уверен.

— Я понимаю, но мне действительно надо...

Раздался щелчок — с параллельного телефона сняли трубку, — и голос Мэри произнес:

— Барт?

— Да, Мэри, это я. Скажи мне, пожалуйста, заходил ли к тебе адвокатишко по фамилии Феннер? Этакый парень с хорошо подвешенным языком, который косит под Джимми Стюарта?

— Нет, — сказала она. *Черт, в молоко!* — Но он звонил по телефону, — добавила она после паузы. *В десятку!* Феннер возник в дверном проеме, спокойно попивая кофе. Выражение разудалой веселости в сочетании с робким добродушием исчезло. Теперь он выглядел озабоченным.

— Мама, повесь трубку, — сказала Мэри, и Джин Кэллоуэй швырнула трубку, предварительно выразив все свое возмущение презрительным фырканием.

— Он спрашивал обо мне? — спросил он.

— Да.

— Он разговаривал с тобой уже после вечеринки?

— Да, но... но я ничего ему не сказала. Об этом.

— Ты могла сказать ему больше, чем сама об этом подозреваешь. Он строит из себя послушную собачонку, но на самом деле он — профессиональный резчик по яйцам на службе у Городского Совета. — Он улыбнулся Феннеру. Тот улыбнулся в ответ, но довольно кисло. — У тебя уже назначена с ним встреча?

— Да, но в чем дело? — В голосе ее послышалось удивленное недоумение. — Но ведь он просто хочет поговорить о доме...

— Нет, это он только так говорит. На самом деле он хочет поговорить с тобой обо мне. Думаю, что эти ребята собираются затащить меня на психиатрическую экспертизу.

— Куда? — спросила она изумленно.

— Я до сих пор не взял их денег, следовательно, я сумасшедший. Мэри, помнишь, о чем мы с тобой разговаривали в «Хэнди-Энди»?

— Барт, этот мистер Феннер у тебя?

— Да.

— Психиатр, — сказала она глухо. — Да, я упомянула, что ты собираешься сходить к... ой, Барт, прости меня.

— Ничего страшного, — сказал он мягко. — Ты ни в чем не виновата. Это дело я улажу. Может быть, все остальное и полетит к чертовой матери, но с этим я разберусь.

Он повесил трубку и обернулся к Феннеру. — Хотите, чтобы я позвонил Стивену Орднеру? — спросил он. — Или, может быть, Винни Мэйсону? Рона Стоуна и Тома Гренджера беспокоить не имеет смысла — они успеют раскусить такого дешевого засранца, как ты, еще до того, как ты раскроешь свой чемоданчик. Вот Винни не сумеет, а Орднер наверняка примет тебя с распростертыми объятиями. Он роет под меня яму.

— Не надо куда звонить, — сказал Феннер. — Вы не за того меня принимаете, мистер Доуз. И вы явно имеете превратное представление о моих клиентах. Никто за вами не охотится. Но действительно, поступила информация, что вы — яростный противник расширения 784-й автострады. В августе вы написали письмо в газету...

— В августе, — поразился он. — Так у вас что, ребята, есть специальная служба, которая коллекционирует вырезки из газет, так что ли?

— Разумеется.

Он закатил глаза и сжался в притворном испуге. — Тащите вырезки! Наймите еще десять адвокатов, а лучше двадцать! Рон, отправляйся на пресс-конференцию и навешай этим репортерам лапши на уши! Повсюду прячутся враги. Мэвис, принесите мне мои таблетки! — Он выпрямился. — Неужели все заболели паранойей? А я-то думал, это я болен.

— Кроме того, у нас есть служба по контактам с общественностью, — сказал Феннер каменным голосом. — Мы здесь с вами говорим не о пакетике попкорна, мистер Доуз. Мы обсуждаем десятиллионный проект.

Он покачал головой. — Ваше дорожное управление — вот кого надо отправить на психиатрическую экспертизу.

— Хорошо, я собираюсь выложить все свои карты на стол, мистер Доуз.

— Знаешь ли, мой жизненный опыт подсказывает мне, что когда люди заявляют, что больше не собираются морочить друг другу голову разными мелкими обманами, это означает, что они решили прибегнуть к большой лжи.

Феннер вспыхнул. Наконец-то в его голосе послышалась злоба. — Вы написали в газету. Вы сорвали сделку по приобретению нового здания для прачечной «Блу Риббон». Вас уволили...

— Ничего подобного. Я написал заявление об увольнении сам.

— ... и вы не предприняли никаких мер в связи с предстоящим переездом, несмотря на все наши уведомления. Общее мнение таково, что двадцатого числа вы собираетесь предпринять какую-нибудь публичную акцию. Обзвоните газеты и телекомпании, созовете их всех сюда. Героический домовладелец, который до последней капли крови сопротивлялся агентам городского гестапо, пытавшимся оторвать его от родного очага.

— И это вас беспокоит.

— Еще бы нас это не беспокоило! Общественное мнение переменчиво, как флюгер...

— А ваши клиенты избираются горожанами, не так ли?

Феннер посмотрел на него скучным взглядом.

— Ну, так что теперь? — спросил он. — Вы намереваетесь сделать мне предложение, от которого я не в силах буду отказаться?

Феннер вздохнул. — Не понимаю, что мы тут спорим, мистер Доуз. Городской Совет предлагает вам шестьдесят три тысячи долларов за...

— Шестьдесят три пятьсот.

— Хорошо. Так вот, Городской Совет предлагает вам эту сумму за дом и участок. Многие люди получили гораздо меньше. Итак, вы получаете эти деньги, и у вас нет никаких проблем, никаких неприятностей, никаких беспокойств. Эти деньги практически не облагаются налогами, потому что вы уже заплатили дядюшке Сэму с

тех денег, которые вы потратили, чтобы купить этот дом. Вы должны заплатить налог только с разницы между прежней ценой и нынешней. Или вы считаете, что оценка произведена несправедливо?

— Да нет, справедливо, — сказал он, подумав почему-то о Чарли. — В том, что касается долларов и центов, у меня нет оснований быть недовольным. Наверное, я получу за этот дом даже больше, чем если бы я сам захотел его продать.

— Так о чем же мы спорим?

— Мы не спорим, — сказал он и отхлебнул глоток коктейля. Что ж, этот человек действительно оказался коммивояжером. — У вас есть дом, мистер Феннер?

— Да, есть, — торопливо ответил Феннер. — Прекрасный дом в Гринвуде. И если вы собираетесь спросить меня, что бы я стал делать на вашем месте, то я отвечу вам откровенно: я бы ухватил Городской Совет за вымя и держал бы его до тех пор, пока не получил бы все, что можно. А потом по дороге в банк я заливался бы радостным смехом.

— Разумеется, так вы и поступили бы. — Он засмеялся, подумав о Доне и Рэе Таркингтоне, которые сначала ухватили бы Городской Совет за вымя, а потом засунули бы ему в задницу флагшток со здания суда, чтоб неповадно было впредь. — Стало быть, вы, ребята, действительно считаете, что у меня шариков не хватает?

— Мы не знаем, — благоразумно ответил Феннер. — Но согласитесь, ваше поведение в ситуации с покупкой нового здания для прачечной трудно назвать нормальным.

— Ладно, вот что я вам скажу. У меня достаточно шариков, чтобы найти себе адвоката, который не в восторге от права государства отчуждать частную собственность за компенсацию и который до сих пор верит в эту странную пословицу о том, что дом человека — это его крепость. Он вполне может добиться судебного решения о временном прекращении работ на время разбирательства, и тогда вы окажетесь в заднице на месяц или на два.

При удачном стечении обстоятельств и симпатии судей мы сможем протянуть волынку по крайней мере до сентября.

Феннер не выглядел обескураженным. Напротив, он, казалось, испытывал удовольствие от его слов. Впрочем, он на это и рассчитывал. Наконец-то Феннер принялся думать. Посмотри, Фредди, какую наживку мы ему насадили. Тебе нравится? Да, Джордж, не могу отрицать.

— Чего вы хотите? — спросил Феннер.

— Что вы можете предложить?

— Мы увеличим сумму компенсации на пять тысяч долларов. И ни цента больше. Тогда никто не узнает о девчонке.

Он замер. Все вокруг замерло.

— Что? — прошептал он.

— О девчонке, мистер Доуз. Которую вы трахали. Она была у вас шестого и седьмого декабря.

В течение нескольких секунд в голове у него вихрем пронеслось множество мыслей. Некоторые были вполне благоразумными, хотя большинство из них исказила и обесмыслила желтая пленка страха. Но и над благоразумием, и над страхом царила слепая красная ярость, которая чуть не заставила его перепрыгнуть через стол, вцепиться в горло этому заводному человечку и сжимать его до тех пор, пока из ушей не полезут часовые пружины. Но он не должен срываться. Только не это. Только не сейчас.

— Дайте мне номер.

— Номер?

— Телефонный номер. Я позвоню вам сегодня днем и сообщу о своем решении.

— Все-таки гораздо лучше было бы уладить это дело прямо сейчас.

Лучше. Еще бы не лучше! Рефери, продлите этот раунд на тридцать секунд. Я уже прижал этого парня к канатам.

— Мне так не кажется. Прошу вас, покиньте мой дом.

Феннер равнодушно пожал плечами. — Вот моя визитная карточка. Номер указан. Скорее всего я буду на месте между половиной третьего и четырьмя.

— Я позвоню.

Феннер ушел. В окно рядом с парадной дверью он наблюдал за тем, как он подошел к своему синему «Бьюику», сел за руль и уехал.

Потом он размахнулся и изо всех сил ударил кулаком по стене.

Он смешал себе еще один коктейль и присел за кухонный стол, чтобы хорошенько обдумать ситуацию. Они знали об Оливии. Они были готовы использовать это знание против него. Это был не самый лучший рычаг для шантажа. Конечно, с его помощью они могли разрушить его брак, но брак его и так был уже почти разрушен. Дело в другом: они *следили* за ним.

Как?

Если бы к нему был приставлен соглядатай, то им наверняка было бы известно о прогремевшем на весь мир *ба-бах та-ра-рах*. Тогда бы они живо разделились с ним. Какой смысл шантажировать его такой мелочевкой, как шашни с девчонкой на стороне, если можно сразу же упрятать упорного домовладельца в тюрьму за поджог? Стало быть, они поставили ему жучок в телефон. Когда он подумал, как близок он был к тому, чтобы спяну проболтаться о своем преступлении, на лбу у него выступили мелкие капельки холодной испарины. Слава Богу, что Мальоре вовремя заставил его заткнуться. Впрочем и *ба-бах та-ра-рах* могло вызвать подозрения.

Итак, он выяснил, что его разговоры прослушиваются. Остается вопрос: как быть с предложением Феннера и как реагировать на методы его клиентов?

Он запихнул в духовку готовый обед и сел за стол с новым коктейлем, дожидаясь, пока еда подогреется. Они шпионили за ним, а потом попытались его подкупить. Чем дольше он об этом думал, тем сильнее злился.

Он вынул из духовки обед и съел его. Потом он стал расхаживать по дому, бесцельно глядя по сторонам. В голове у него зародилась одна идея.

В три часа он позвонил Феннеру и сказал, чтобы тот присылал бланки. Он подпишет уведомление о переселении, если Феннер возьмет на себя труд проследить за выполнением тех двух пунктов, которые они обсуждали в разговоре. В голосе Феннера зазвучало удовлетворение и даже облегчение. Он сказал, что с радостью проследит за выполнением их договоренности и позаботится о том, чтобы завтра же бланки были у него на руках. Также Феннер сообщил о том, как он рад, что мистер Доуз склонился к благоразумию.

— У меня есть пара условий, — сказал он.

— Условий, — повторил Феннер, и голос его внезапно зазвучал осторожно и недоверчиво.

— Не нервничайте. Условия вполне выполнимые.

— Что ж, давайте послушаем, — сказал Феннер. — Но я предупреждаю вас, Доуз, что вы выжали из нас уже все, что можно. Дальше давить не советую.

— Вы принесете бланки мне завтра домой, — сказал он. — Я заполню их и принесу к вам в контору в среду. Я хочу, чтобы там меня ждал чек на шестьдесят восемь тысяч пятьсот долларов. Понимаете? Чек на предъявителя. Я отдам вам бумаги, вы мне — чек.

— Мистер Доуз, так дела не делаются...

— Может быть, и не делаются, но вы вполне можете на это пойти. Пошли же вы на то, чтобы прослушивать мой телефон и Бог знает на что еще? Не будет чека, не будет подписи. Тогда я найму адвоката.

Феннер не отвечал. Он почти слышал, как в голове у него ворочаются мысли.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Второе условие?

— После среды вы должны оставить меня в покое. Двадцатого января дом ваш. До этого он будет оставаться моим.

— Прекрасно, — тут же сказал Феннер, потому что, разумеется, это было никакое не условие. По закону дом оставался его собственностью до двенадцати часов ночи девятнадцатого числа. А если он подпишет уведомление о переезде и получит чек, то ни одна газета и телепрограмма не проявят к нему ни малейшего сочувствия.

— Все, — сказал он.

— Хорошо, — сказал Феннер. В голосе его звучала нескрываемая радость. — Я рад, что мы смогли понять друг друга, мистер...

— Пошел в жопу, — сказал он и повесил трубку.

8 января, 1974

Его не было дома, когда курьер просунул в почтовую щель его двери пухлый коричневый конверт с формой 6983-426-73-74 (голубая обложка). В это время он отправился в Нортон, чтобы повидаться с Сэлом Мальоре. Мальоре не сошел с ума от радости, увидев его, но по мере того как он говорил, лицо Одноглазого Салли становилось все более задумчивым.

Принесли ленч — спагетти с телятиной и бутылку красного вина. Было удивительно вкусно. Когда он перешел к рассказу о пятитысячной взятке и о том, как Феннер узнал об Оливии, Мальоре поднял руку, жестом показывая ему остановиться. Он позвонил по телефону и после короткого разговора продиктовал номер дома на улице Крестоллин. — Возьмите фургон, — сказал он и повесил трубку. Накрутив на вилку изрядную порцию спагетти, он кивнул, ожидая продолжения.

Когда рассказ был окончен, Мальоре сказал:

— Тебе повезло, что они за тобой не следили. Сейчас бы сидел уже в тюрьме.

Он наелся до отвала. Вот уже пять лет он не обедал так вкусно. Он похвалил угощение, и Мальоре расплылся в улыбке.

— Многие из моих друзей больше не едят спагетти, — сказал он. — Они считают, что вроде как должны держать марку. Вот и ходят по «Макдональдсам», во французские рестораны, в шведские... Вот и получают язву желудка.

Почему? Да потому что человек не может измениться. — Он вылил себе на тарелку соус из запачканного жиром картонного ведерка, в котором было подано спагетти, и стал макать в него чесночный хлеб. Потом он прервался на время, поднял на него свои странные, увеличенные линзами глаза и сказал:

— Ты просишь, чтобы я помог тебе совершить смертный грех.

Он непонимающе уставился на Мальоре, не в силах скрыть своего удивления.

Мальоре обиженно засмеялся. — Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что когда такой человек, как я, начинает рассуждать о грехе, то это звучит глупо. Я уже как-то говорил тебе, что пришел одного парня. Так вот, на самом деле гораздо больше. Но я никогда не убивал человека, который не заслужил бы смерти. Я смотрю на это так: если человек умирает раньше, чем ему суждено Богом, то можно считать, что ему повезло. Грехи такого парня ему не засчитываются. Бог просто обязан пощадить его, потому что у него не было времени на раскаяние. Так что, если я кого убиваю, то я его спасаю от адских мук. Получается, что для тех парней, которых я пришел, я сделал больше, чем сам Папа Римский. Думаю, Господь об этом знает. Но сейчас не об этом речь. Ты мне нравишься. У тебя есть мужество. Трус не стал бы швыряться зажигательными бомбами. Но то, о чем ты меня просишь, это, знаешь ли...

— Но вы ничего не должны делать. Я все сделаю сам, по своей воле.

Мальоре закатил глаза. — Господь Иисус Христос! Пресвятая Дева Мария! Плотник Иосиф! Ну почему ты никак от меня не отцепишься?

— Потому что у вас есть то, что мне нужно.

— Это еще не значит, что ты это получишь.

— Так вы поможете мне или нет?

— Я не знаю.

— У меня есть деньги. Во всяком случае появятся через некоторое время.

— Дело не в деньгах, дело в принципе. Я никогда раньше не имел дела с людьми, у которых поехала крыша. Мне надо будет все обдумать. Я тебе позвоню.

Он решил, что пока не стоит настаивать, и, распрощавшись, ушел.

Он как раз заполнял уведомление о переезде, когда появились люди Мальоре. Они приехали на белом фургоне фирмы «Эконолайн», на боку которого был нарисован танцующий телевизор с улыбкой во весь экран. Под телевизором шла надпись:

ПРОДАЖА И РЕМОНТ ТЕЛЕВИЗОРОВ «Рэй и К»

К нему вошли двое людей в зеленых комбинезонах с большими саквояжами, набитыми инструментами. В саквояжах лежало настоящее оборудование для ремонта телевизоров и еще много всякой всячины. Они проверили дом. Эта операция заняла полтора часа. Они нашли жучки в обоих телефонных аппаратах, один жучок в спальне, один — в столовой. В гараже жучков не оказалось, что принесло ему большое облегчение.

— Ублюдки, — сказал он, рассматривая лежащие на ладони блестящие жучки. Потом он бросил их на пол и раздавил каблуком.

По дороге к выходу один из мастеров сказал не без некоторого восхищения:

— Да, мистер, ну и задали вы жару этому телевизору. Сколько раз вы его ударили?

— Один раз, — ответил он.

Когда они уехали, он смел останки жучков на совок и выбросил их в мусорное ведро. Потом он приготовил себе выпить.

9 января, 1974

В половину третьего людей в банке почти не оказалось, и он сел за один из столов в центре помещения и достал из бумажника чек от Городского Совета и чековую книжку. Он вырвал из чековой книжки один бланк и в графе выдать проставил сумму 34,250. Потом он подошел к окошечку и протянул кассирше чек и бланк.

Кассирша, молоденькая девчонка с волосами черными, как смертный грех, в коротком малиновом платье и прозрачных колготках, при виде которых Папа Римский закричал бы: «Отойди от меня, Сатана!», перевела взгляд с бланка на чек и обратно. На лице ее появилось недоуменное выражение.

— Что-нибудь не так с чеком? — любезно спросил он. Он вынужден был признаться самому себе, что наслаждается этой сценой.

— Да нет, но... вы хотите положить на счет тридцать четыре тысячи двести пятьдесят долларов? И такая же сумма нужна вам наличными, так?

Он кивнул.

— Секундочку, сэр, подождите, пожалуйста.

Он улыбнулся и кивнул, не отрывая глаз от стройных ног девушки. Девушка отправилась к столу менеджера, расположенному за ромбовидной решеткой, хотя и не отделенному от внешнего мира стеклом, словно для того чтобы показать, что это такой же человек, как вы и я... ну, во всяком случае, почти такой же. Менеджер был

человеком средних лет, одетым в молодежную одежду. Лицо его было столь же узким, как врата рая. Когда кассирша подошла к нему, он вопросительно поднял брови.

Они обсудили содержание чека, надпись на бланке, последствия этой надписи для банка и, возможно, для всей федеральной банковской системы. Девушка наклонилась над столом, и из-под платья ее показался край розовато-лиловой комбинации, отороченной кружевом. *О, любовь моя, моя незабвенная любовь,* — подумал он. — *Приходи ко мне домой; и мы будем трахаться до скончания века, а может быть, до того момента, когда кран сокрушит мой дом — уж не знаю, что наступит раньше.* Эта мысль вызвала у него улыбку. У него наступила эрекция... частичная, по крайней мере. Он оторвался от девушки и оглядел банк. Между сейфом и входными дверьми стоял равнодушный охранник — возможно, отставной полицейский. Пожилая женщина ставила витиеватую подпись на синем чеке службы социального обеспечения. На левой стене висел плакат с изображением Земли, снятой из космоса. Земля была похожа на сине-зеленую драгоценность, уложенную на черный бархат. Над планетой шла надпись большими буквами:

КАТИСЬ ОТСЮДА

Под планетой надпись продолжалась, но уже буквами поменьше:

С ОТПУСКНОЙ ССУДОЙ ПЕРВОГО БАНКА

Хорошенькая кассирша вернулась. — Мне придется выдать вам эту сумму пятисотдолларовыми и стодолларовыми купюрами, — сказала она.

— Отлично.

Она выписала расписку в получении вклада и отправилась в хранилище. Когда она вышла обратно, в руках

у нее был небольшой чемоданчик. Она позвала охранника, и он подошел к ней, подозрительно глядя на него.

Она выложила перед собой три пачки по десять тысяч долларов — двадцать пятисотдолларовых банкнот в каждой пачке. Она проверила все три пачки на электронном счетчике, и каждый раз счетчик выдавал одну и ту же цифру:

10000

Потом она проворно отсчитала сорок две банкноты по сто долларов. Сверху этой пачки она положила пять десятидолларовых бумажек. Она проверила пачку на электронном счетчике. На табло загорелась цифра:

4250

Четыре пачки лежали рядом на столе, и трое людей подозрительно уставились на них. Здесь было достаточно денег, чтобы купить новый дом, пять кадиллаков, небольшой самолет или почти сто тысяч пачек сигарет.

— Я могу одолжить вам сумку с молнией, — неуверенно предложила кассирша...

— Нет, спасибо, не стоит, — ответил он и принялся распахивать пачки денег по карманам пальто. Охранник наблюдал за этой операцией с бесстрастным презрением. Кассирша была заморожена зрелищем, как ее зарплата за ближайшие пять лет исчезает в карманах пальто из магазина готового платья, причем карманы почти не оттопыриваются. Менеджер смотрел на него с нескрываемой неприязнью, так как банк был тем местом, в котором деньги были Богом: их никто не должен был видеть, и относиться к ним надлежало с почтением.

— Все в порядке, — сказал он, запихивая чековую книжку поверх десятитысячных пачек. — Не беспокойтесь.

Он ушел, и все трое посмотрели ему вслед. Потом пожилая женщина шаркающими шагами подошла к хорошенькой кассирше и предъявила к оплате чек службы

социального обеспечения. Хорошенькая кассирша выдала ей двести тридцать пять долларов и шестьдесят три цента.

Добравшись до дома, он положил деньги в пыльную пивную глиняную кружку, стоявшую на верхней полке кухонного шкафа. Мэри подарила ему эту кружку пять лет назад в качестве шутки — на день рождения. Он никогда не пользовался ею, предпочитая пить пиво из бутылки. На боку кружки был изображен олимпийский факел, под которым шла надпись:

ПИВНАЯ КОМАНДА, США

Он поставил кружку обратно. Теперь она была наполнена куда более головокружительным напитком, чем пиво. Потом он поднялся в комнату Чарли, где стоял его письменный стол. В ящике стола он отыскал почтовый конверт. Потом он сел за стол и подсчитал общую сумму своих сбережений. Получилось тридцать пять тысяч пятьдесят три доллара сорок девять центов. На конверте он написал адрес родителей Мэри с пометкой, чтобы письмо вручили лично ей. Он вложил чековую книжку в конверт, запечатал его и снова принялся рыться в ящике. Он нашел лист почтовых марок и наклеил на конверт пять восьмицентовиков. Помедлив секунду, он написал под адресом:

ДОСТАВИТЬ С НАРОЧНЫМ

Он оставил конверт на столе и спустился в кухню, чтобы приготовить себе выпить.

10 января, 1974

Был уже поздний вечер. Шел снег. Мальоре так и не позвонил. Он сидел в гостиной со стаканом в руке и слушал проигрыватель — после гибели телевизора ничего другого ему не оставалось. Вечером он достал из пивной кружки два десятидолларовых банкнота и купил четыре пластинки с рок-музыкой в ближайшем магазине. Одна из них называлась «Пусть течет кровь». Это была та самая пластинка «Роллинг Стоунз», которую ставили на вечеринке у Уолли. Она понравилась ему больше, чем остальные три, показавшиеся ему глуповатыми. А одна из них, пластинка группы под названием «Кросби, Стиллз, Нэш и Янг» была такой глупой, что он разбил ее о колено. Но «Пусть течет кровь» понравилась ему своей громкой, похотливой, ритмичной музыкой. Она брэнчала и гремела. Это было ему по душе. Эта музыка напоминала ему песню Монти Холла «Ударим по рукам».

Мик Джаггер пел:

*Нам всем бывает нужно кого-то побить,
И если хочешь, ты можешь побить меня.*

Он размышлял о плакате в банке, на котором была изображена Земля, такая разнообразная и новая, и о надписи, советовавшей зрителю катиться подальше. Потом мысли его перескочили на путешествие, которое он

совершил в новогоднюю ночь. Что ж, он укатился далеко. Очень далеко.

Но разве осмелится он утверждать, что ему это не понравилось?

Эта мысль заставила его встряхнуться.

Последние два месяца он чувствовал себя собакой, которой прищемило яйца дверью. Но разве он не испытал ничего такого, что могло хотя бы отчасти компенсировать его страдания?

Он делал вещи, которые в других обстоятельствах оказались бы абсолютно ему недоступны. Он разъезжал по автострате свободный и бездумный, как перелетная птица. Он трахал молодую девушку, прижимался к ее упругим грудям, таким непохожим на грудь Мэри. Он разговаривал с человеком, который был самым настоящим гангстером, и в конце концов был принят этим человеком всерьез. В неистовом ликовании он швырял зажигательные бомбы и ощущал потом липкий ужас, когда казалось, что машина никогда не въедет на насыпь. Настоящие чувства и ощущения были извлечены из его высохшей душонки руководителя среднего звена, словно предметы зловещего религиозного культа из археологического раскопа. Теперь он знал, что значит быть *живым*.

Конечно, были и неприятные моменты. Ну, например, когда он потерял над собой контроль и накричал на Мэри в «Хэнди-Энди». Или гложущее одиночество первых двух недель. Ведь он остался один впервые за двадцать лет своей жизни, в обществе своего собственного сердца, издававшего ужасный, смертоносный стук. А если вспомнить, как его ударили — и кто? Винни Мэйсон, сопляк, плюгавый мальчишка! Или кошмарное похмелье на следующее утро после поджога — это было самым неприятным опытом.

Но даже этот неприятный опыт, каким бы отвратительным он ни казался, тоже был новым и по-своему волнующим, как и мысль о том, что ты сошел или сходишь с ума. Последние два месяца он исследовал свои внутрен-

ние владения, куда еще не ступала нога человека. Он внимательно изучал самого себя, и пусть зачастую его открытия были банальными, порой они оказывались и ужасными, и прекрасными.

Его мысли обратились к Оливии, к тому моменту, когда он видел ее в последний раз. Она стояла на автостраде, гордо выставив свою табличку навстречу холодному безразличию мира. Он подумал о плакате в банке. КАТИСЬ ПОДАЛЬШЕ. Почему бы и нет? Ничто уже не держит его здесь, кроме грязного наваждения. Ни жена, ни призрак ребенка, ни работа, ни дом, который будет стерт с лица земли через полторы недели. У него были наличные деньги и машина. Так почему же не сесть за руль и не уехать прочь?

Дикое возбуждение охватило его. Он представил себе, как он садится в «ЛТД» и едет в Лас-Вегас с тридцатью четырьмя тысячами в кармане. Находит Оливию. Говорит ей: *Давай укатим отсюда подальше!* Они едут в Калифорнию, продают машину, покупают билеты в Юго-восточную Азию. Они прибывают в Гонконг. Из Гонконга едут в Сайгон, в Бомбей, в Афины, в Париж, в Лондон, в Нью-Йорк. А потом...

Сюда?

Мир круглый, вот в чем дело. Он совсем как Оливия, глупенькая Оливия, которая решила уехать в Неваду, чтобы отмыться от старого дерьма. А потом она нажралась наркотиков, и ее трахнули. Как раз в самом начале новой жизни, потому что новая жизнь — это и есть старая жизнь, а новый путь похож на старый путь. Собственно говоря, это и есть старый путь, по которому ты кружишь и кружишь, пока колея не становится слишком глубокой и не наступает время закрыть гаражную дверь, включить зажигание и ждать... ждать...

Наступила ночь, а мысли его продолжали двигаться по кругу, словно котенок, пытающийся поймать свой собственный хвост. В конце концов он заснул на диване. Ему снился Чарли.

11 января, 1974

Мальоре позвонил ему в четверть второго.

— Ладно, — сказал он. — Мы с тобой заключим сделку. Тебе это обойдется в девять тысяч долларов. Не думаю, что это заставит тебя передумать.

— Наличными?

— О чем ты спрашиваешь? Неужели ты думаешь, что я приму твой личный чек?

— Да-да. Извините.

— Будь завтра в кегельбане «Ревел Лейнс» в десять часов вечера. Знаешь, где это?

— Да, на седьмом шоссе.

— Точно. У шестнадцатого коридора будут стоять двое парней в зеленых рубашках с надписью «Марлин Авеню», вышитой золотыми нитками. Ты подойдешь к ним. Один из них объяснит тебе все, что нужно. В это время ты будешь играть в боулинг. Запустишь два или три шара, а потом выйдешь из кегельбана и поедешь в таверну «Таун Лайн». Знаешь, где это?

— Нет.

— Просто поедешь на запад по седьмому шоссе. Это примерно в двух милях от кегельбана, на той же стороне. Поставишь машину на заднем дворе. Рядом с тобой остановятся мои друзья. Они подъедут на додже «Кастом Кэб». Синий грузовик. Они перенесут из грузовика в твой микроавтобус деревянный ящик. Ты передашь им конверт. Знаешь, я, наверное, сошел с ума. Вполне возмож-

но, что я окажусь за решеткой. Во всяком случае, тогда у меня будет время поразмыслить, какого хрена я это делаю.

— Я хочу поговорить с вами на следующей неделе. Встретиться.

— Нет, ни в коем случае. Я тебе не отец-исповедник. Я больше не хочу тебя видеть. Я больше не хочу с тобой разговаривать. Честно говоря, Доуз, я даже не хочу читать о тебе в газетах.

— Речь идет о небольшом капиталовложении.

Мальоре задумался.

— Нет, — сказал он наконец.

— В этом нет ровным счетом ничего противозаконного. Я просто хочу... создать небольшой трастовый фонд для одного человека.

— Для жены?

— Нет.

— Заезжай во вторник, — сказал Мальоре после паузы. — Может быть, я с тобой встречу. Хотя надеюсь, что благоразумие возьмет верх.

Он повесил трубку.

Сидя в гостиной, он думал об Оливии. Он думал о КАТИСЬ ОТСЮДА. Он думал о Чарли, лица которого уже не мог вспомнить, разве что в виде фотографии. Как такое могло случиться? Кто-нибудь может ответить?

Ощутив внезапную решимость, он поднялся, подошел к телефону и отыскал в справочнике графу «Туристические агентства». Он набрал номер. Однако, когда дружеский женский голос на другом конце линии сказал: «Туристическое агентство «Арнольд» слушает. Чем я могу вам помочь?» — он повесил трубку и быстро отошел от телефона, нервно потирая руки.

12 января, 1974

Кегельбан «Ревел Лейнс» оказался длинным, освещенным люминесцентными лампами ангаром, который оглашался музыкой из встроенных колонок, спорившей с музыкальным автоматом, криками, разговорами, дробными колокольчиками игровых автоматов и угрожающим грохотанием катящихся черных больших шаров.

Он подошел к стойке, взял напрокат пару красно-белых туфель для боулинга (служащий демонстративно spraysнул их ножным аэрозолем) и пошел к шестнадцатому коридору. Там он увидел двух человек, один из которых оказался тем самым механиком, который менял глушитель в день его первого приезда к Мальоре. Механик собирался подавать. У столика со счетными фишками сидел один из мастеров, которые искали жучки в его доме. Он пил пиво из бумажного стаканчика. Оба они встретили его внимательными взглядами.

— Я Барт, — сказал он.

— Я — Рэй, — сказал человек за столиком. — А этот парень... — Механик замахнулся, готовясь пустить шар по коридору. — ...его зовут Алан.

Боулинговый шар вырвался из руки Алана и загрохотал по коридору. Кегли брызнули во все стороны.

— Привет, Барт, — сказал Алан.

— Привет.

Они пожали друг другу руки.

— Хорошо, что ты пришел, — сказал Алан. — Послушай, Рэй, давай начнем новую партию. И Барт с нами поиграет. Все равно в предыдущей ты уже вытер об меня задницу.

— Давай.

— Ну вот и отлично, Барт. Не стесняйся. Тебе начинать, — сказал Алан.

Он не играл в боулинг уже лет пять. Выбрав двенадцатифунтовый шар, он направил его прямоком в левый желоб. Он смотрел ему вслед, чувствуя себя, как последний осел. Во второй раз он прицелился тщательнее, но в последний момент шар немного изменил траекторию и сбил всего лишь три кегли. Рэй сбил все. Алан — девять.

После пяти заходов счет был таким: Рэй — 89, Алан — 76, Барт — 40. Несмотря на неудачи, ему нравилась игра. Ему нравилось ощущать пот, выступивший на спине, и непривычное напряжение тех мускулов, которые в повседневной жизни, как правило, оставались без работы.

Он настолько увлекся игрой, что когда Рэй сказал:

— Эта штука называется малглинит, — он некоторое время не мог понять, что тот имеет в виду.

Он поднял глаза, слегка нахмурившись в ответ на незнакомое слово, а потом понял. Алан готовился подавать и устремил сосредоточенный взгляд на ряды кегель, ничего не замечая вокруг себя.

— Хорошо, — сказал он.

— Он представляет собой шашки длиной около четырех дюймов. Всего в ящике сорок шашек. Взрывная сила каждой из них примерно в шестьдесят раз больше, чем у аналогичной динамитной шашки.

— Понятно, — сказал он и неожиданно почувствовал, как волна тошноты подкатила к сжавшемуся горлу. Алан подал. Бросок оказался удачным, и Алан подпрыгнул от радости, словно маленький ребенок.

Потом была его очередь. Он подал, заработал семь очков и снова сел. Рэй промахнулся. Алан подошел к

кэдди¹, взял шар и прижал его к подбородку, сосредоточенно созерцая полированный коридор. Он вежливо уступил право первого броска игроку справа, а потом начал свой четырехшаговый разбег.

— Ты получишь четыреста ярдов бикфордового шнура. Для того, чтобы эта штука сработала, необходим электрический заряд. Если будешь греть ее паяльной лампой, она просто-напросто растает. Она... ого-го! Вот это неплохо, Алан! Это просто здорово!

Алану удался бруклиновский бросок — все кегли отлетели назад.

Он поднялся, запустил оба мяча в желоб и снова сел. Рэй пропустил ход.

Алан начал готовиться к очередному броску, а Рэй возобновил свои инструкции. — Так вот, нужно электричество, какой-нибудь аккумулятор. У тебя есть?

— Да, — ответил он. Он посмотрел на количество очков против своего имени. Сорок семь. На семь лет больше, чем его возраст.

— Ты можешь разрезать бикфордов шнур, связать концы вместе и взорвать все пашки одновременно. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да.

Алану удался еще один бруклиновский бросок.

Он вернулся к ним, самодовольно усмехаясь. — Нельзя полагаться на эти бруклиновские штучки, парень. Целься лучше вправо.

— Не надо ля-ля своим ребятам. Я отстаю от тебя только на восемь очков.

Он бросил, заработал шесть очков и снова сел за столик. Рэй снова пропустил ход.

Когда он сел за столик, Рэй спросил у него:

— Вопросы есть?

— Нет, вопросов нет. Мы можем уйти после конца этой партии?

¹ Кэдди — мальчик, подающий игрокам шары в боулинге, мячки во время игры в гольф и т.п. — *прим. перев.*

— Конечно. Но немного физической нагрузки тебе не повредит, а то ты малость проржавел. Когда ты подаешь, правая рука у тебя все время зажата, понимаешь? В этом-то все и дело.

Алан снова совершил бруклиновский бросок, но на этот раз не уложился в интервал семь—десять. Назад он вернулся, изрыгая страшные ругательства.

— Я же говорил тебе не полагаться на эти бруклиновские броски, — усмехаясь, сказал Рэй.

— Так твою мать, — прорычал Алан. Он взял запасной шар и снова послал его в желоб.

— Ей-Богу, — расхохотался Рэй. — Некоторые ребята просто не поддаются дрессировке. Говори им — не говори, они все равно лепят раз за разом одну и ту же лажу.

У таверны «Таун Лайн» была огромная красная неоновая вывеска, которой, судя по всему, ничего не было известно об энергетическом кризисе. Она гасла и зажигалась с каким-то бессмысленным, вечным упорством. Под красной неоновой вывеской висело объявление:

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ СКАЗОЧНЫЕ УСТРИЦЫ ПРЯМО ИЗ БОСТОНА

Перед таверной была расчищенная автостоянка, забитая машинами субботних завсегдатаев. Когда он подъехал поближе, он увидел, что стоянка расположена вокруг здания буквой «Г», и в дальнем конце еще есть несколько свободных мест. Он поставил машину и вышел на улицу.

Ночь была жутко холодной. Это был тот вид холода, который вы почти не замечаете до тех пор, пока не осознаете, что ваши уши превратились в безжизненную резину в первые пятнадцать секунд, после того как вы оказались на открытом воздухе.

Над головой у него сверкали миллионы звезд, казавшиеся сегодня особенно крупными, яркими и свежими.

Через заднюю стену таверны до него доносились звуки песни «После полуночи» в исполнении «Сказочных Устриц». В голове у него даже всплыло имя человека, написавшего эту песню, — Дж.Дж.Кейл. Интересно, откуда он это знает? И почему вообще человеческий мозг забит какой-то абсолютно бессмысленной, никому не нужной информацией? Он похож на свалку, где можно разыскать все, что угодно — телефоны давно забытых знакомых, фамилии неизвестных ему людей, обрывки газетных сплетен и цену ботинок, которые он купил двадцать лет тому назад. Но то, в чем ты по-настоящему нуждаешься, проваливается в какую-то черную, хлюпающую дыру, откуда нет возврата. Он помнит имя человека, написавшего «После полуночи», но как бы он ни старался, он не сумеет вспомнить лицо своего мертвого сына. Что ни говори, но в этом была какая-то утонченная, продуманная жестокость.

На стоянку въехал грузовик «Кастом Кэб». Рэй и Алан запарковали его сразу же за микроавтобусом и вышли из кабины. От их веселой развязности не осталось и следа — лица их были сосредоточены и суровы. Наступило время заняться серьезным делом. Одеты они были в армейские полушубки и перчатки на меху.

— Деньги, — коротко сказал Рэй.

Он вынул конверт из внутреннего кармана пальто и протянул его Рэю. Рэй открыл конверт и, не доставая денег, пошуршал внутри банкнотами, скорее приблизительно оценивая сумму, а не пересчитывая.

— Хорошо. Открывай свой фургон.

Он открыл заднюю дверь (в рекламных брошюрах «форда» она носила гордое имя Волшебных Ворот). Рэй и Алан вынули из грузовика тяжелый деревянный ящик и подтащили его к микроавтобусу.

— Бикфордов шнур на дне, — сказал запыхавшийся Рэй, из носа которого вырывались две струи белого пара. — И не забудь, эта штука сработает только от электричества. А без этого смело можешь использовать ее в качестве свечей на праздничном торте.

— Я помню.

— И еще: тебе надо почаще играть в боулинг. У тебя хороший замах.

Они вернулись в кабину грузовика и уехали. Через минуту он тоже уехал, оставив «Сказочных Устриц» допевать свою песню. Уши его замерзли. Отогреваясь в тепле печки, он ощутил в них легкое покалывание.

Добравшись до дома, он втащил ящик внутрь и вскрыл его отверткой. Взрывчатка выглядела именно так, как сказал Рэй — это были серые восковые свечи. Под пашками и слоем газет лежали два белых мотка бикфордова шнура.

Он положил ящик в шкаф в гостиной и попытался временно забыть о нем, но от него словно исходили темные волны, и скоро по всему дому распространилась тягостная, зловещая атмосфера, словно давным-давно здесь произошло что-то ужасное, какое-то кошмарное преступление, которое до сих пор тяготеет проклятием над миром живых.

13 января, 1974

Он выехал на Взлетную Полосу, добрался до Нортон и принялся кружить по улицам в поисках места, где работал Дрейк. Он проезжал мимо рядов перенаселенных зданий, стоявших плечом к плечу, таких ветхих, что казалось, если бы не скученность домов, подпиравших друг друга, они давно бы рухнули. На крыше каждого из них рос целый лес телевизионных антенн, похожих на вздыбленные от ужаса волосы. Бары были закрыты до полудня. Остов машины посередине одного из переулков — без шин, без фар, без хромированной решетки, — похожий на выбеленный скелет коровы в Долине Смерти. Сточные желоба были заполнены битым стеклом. Окна ломбардов и винных магазинов были закрыты раздвижными решетками. Вот чему мы научились во время расовых волнений восемь лет назад, подумал он, теперь мы знаем, как бороться с мародерством во время уличных беспорядков. В средней части улицы Веннер он увидел небольшое кафе с вывеской, написанной староанглийским шрифтом.

ОТДОХНИ, МАМАША! —

призывала вывеска.

Он поставил машину у обочины, запер ее и вошел внутрь. Внутри было только двое посетителей: молодой негр в большом не по росту бушлате (этот, похоже, уже

уснул) и старый белый алкоголик, который пил кофе из массивной белой кружки. Каждый раз, когда он подносил кружку ко рту, руки его беспомощно дрожали. Кожа его была желтой.

Дрейк сидел за прилавком в дальнем конце кафе рядом с двухконфорочной плитой. На одной конфорке кипел чайник с водой, на другой варилось кофе. На прилавке стояла коробка из-под сигар, в которой было немного мелочи. Рядом была грифельная доска с написанным мелом меню:

Кофе 15 центов
Чай 15 центов
Напитки 25 центов
Болонья 30 центов
ПиБиЭндДжи 25 центов
Сосиска 35 центов

Под меню было нацарапано объявление:

**ПОЖАЛУЙСТА,
ПОДОЖДИТЕ, ПОКА ВАС ОБСЛУЖАТ!!!**

Все люди, работающие здесь, — ДОБРОВОЛЬЦЫ,
и когда вы обслуживаете себя сами,
они чувствуют себя бесполезными ослами.

Пожалуйста, не торопитесь
и помните о том, что

БОГ ВАС ЛЮБИТ!

Дрейк поднял глаза от журнала — потрепанного номера «Нешнл Лэмпун». На мгновение глаза его странно затуманились, как у человека, который мысленно щелкает пальцами в поисках нужного имени, а потом он сказал:

— Здравствуйте, мистер Доуз. Как поживаете?

— Хорошо. Можно чашечку кофе?

— Разумеется. — Он вынул массивную кружку из второго яруса возвышавшейся за ним пирамиды и налил ее до краев. — Молока?

— Нет, просто черный. — Он положил на прилавок четвертной, и Дрейк вернул ему десятицентовик из сигарной коробки. — Я хотел поблагодарить вас за ту ночь и сделать небольшое пожертвование.

— Вам не за что меня благодарить.

— Нет, есть за что. Если бы не вы, не знаю, что со мной случилось бы на этой вечеринке.

— От наркотиков это часто бывает. Не всегда, но очень часто. Прошлым летом какие-то ребята притащили сюда своего дружка, который закинулся кислотой в парке. У парня начался припадок — он непрерывно кричал, потому что думал, что голуби хотят его заклевать. Похоже на страшную историю из «Ридерз Дайджест», да?

— Девушка, которая подарила мне мескалин, рассказала, что как-то раз она вытащила из канализации человеческую руку. Потом она так и не могла решить, происходило ли это на самом деле, или это была только галлюцинация.

— А кто она, эта девушка?

— Честно говоря, я не знаю, — ответил он искренне. — Ну, как бы то ни было, вот, держите. — Рядом с сигарной коробкой он положил на прилавок свернутые в трубочку банкноты. Сверток был перехвачен резинкой.

Дрейк нахмурился и посмотрел на сверток, не дотрагиваясь до него.

— Собственно говоря, это пожертвование в фонд кафе, — сказал он. Он знал, что Дрейк это знает, но стремился заполнить тягостную паузу.

Дрейк снял резинку, взял сверток в левую руку и пересчитал банкноты искалеченной правой.

— Здесь пять тысяч долларов, — сказал он.

— Да.

— А вы на меня не обидитесь, если я спрошу у вас, где вы взяли...

— Где я взял такую сумму денег? Да нет, чего мне обижаться. Эти деньги я получил от продажи своего дома Городскому Совету. Они проводят дорогу через то место, где он стоит, и выплатили мне компенсацию.

— А ваша жена согласна?

— Моя жена не имеет права голоса в этом вопросе. Мы расстались. Скоро развод будет оформлен официально. Она получит половину компенсации и будет делать с ней все, что душе угодно.

— Понятно.

Позади них старый алкоголик принялся мурлыкать себе под нос. Это не была мелодия, просто мурлыканье.

Дрейк задумчиво пошевелил банкноты указательным пальцем правой руки. Уголки банкнот заворачивались от долгого пребывания в свертке. — Я не могу принять эти деньги, — сказал он наконец.

— Почему?

— Помните, о чем мы говорили в тот раз? — спросил Дрейк.

Он помнил. — У меня нет больше планов подобного рода, уверяю вас.

— А по-моему, есть. Человек, стоящий обеими ногами на земле, не расстанется с деньгами просто так, по минутному капризу.

— Это не каприз, — сказал он твердо.

Дрейк пристально посмотрел на него. — Так как же тогда вы это назовете? Вы ведь отдаете деньги случайному знакомому человеку, которого видели всего лишь один раз за всю свою жизнь.

— Ну и что? Я много раз отдавал свои деньги людям, которых вообще не видел. Фонду раковых исследований. Фонду «Спаси ребенка». Бостонскому госпиталю для больных мускульной дистрофией. А я, между прочим, даже в Бостоне-то ни разу не был.

— И это были столь же большие суммы?

— Нет.

— Вот видите. И это еще не все. Вы принесли с собой наличные, мистер Доуз. Человек, который собирается

жить и тратить деньги, никогда не хочет их видеть. Даже когда он играет в покер по пять цѣнтов за кон, он пользуется фишками. Фишки делают деньги символическими. Точно так же, как чеки, аккредитивы, ценные бумаги и все в этом роде. А в нашем обществе человек, больше не видящий смысла в деньгах, не видит смысла и в жизни. Ему просто незачем больше жить, понимаете?

— Слишком уж материалистические воззрения для...

— Для священника? — перебил Дрейк. — Но я уже не священник. С тех пор, как это случилось. — Он кивнул на покрытую шрамами, искаленную руку. — Рассказать вам, как я добываю деньги, чтобы содержать это кафе? Мы опоздали к лакому пирогу подачек от разных крупных благотворительных фондов. Люди, работающие здесь, все уже на пенсии. Это старые люди, которые не понимают приходящих сюда ребят, но которые хотят быть чем-то большим, нежели просто тупой рожей, высовывающейся из окна третьего этажа, чтобы понаблюдать за улицей. У меня есть знакомые молодые ребята, у которых есть свои оркестры и которые готовы играть бесплатно по пятницам и субботам. Они еще только начинают, и поэтому им нужна возможность показать себя. Потом мы собираем пожертвования прямо на улицах. Но основной источник средств — это, конечно, богатые люди из высших слоев. Я езжу к ним с визитами. Я выступаю на чаепитиях в женских клубах. Я рассказываю им о подростках, которые уже стали неизлечимыми наркоманами, и о бездомных, которые живут под мостами, а по ночам жгут газеты, чтобы не замерзнуть. Я рассказываю им о пятнадцатилетней девушке, которая путешествовала стопом с семьдесят первого года, а когда она приехала сюда, все волосы на голове и на лобке кишели у нее огромными белыми вшами. Я рассказываю им о венерических болезнях, я объясняю им, кто такие рыболовы — ребята, которые тусуются на автобусных вокзалах, выискивают пареньков помоложе и предлагают им работу мужских прости-

туток. Я рассказываю им, как эти пареньки в конце концов делают минет в мужских туалетах за десять долларов, а если с проглотом, то за пятнадцать. Пятьдесят процентов ему, а пятьдесят — сутенеру. Эти женщины, которым я все это рассказываю, — сначала они бывают абсолютно шокированы, в глазах у них стоит ужас, но потом этот ужас тает, и взгляды становятся масляными. Может быть, они даже возбуждаются, и вагины их выделяют сладострастный сок, но это неважно. Важно то, что это заставляет их раскошелиться. Иногда какая-нибудь из них выкладывает даже больше десятки. Она отвозит тебя на машине в свой дом в Кресенте, представляет тебя членам семьи и ждет, пока ты не произнесешь молитву, после того как служанка внесла первое блюдо. Тебе ничего не остается, ты произносишь эту молитву, даже если слова у тебя застревают в горле и во рту остается неприятный привкус. Ты гладишь по головке ребенка. У них всегда только один ребенок, Доуз, только один, не то что у этих жалких бедняков с окраин, которые плодятся, как кролики. И ты говоришь: ой, какой миленький мальчик, из него вырастет настоящий джентльмен! — или: ой, какая хорошенькая девочка, из нее вырастет писаная красавица! А если тебе уж совсем повезет, то эта женщина пригласит своих партнеров по бриджу или знакомых по клубу, чтобы в качестве приятной интермедии полюбоваться на этого чокнутого священника, который, пожалуй, к тому же еще и завзятый радикал и поставляет оружие «Пантерам Алжирской Свободной Лиги», и ты начинаешь изображать из себя отца Брауна, сдобренного толикой старины Блерни, и улыбаешься им до тех пор, пока лицо не начинает болеть. Все это называется «околачивать денежное дерево» и проходит в самой элегантной и изысканной атмосфере, но когда ты едешь домой, возникает ощущение, что ты только что отсосал какому-нибудь бизнесмену-бисексуалу на вечернем сеансе в кинотеатре №41. Ну собственно говоря, и что с того? Таковы правила игры. В каком-то смысле, это

составная часть моей епитимьи¹, прошу простить меня за высокопарное слово. Но моя епитимья не обязывает меня заниматься некрофилией. А именно так, мистер Доуз, я могу расценить ваше предложение. Именно поэтому я и отказываюсь от этих денег.

— А за что наложена на вас эта епитимья?

— А вот это, — ответил Дрейк, криво улыбнувшись, — пусть останется между мной и Богом.

— Хорошо, тогда объясните мне, почему вы выбрали именно такой способ добывания денег, если он вам так неприятен? Почему бы вам просто не...

— Я выбрал такой способ, потому что других способов для меня не существует. Я загнан в угол.

В груди у него словно что-то оборвалось. В приступе ослепительного отчаяния он понял, что Дрейк только что объяснил, почему он приехал сюда, и не только это. Почему он сделал все, что сделал.

— С вами все в порядке, мистер Доуз? Вы выглядите как-то неважно...

— Я чувствую себя прекрасно. Хочу пожелать вам всего самого лучшего. Пусть даже от ваших усилий и не будет никакого толку.

— Лично у меня нет никаких иллюзий, — сказал Дрейк и улыбнулся. — Советую вам... отказаться от радикальных мер. Всегда есть альтернативные возможности.

— Вы так считаете? — Он улыбнулся Дрейку в ответ. — У меня есть к вам предложение. Закрывайте свою лавочку прямо сейчас, бросьте все, и мы вместе отправимся собирать пожертвования. Я не шучу.

— Не делайте из меня посмешища.

— А я и не делаю, — сказал он. — Может быть, кто-то делает посмешища из нас обоих. Он отвернулся и снова

¹ Епитимья — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы и т.п.), налагаемое на грешников и особенно на церковнослужителей, совершивших поступки, недостойные их сана — *прим. перев.*

скатал банкноты в короткую тугую трубочку. Молодой негр все еще спал. Старый алкоголик поставил на стол недопитую кружку и созерцал ее пустым взглядом. Он по-прежнему что-то мурлыкал себе под нос. Проходя мимо, он бросил деньги в кружку алкоголика, частично расплескав кофе по столу. Потом он быстро вышел из кафе.

Он отпер машину и некоторое время постоял на обочине, ожидая, что Дрейк последует за ним, прочитает ему вдохновенную проповедь, а может быть, даже спасет его. Однако Дрейк не появился. Может быть, он ждал, что он вернется и спасет его самого.

Он не стал возвращаться, сел в машину и уехал прочь.

14 января, 1974

В центре города он заехал в «Сиэрс» и купил автомобильный аккумулятор и пару соединительных проводов. На боку аккумулятора шли выпуклые пластмассовые буквы:

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Вернувшись домой, он положил аккумулятор и провода в шкаф рядом с деревянным ящиком. Интересно, что случится, если сюда заявится полиция с ордером на обыск. Оружие в гараже, взрывчатка в гостиной, куча денег на кухне. Б.Дж.Доуз, отчаянный революционер. Секретный агент Икс-9 на службе у иностранной разведки, настолько отвратительной, что не стоит о ней и упоминать. Он подписывался на «Ридерз Дайджест», где всегда было полно таких шпионских рассказов, разбавленных материалами о различных крестовых походах — против курения, против порнографии, против преступности. Особенно интересно было читать, когда выяснялось, что предполагаемый шпион — это в действительности один из *наших*, стопроцентный американец, неспособный продать свою родину даже во сне. А что уж говорить об агентах КГБ, которые обменивались шифровками в библиотеках, разрабатывали план свержения американского правительства в драйв-инах, пожирали биг-маки белыми ровными зубами, один из

которых был просверлен, чтобы вместить ампулу с синильной кислотой.

Да, ордер на обыск — и они смогут его распять. Но он уже больше не боялся. Тот момент, когда еще имело смысл бояться, остался где-то далеко в прошлом.

15 января, 1974

— Хорошо, говори, что тебе надо, — сказал Мальоре с утомленным видом.

На улице шел снег с дождем. День был пасмурным и хмурым. Это был один из тех дней, когда городской автобус, вынырывающий из серой, туманной пелены и разбрызгивающий во все стороны жидкую грязь своими огромными шинами, казался порождением маниакально-депрессивного бреда, да и сам факт существования казался до некоторой степени безумным.

— Что ты хочешь? Мой дом? Мою жену? Мою машину? Я отдам тебе все, что угодно, лишь бы ты убрался отсюда и дал мне спокойно встретить старость.

— Я понимаю, — сказал он смущенно. — Я вам и так уже поднадоел.

— Он понимает, что он и так уже мне поднадоел, — сообщил Мальоре стенам. Он всплеснул руками, а потом снова уронил их на свои мясистые бедра. — Тогда объясни мне, ради всего святого, почему ты до сих пор не перестал мне надоедать?

— Это дело — последнее.

Мальоре закатил глаза. — Абсолютно уверен, что это будет что-то прекрасное, — сказал он, по-прежнему обращаясь к стенам. — Ну выкладывай, что у тебя там такое?

Он протянул пачку денег и сказал. — Здесь восемнадцать тысяч долларов. Три тысячи долларов достанутся вам. Гонорар за поиски.

— Кого ты хочешь найти?

— Девушку в Лас-Вегасе.

— Пятнашка для нее?

— Да. Я хочу, чтобы вы взяли эти деньги и вложили их в любой вид бизнеса, которым вы занимаетесь. Будете платить ей дивиденды.

— Законный бизнес?

— Безразлично. Вложите туда, где дивиденды будут больше. Я вам доверяю.

— Он мне доверяет, — проинформировал стены Мальоре. — Лас-Вегас — большой город, мистер Доуз. И люди там обычно надолго не задерживаются.

— Разве у вас там нет связей?

— Вообще-то есть. Но если речь идет о какой-нибудь чокнутой хиппи, которая давным-давно могла уже рвануть в Сан-Франциско или в Денвер...

— Ее зовут Оливия Бреннер. Я думаю, что она до сих пор в Лас-Вегасе. Последнее время она работала официанткой в закусочной...

— Которых в Лас-Вегасе по крайней мере миллиона два, — сказал Мальоре. — Господь Иисус Христос! Мария! Иосиф плотник!

— Она снимает квартиру на пару с еще одной девушкой. Во всяком случае снимала, когда я разговаривал с ней в последний раз. Не знаю, в каком районе. Рост ее около пяти футов семи дюймов. Темные волосы. Зеленые глаза. Хорошая фигура. Ей двадцать один год — во всяком случае, так она мне сказала.

— И ты думаешь, что я смогу ее найти?

— Тогда вложите деньги и сами получайте дивиденды. Считайте это платой за беспокойство.

— А как ты узнаешь, если я присвою эти деньги себе?

Он встал, оставив деньги на письменном столе Мальоре. — Никак, наверное. Но у вас честное лицо.

— Послушай, — сказал Мальоре. — Не хотел бы кусать тебя за задницу — тебе и так, похоже, несладко приходится. Но мне не нравится вся эта история. Ты словно хочешь сделать из меня своего душеприказчика.

— Откажитесь, если не хотите.

— Нет, ты меня не понял. Если она все еще в Лас-Вегасе и не живет под чужим именем, то я скорее всего смогу ее найти. Три штуки за такую работу — это больше, чем достаточно. Тут проблем никаких нет. Но ты меня пугаешь, Доуз. Ты — упертый малый.

— Да.

Мальоре нахмурился и оглядел фотографии своей жены, детей и себя самого, лежащие под пластиковой крышкой письменного стола.

— Ладно, — сказал Мальоре. — По рукам. Но это в последний раз, Доуз. Если я еще раз увижу тебя или хотя бы услышу твой голос по телефону, можешь забыть о нашей сделке. Я не шучу. У меня слишком много своих проблем, чтобы я ввязывался в твои.

— Согласен. Условие принято.

Он протянул руку, не будучи уверенным, что Мальоре согласится пожать ее. Мальоре согласился.

— Я не вижу в твоих действиях никакого смысла, — сказал Мальоре. — Как мне может быть симпатичен человек, действия которого мне непонятны?

— Это бессмысленный мир, — ответил он. — А если ты в этом сомневаешься, то просто подумай о собаке мистера Пьяцци.

— Я думаю о ней очень часто, — сказал Мальоре.

16 ЯНВАРЯ, 1974

Он взял с собой конверт с чековой книжкой, вышел из дома и опустил его в ближайший почтовый ящик. Вечером он пошел в кино на фильм «Изгоняющий дьявола», потому что в нем играл Макс фон Зюдов, а Макс фон Зюдов ему всегда очень нравился. В одной из сцен маленькую девочку вырвало в лицо католическому священнику. В задних рядах захохотали.

17 января, 1974

Ему позвонила Мэри. Голос ее звучал облегченно и весело, и это значительно упростило разговор.

— Ты продал дом, — сказала она.

— Точно.

— Но ты еще там.

— Только до субботы. Я снял большую ферму за городом. Хочу пожить там немного, собраться с мыслями.

— Ох, Барт. Это так замечательно. Я так рада. — Он понял, почему все шло так гладко. Она просто притворялась. На самом деле, она была ни рада, ни расстроена. Ей было уже все равно. Она выбросила его из своей жизни. — Я хотела спросить по поводу чековой книжки...

— Да.

— Ты поделил деньги ровно пополам, верно?

— Да. Если хочешь проверить, можешь позвонить мистеру Феннеру.

— Нет, что ты! Я не это имею в виду. — Он почти видел, как она протестующе вскинула руку. — Я хочу сказать... раз ты вот так поделил деньги... то значит ли это...

Она выдержала искусную паузу. *Правильно, сука, в самую точку*, — подумал он.

— Да, — сказал он. — Развод.

— А ты хорошо подумал? — спросила она преувеличенно заботливым, фальшивым тоном. — Ты действительно...

— Я думал об этом очень много.

— И я тоже. Похоже, развод — это действительно единственный выход из положения. Но я не держу на тебя зла, Барт. Вовсе нет.

Господи, неумеренное чтение женских романов дает о себе знать. А теперь она скажет мне, что вернется в университет. Он был удивлен подкатившим к горлу ощущением горечи. Он-то думал, что уже миновал эту стадию.

— Чем ты будешь заниматься?

— Я вернусь в университет, — ответила она, и на этот раз в ее голосе не было ни капли фальши. Он был звонким, взволнованным. — Я раскопала свою старую справку об обучении — она провалялась все это время у мамы на чердаке вместе с моей старой одеждой. Представляешь, мне надо сдать всего лишь двадцать четыре зачета! Барт, это всего лишь год учебы, не больше!

Он представил себе, как Мэри ползает по чердаку в доме своих родителей, и образ этот наложился на воспоминание о том, как он ошарашенно сидел перед ворохом чарлиной одежды. Усилием воли он отогнал от себя эту картину.

— Барт? Ты меня слышишь?

— Да. Я рад, что ты уже не чувствуешь себя связанной.

— Барт, — сказала она с упреком.

Но уже не было никакого смысла в том, чтобы огрызаться на нее, дразнить ее, унижать ее. События зашли слишком далеко. Укусив, собака мистера Пьянци двигается дальше. Эта мысль показалась ему забавной, и он издал тихий смешок.

— Ты плачешь, Барт? — Голос ее звучал нежно. Фальшиво, но нежно.

— Нет, — ответил он.

— Барт, я могу что-нибудь для тебя сделать? Если да, то скажи что, и я сделаю это.

— Нет, я думаю, со мной все будет нормально. Послушай, насчет этого развода... кто подаст заявление? Ты или я?

— Мне кажется, будет выглядеть лучше, если это сделаю я, — сказала она робко.

— Хорошо.

В разговоре наступила пауза.

— Ты спал с кем-нибудь, с тех пор как я ушла? — спросила она наконец. Ему показалось, что эта фраза вырвалась случайно, против ее воли.

Он обдумал ее вопрос и способы ответа на него: правда, ложь или отговорка, которая, возможно, заставит ее провести эту ночь без сна.

— Нет, — ответил он. — А ты?

— Разумеется, нет, — сказала она, причем в голосе ее зазвучали одновременно и негодование, и удовлетворение. — Я ни за что не пошла бы на это.

— Но ведь в конце концов это случится.

— Барт, давай не будем говорить о сексе.

— Хорошо, — ответил он спокойно, хотя именно она первой затронула эту тему. Ему хотелось сказать ей что-нибудь приятное, что-нибудь такое, что осталось бы в ее памяти. Он ничего не мог придумать. Более того, он даже не знал, действительно ли ему нужно, чтобы она его помнила, во всяком случае на этом этапе. Им неплохо жилось вдвоем. Он был уверен, что их совместная жизнь действительно была неплохой, потому что он почти ничего не помнил об этих годах, кроме, разве что, сумасшедшей затеи с телевизором.

— Помнишь, как мы в первый раз отвели Чарли в подготовительную школу? — Вопрос вырвался у него сам собой.

— Да. Он плакал, и ты хотел забрать его оттуда. Ты не хотел бросать его там, Барт.

— А ты хотела.

Она принялась опровергать его слегка обиженным тоном, но вся сцена уже встала у него перед глазами. Владелицу подготовительной школы звали миссис Рикер. У нее была лицензия, выданная властями штата, и перед тем как отправить детей домой в час дня она кормила их вкусным горячим ленчем. Школа находилась в полуподвальном этаже, и ведя Чарли вниз по лестнице (он шел между ним и Мэри, держа их за руки), он чувствовал себя предателем, словно фермер, который успокаивает свою корову по дороге на бойню. Да, его Чарли был красивым мальчиком. Светлые волосы, потом потемневшие, голубые внимательные глаза, руки, которые обрели необычайную проворность уже в младенческом возрасте. Он стоял между ними у подножия лестницы и, замерев, смотрел на других детей, которые бегали, кричали, рисовали, вырезали ножницами с тупыми концами аппликации из цветной бумаги — их было так много. Никогда еще Чарли не выглядел таким уязвимым, как в этот момент, наблюдая за другими детьми. В его глазах не было ни радости, ни страха, лишь одна внимательная пристальность, какая-то отрешенная заинтересованность, и никогда он так остро не ощущал своего отцовства, никогда не был так близок к ходу его мыслей. Миссис Рикер приблизилась, улыбаясь, как барракуда, и сказала: Нам будет так весело, цыпоська моя! Ему захотелось крикнуть ей в лицо, что его сына зовут не цыпоська, а Чарли, но он сдержался. И тогда она протянула ему руку, но Чарли не пошевелился, лишь посмотрел на нее, и тогда она сама взяла его за руку и повела к другим детям. Он прошел два шага, а потом остановился и оглянулся назад, а миссис Рикер сказала тихо: *Идите, с ним все будет в порядке.* И Мэри в конце концов пришлось ткнуть его в бок и сказать: *Ну идем же, Барт!* — потому что он застыл на месте, глядя в глаза своего сына, говорившие: *Неужели ты позволишь им сделать это со мной, Джордж?* А его взгляд отвечал: *Похоже, что да, Фредди,* — и они с Мэри стали подниматься по лестнице, показав Чарли свои спины — самое

ужасное зрелище для маленького ребенка, — и тогда Чарли заплакал. Но Мэри даже не оглянулась, потому что любовь женщины — странная штука. Она жестока и почти всегда зряча, а любовь, которая все видит, — это ужасная любовь. Она знала, что в такой ситуации правильнее поскорее уйти, и так она и поступала, воспринимая этот плач как очередной необходимый этап развития ребенка, вроде болей в животе от скопившихся газов или содранных коленок. И тогда он ощутил в груди такую острую, такую настоящую боль, что на мгновение ему даже показалось, что у него начался настоящий сердечный приступ, а потом боль куда-то исчезла. Тогда он не мог понять, что означает эта боль, но теперь ему показалось, что это было самое обычное прощание со своим ребенком. Увидеть спины родителей — это еще не самое ужасное. Самое ужасное — это то, с какой быстротой дети забывают про эти самые спины и начинают заниматься своими делами — игрой, сбором головоломок, новым другом и в конце концов смертью. Вот что он почувствовал в ту минуту. Чарли начал умирать задолго до того, как стал больным, и ничто, ничто в целом свете не могло спасти его даже тогда.

— Барт? — сказала она. — Барт! Ты слышишь меня, Барт?

— Да.

— Скажи, зачем ты все время думаешь о Чарли? Ты просто ешь себя поедом. Ты превратился в его пленника.

— Но ты-то свободна, — сказал он. — Да, ты свободна.

— Ты не возражаешь, если я зайду к адвокату на будущей неделе?

— Ладно, давай.

— Совершенно ведь необязательно делать эту процедуру отвратительной, верно, Барт?

— Разумеется. Все пройдет очень цивилизованно.

— Ты не передумаешь за это время и не заявишь, что ты не согласен на развод?

— Нет.

— Тогда... тогда я позвоню тебе позже.

— Ты знала, что настало время уйти, оставить его одного, и так ты и поступила. Господи, как хотел бы я быть таким же уверенным в себе.

— Что?

— Ничего. До свидания, Мэри. Я люблю тебя. — Только повесив трубку, он осознал, что по привычке произнес последнюю фразу — машинально, безо всякого чувства. Но это была неплохая концовка. Очень даже ничего.

18 января, 1974

— Простите, кто это звонит? — спросила у него секретарша.

— Барт Доуз.

— Вы можете секундочку подождать?

— Конечно.

Она заблокировала слышимость, и он остался стоять с молчащей трубкой в руке, выстукивая ногой чечетку и созерцая из окна призрачный город улицы Крестоллин, Запад. День был ясный, но очень холодный. На улице было около десяти градусов выше нуля, но из-за влажности казалось, что температура упала по крайней мере до минус десяти. Ветер поднимал в воздух снежную пыль и нес ее через улицу к опустевшему дому Хобартов, молчаливо ожидавшему первых ударов чугунного ядра. Хобарты даже ставни с собой увезли.

Раздался щелчок, и голос Стивена Орднера произнес:

— Барт, как поживаешь?

— Прекрасно.

— Я позвонил, чтобы узнать насчет прачечной, — сказал он. — Хотел выяснить, что корпорация решила по поводу переезда на новое место.

Орднер вздохнул. — Не слишком ли поздно ты забеспокоился? — В голосе Орднера прозвучала добродушная усмешка.

— Я позвонил не для того, чтобы ты надо мной издевался.

— А почему, собственно говоря, и нет? Ты-то сам над нами вдоволь поиздевался. Ну ладно, забудем об этом. Совет директоров решил свернуть прачечное производство. Однако у нас по-прежнему останутся прачечные самообслуживания, они приносят неплохой доход. Правда, мы собираемся сменить название: теперь они будут называться «Хэнди-Уош». Звучит неплохо, правда?

— Просто ужасно, — ответил он равнодушно. — Почему ты не уволил Винни Мэйсона?

— Винни? — В голосе Орднера послышалось удивление. — Винни выполняет для нас очень ответственную работу. Стал большим начальником. Честно говоря, я не понимаю, почему ты...

— Брось эту ерунду, Стив. Ты сам прекрасно знаешь, что на этой работе у него нет никакого будущего. Подыщи ему место, достойное его, или выстави его за дверь.

— Честно говоря, Барт, по-моему, это не твое дело.

— Ты поймал его на протухшего дождевого червя, но он пока еще не знает, что он на крючке. Он до сих пор думает, что это просто вкусный обед.

— Насколько мне известно, он малость проучил тебя перед Рождеством.

— Я сказал ему правду, а ему это не понравилось.

— Правда — это скользкое слово, Барт. Думаю, что ты должен понимать это лучше, чем кто бы то ни было, в особенности после всей той лжи, которую я от тебя услышал.

— Тебя это до сих пор точит, да?

— Когда выясняешь, что тот, кого ты считал хорошим человеком, на самом деле мешок с дерьмом, то действительно становится немного не по себе.

— Не по себе, — задумчиво повторил он. — А мне казалось как раз наоборот: тебе становится не по себе, когда ты обнаруживаешь, что вокруг тебя не мешки с дерьмом, а живые люди.

— Ты хотел мне еще что-то сказать, Барт?

— Нет, вроде бы нет. Просто я хочу, чтобы ты перестал издеваться над Винни, вот и все. Он — хороший человек. А ты делаешь все, чтобы превратить его в ничтожество. Ты сам прекрасно это знаешь.

— Интересно, с какой это стати мне понадобилось превращать Винни в ничтожество?

— Ты отыгрываешься на нем, потому что не можешь добраться до меня.

— Ты превращаешься в параноика, Барт. Лично я желаю только одного: забыть о тебе как можно скорее.

— И именно поэтому ты пытаешься выяснить, не стирал ли я когда-нибудь за бесплатно свое белье в нашей прачечной, да? Не брал ли я взток у владельцев мотелей, верно? Насколько я понимаю, ты даже поднял все расписки по ссудной кассе за последние пять лет.

— Кто тебе об этом сказал? — гавкнул Орднер. Судя по голосу, он уже не владел собой.

— Кто-то из твоих же товарищей, — радостно солгал он. — Кто-то из тех, кто рассчитывал, что я сумею продержаться еще немного, как раз до следующего заседания совета директоров.

— Кто?

— До свидания, Стив. Ты подумай о Винни Мэйсоне, а я буду думать о том, с кем мне разговаривать, а с кем — нет.

— Не смей вешать трубку! Не смей...

Усмехаясь, он повесил трубку. Даже Стив Орднер оказался в результате колоссом на глиняных ногах. Интересно, кого это Стив ему напоминает? Шарикоподшипники. Земляничное мороженное, украденное из морозильника. Герман Воук. Капитан Квиг, ну наконец-то! А исполнял эту роль Хэмфри Богарт. Он громко расхохотался и запел:

*Нам всем бывает нужно кого-то квигнуть,
И если хочешь,
Ты можешь квигнуть меня!*

Истерический смех продолжал душить его. Ну вот, подумал он, захлебываясь новым приступом, теперь я по-настоящему сошел с ума.

Однако мысль эта его не очень-то расстроила. В конце концов у сумасшедшего есть свои преимущества. Внезапно он увидел себя со стороны: одинокий мужчина, громко хохочущий в пустом доме, на пустой улице, уставленной домами-призраками. Эта картина показалась ему наиболее полным и характерным воплощением безумия, но в то же время она была настолько смешной, что его хохот только усилился. Он смеялся все громче, то захлебываясь визгом, то переходя на глухие, басовые ноты, бессильно мотая головой и едва удерживаясь на ногах.

19 января, 1974

После наступления темноты он сходил в гараж и принес оружие домой. В соответствии с инструкцией он сначала сделал из «Магнума» несколько холостых выстрелов, а потом аккуратно зарядил его. На проигрывателе стояла пластинка «Роллинг Стоунз». Мик Джэггер пел «Одинокого бродягу». Эта музыка нравилась ему все больше и больше. Он вообразил себя Бартом Джорджем Доузом, Одиноким Бродягой, Прием Только по Предварительной Договоренности, — и засмеялся.

В патронник «Уэзерби» входило восемь патронов. Они казались такими большими, что вполне могли подойти к среднего размера гаубице. Зарядив винтовку, он с любопытством оглядел ее размышляя о том, действительно ли она такая мощная, как утверждал Грязный Гарри Суиннертон. Он решил сделать пробный выстрел на заднем дворе. В конце концов на улице Крестоллин не осталось никого, кто мог бы сообщить в полицию о выстреле.

Он надел пиджак и открыл заднюю кухонную дверь. Потом он вернулся домой и взял с дивана небольшую подушку. Включив двухсотваттную лампочку на заднем дворе, которой они с Мэри обычно пользовались во время летних барбекю, он вышел из дома. Снег, покрывший землю, был как раз таким, который он мысленно представлял себе чуть больше недели назад, — нетронутым, незагрязненным, абсолютно девственным. Ни один чудак

не ступал своей гребаной ногой на этот снег. В прошлые годы сын Дона Аполингера Кенни частенько пробегал через их задний двор к дому своего друга Ронни, а Мэри иногда пользовалась натянутой между домом и гаражом веревкой, чтобы развесить там кое-какие из своих вещей (как правило, интимного характера). Но он сам всегда ходил в гараж через другую дверь, и теперь его поразила мысль о том, что с тех пор, как выпал первый снег, никто не побывал на заднем дворе. Судя по его нетронутому виду, даже собаки здесь не бегали. Ни одного живого существа с конца ноября.

Неожиданно им овладело безумное желание выйти на середину двора и слепить снеговика.

Однако вместо этого, он прижал подушку к правому плечу, на мгновение придержал ее подбородком, а потом упер в нее приклад «Уэзерби». Зажмутив левый глаз, он посмотрел в прицел и попытался вспомнить те советы, которые актеры давали друг другу в фильмах про войну перед высадкой морской пехоты. Обычно какой-нибудь много повидавший на своем веку сержант вроде Ричарда Уидмарка говорил какому-нибудь салабону вроде Мартина Миллера: *Не дергай курок, сынок. Дави на него осторожно.* Или что-нибудь похожее.

Ладно, Фред. Давай проверим, сумею ли я попасть в свой гараж.

Он осторожно надавил на курок. То, что последовало за этим, не было похоже на звук выстрела. Это был взрыв. На мгновение его охватил ужас: ему показалось, что винтовка взорвалась у него прямо в руках. Но когда отдачей его швырнуло на кухонную дверь, он понял, что все в порядке. Выстрел разнесся по всей округе странным, рокошущим грохотом, похожим на звук стартующей космической ракеты. Подушка валялась на снегу. Плечо обжигала пульсирующая боль.

— Господи, Фред, — выдохнул он.

Он посмотрел на гараж и едва поверил своим глазам. В наружной обшивке образовалась дыра, сквозь которую можно было бы подать чашку с чаем.

Он прислонил ружье к косяку и пошел по снегу, даже не вспомнив о том, что на ногах у него обычные тапочки. Он изучал дыру около минуты, изумленно отламывая щепки указательным пальцем. Потом он обошел вокруг гаража и вошел внутрь.

С внутренней стороны дыра была еще больше. Он посмотрел на микроавтобус. В двери со стороны водителя зияло отверстие, в которое он свободно мог засунуть два пальца. Металл прогнулся, краска на нем отслоилась. Он открыл дверцу и осмотрел салон. Конечно, пуля попала в противоположную дверь, как раз под ручкой.

Он обошел вокруг машины и убедился, что пуля прошла вторую дверь насквозь, оставив отверстие со злобно торчащими наружу металлическими стружками. Он обернулся и посмотрел на стену. В ней также было отверстие. Надо полагать, она до сих пор летит.

Он вспомнил, как Гарри говорил ему, что если попасть из этой винтовки в оленя, то внутренности разлетятся вокруг ярдов на двадцать. А что произойдет с человеком? Скорее всего то же самое. Ему стало не по себе.

Он вернулся к кухонной двери, подобрал подушку и вошел в дом, машинально потоптавшись на пороге, чтобы стряхнуть снег и не наследить у Мэри в кухне. В гостиной он снял рубашку. Несмотря на подушку, на плече осталось красное пятно в форме приклада.

Не надевая рубашку, он пошел на кухню, сварил себе кофе и разогрел готовый обед. Поев, он пошел в гостиную, лег на диван и заплакал. Вскоре плач превратился в настоящий истерический припадок. Он попытался остановить его усилием воли, но не смог. В конце концов припадок кончился, и он забылся тяжелым сном. На щеках его серебрилась седая щетина. Во сне он выглядел старше.

20 января, 1974

Он проснулся виноватым рывком, испугавшись, что уже утро, и он проспал. Его сон был мутным и темным, как прокисший кофе. После такого сна он всегда просыпался с ватной головой, толком не понимая, кто он и куда он попал. Винтовка лежала там же, где он ее и оставил, вальяжно раскинувшись на мягком кресле. «Магнум» валялся на столике.

Он поднялся с дивана, пошел на кухню и несколько раз плеснул себе в лицо холодной водой. Потом он поднялся по лестнице на второй этаж и нашел чистую рубашку. По дороге вниз он надел ее и заправил в брюки. Он запер внизу все двери. По причинам, в которых он не хотел отдавать себе слишком подробный отчет, с каждым поворотом замка на сердце у него становилось немного легче. Он снова почувствовал себя самим собой — впервые с того момента, как эта проклятая дура шмякнулась перед ним на пол в супермаркете. Он положил «Уэзерби» на пол под окном в гостиной. Потом он подтащил к окну мягкое кресло, перевернул его набок и раскрыл коробки с патронами.

Вернувшись на кухню, он запер все окна. Потом он прихватил в столовой стул и подпер им ручку кухонной двери. Покончив с этим, он налил себе чашку холодного кофе, рассеянно отхлебнул глоток, сморщился и выплеснул остатки в раковину. Он смешал себе коктейль.

Пройдя в гостиную, он вытащил из шкафа автомобильный аккумулятор. Он поставил его за перевернутым креслом, потом достал соединительные провода и положил их рядом с аккумулятором.

Покряхтывая и тяжело дыша, он потащил ящик взрывчатки наверх. Добравшись до площадки, он поставил его на пол, едва не уронив в последний момент, и прислонился к стене, чтобы перевести дыхание. Он становился слишком стар для подобного рода упражнений, несмотря на сильные мускулы, накачанные еще в те времена, когда вместе с напарником он загружал грузовики четырехсотфунтовыми тюками с выглаженными простынями. Но что ни говори, когда человеку сорок, не стоит слишком искушать судьбу. Сорок — это как раз подходящий возраст для первого инфаркта.

Он прошелся по всему второму этажу, повсюду включая свет. Гостиная спальня, гостевая ванная комната, спальня хозяев, кабинет, который раньше был комнатой Чарли. Потом он подставил стул под чердачный люк и включил пыльную лампочку на чердаке. Потом он спустился назад в кухню и взял там большой моток цветной изоленды, ножницы и острый нож для разделки мяса.

Он вынул из ящика две шашки взрывчатки (они были мягкие на ощупь; надавив пальцем посильнее, можно было оставить на поверхности отпечаток) и отнес их на чердак. Он отрезал два куска запального шнура и зачистил концы ножом. Потом он вдавил по медному проводу в каждую из шашек. Спустившись вниз, он зачистил другие концы и прикрепил к ним еще две шашки, плотно обмотав их зачищенными проводами.

Напевая себе под нос, он провел еще два запальных шнура из чердака в хозяйскую спальню и положил по шашке на каждую половину двуспальной кровати. Оттуда он провел запальные шнуры в холл, оставив одну шашку в гостевой ванной и еще две в гостевой спальне. Выходя, он потушил свет. В прежней комнате Чарли он оставил четыре шашки, соединив их вместе изолентой. Он вынес

моток запального шнура из комнаты и сбросил его через перила. Потом он спустился вниз.

Четыре шашки на кухонном столе, рядом с бутылкой «Южного Утешения». Четыре шашки в гостиной. Четыре в столовой. Четыре в холле.

Он оттащил запальный шнур в гостиную, слегка задыхаясь от хождений вверх и вниз. Но ему предстояло сделать еще одно путешествие. Он пошел наверх и взял ящик, ставший значительно легче. В нем осталось только одиннадцать шашек взрывчатки. Только сейчас он заметил, что в этом ящике когда-то хранились апельсины. Сбоку полинявшими буквами было написано:

ПОМОНА

Рядом со словом был нарисован апельсин с одним листком на черенке.

Он отнес ящик в гараж и поставил его на заднее сиденье микроавтобуса. Он снабдил каждую шашку малглинита коротким запалом, потом подсоединил их к длинному проводу, обмотал место соединения изолентой и протянул длинный запал обратно в дом, позаботившись о том, чтобы он попал в трещинку на пороге боковой двери. Закрыв дверь, он тщательно запер ее на два оборота.

В гостиной он соединил вместе главный домашний запал с проводом, который вел в гараж. Продолжая что-то напевать себе под нос, стараясь действовать как можно аккуратнее, он примотал к месту соединения еще один провод. Он протянул этот последний запал к аккумулятору и зачистил изоляцию ножом для мяса.

Потом он разделил кабель на отдельные медные проводки и свернул из них две косички. Он взял соединительные провода и подсоединил черный зажим к одному хвостiku, а красный — к другому. Он подошел к аккумулятору и подсоединил черный зажим к клемме, рядом с которой виднелись три выпуклые буквы:

ПОЛ

Красный зажим он оставил неподсоединенным, неподалеку от клеммы с надписью:

ОТР

Потом он подошел к проигрывателю, включил его и стал слушать «Роллинг Стоунз». Было пять минут пятого. Он пошел на кухню, приготовил себе еще один коктейль и вернулся с ним в гостиную. Неожиданно впереди оказалось много свободного времени. На кофейном столике лежал номер журнала «Домашнее хозяйство». Там была длинная статья о семействе Кеннеди и их многочисленных проблемах. Он внимательно прочитал эту статью. Потом он прочитал статью, озаглавленную «Женщины и рак груди». Написана она была женщиной-доктором.

Они появились в самом начале десятого, как раз после того как колокола на церкви Конгрегации¹, расположенной в пяти кварталах от дома, закончили свой перезвон, призывавший верующих на утреню — или как там это называется у чертовых конгрегационалистов?

Они приехали на зеленом седане и черно-белой полицейской машине. Из зеленого седана вышли три человека. Одним из них был Феннер. Двух других он не знал. У каждого в руке был чемоданчик.

Из черно-белой полицейской машины вышли два полисмена и лениво встали, прислонясь к капоту. По их позам было совершенно очевидно, что они не ждут никаких неприятностей. Для них это был рядовой выезд. Опершись на капот, они принялись что-то обсуждать. Слова вырывались у них изо рта в виде облачков белого пара.

Время остановилось.

¹ Конгрегационализм (индепенденство) — одно из направлений протестантизма, отличительной чертой которого является требование самостоятельности каждого церковного прихода — *прим. перев.*

Время остановилось, 20 января, 1974

Ну вот фред собственно говоря как оно вот так вот все оно собственно говоря и выходит давай завязывай заткнись же ты наконец время да время я понимаю в каком-то смысле уже поздно заткнуться видишь ли у меня тут взрывчатка по всему дому как фейерверк на день рождения винтовка в руке и кольт за поясом и весь я как гребаный джон диллинджер понимаешь ли ну что скажешь дружище это вроде как последнее решение или когда лезешь на дерево и думаешь вот сейчас поставлю ногу на эту развилку а потом на эту

(люди на улице застыли в живой картине застряли между секунд феннер в зеленом костюме а нога у него в футе и шести дюймах от земли занес ее чтобы наступить на тротуар своими дорогими ботинками в модных калошах если конечно такая вещь как модные калоши вообще может существовать на свете и весь он словно сошел с телевизионной заставки передачи о крестовом походе юристов против впрочем неважно а голова его слегка наклонена набок это оттого другой человек позади него что-то там такое сказал и феннер голову склонил прислушивается что тот ему говорит а у того изо рта облачко пара вырывается и одет он в синий блейзер и темно-коричневые брюки а пальто у него тоже расстегнуто и полы застыли на полувзмахе третий человек только-только

поворачивается от машины полицейские прислонились к своей черно-белой машине смотрят друг на друга обсуждать могут все что угодно может быть жен своих или преступление которое никак не удастся раскрыть или состояние собственных яиц все может быть и солнце появилось на мгновение в просвете между тучами успело сверкнуть на одном патроне из положенного полисмену боезапаса и вышеозначенный патрон был вставлен в одну из маленьких кожаных петелек на патронташе вышеозначенного полисмена а другой легавый в черных очках и солнце выкололо звездочку на правом стекле а губы у чего толстые плотоядные вот-вот улыбнется но застыл не двигается это же фотография)

я начинаю действовать мальчик мой фредди не возникает ли у тебя желания сказать мне что-нибудь в этот торжественный момент перед началом церемонии да говорит фред ты ведь продержишься до приезда репортеров ведь правда разумеется кто бы в этом сомневался слова фотографии сюжеты в теленовостях так говорит джордж сам понимаешь подрывные работы я знаю только одна точка обзора сзади все открыто но фредди тебя не поражает насколько все это одиноко и как по всему городу и по всему миру люди в этот момент жрут срут трахаются чешут свою экзему короче делают все то о чем пишут в книгах а мы тут с собой совсем совсем одни да джордж я об этом думал собственно говоря я тебе уже пытался как-то это все объяснить если ты конечно помнишь об этом и если это может послужить тебе хоть каким-то утешением сейчас сейчас все вроде бы в порядке потому что когда никто не может двигаться то не может быть никаких дорожных работ но об одном тебя прошу джордж никого не убивай нет конечно фред специально я никого не буду но ты же видишь в какой ситуации я оказался да я вижу я понимаю клянусь джорджем я понимаю но я боюсь я так боюсь не надо не бойся я справлюсь с этим я все держу под контролем и полностью владею собой

ну кончай кончай

20 января, 1974

— Кончай, кончай, — произнес он вслух, и все пришло в движение.

Он поднял винтовку, приложил ее к плечу, прицелился в правое переднее колесо патрульной машины и выстрелил.

Приклад сокрушающе ударил его в плечо, ствол дернулся вверх. Большое стекло лопнуло — лишь в углах рамы остались зазубренные стеклянные стрелы. Колесо патрульной машины не просто спустило — оно лопнуло с громким шумом. Машина подпрыгнула на своих рессорах, словно собака, которую никогда раньше не пинали во сне. Колпак отлетел и бессмысленно покатился по заиндевавшему асфальту улицы Крестоллин.

Феннер остановился и ошарашенно посмотрел на дом. Человек в синем блейзере уронил свой чемоданчик. У третьего реакция оказалась получше, а может быть, он просто обладал более развитым инстинктом самосохранения. Он мгновенно развернулся на сто восемьдесят градусов, забежал за зеленый седан, пригнулся и исчез из виду.

Полицейские укрылись за патрульной машиной — один спереди, другой сзади. Мгновение спустя полицейский в темных очках выскочил из-за капота, сжимая в руках служебный револьвер, и выстрелил три раза. После грохота «Уэзерби» ему показалось, что кто-то три раза щелкнул пальцами. Он упал за кресло и услышал, как

пули пролетели над головой — оказывается, их действительно можно услышать, и издают они звук *ззиizzz!* — и впились в штукатурку. Звук, с которым они впились в штукатурку, напомнил ему о стуке боксерских перчаток о тяжелую грушу в спортивном зале. С таким же звуком войдут они в меня, — подумал он.

Полицейский в черных очках заорал Феннеру и человеку в синем блейзере:

— Пригнитесь, черт вас побери! Ложись! У него там гребаная гаубица, не меньше!

Он высунулся еще чуть-чуть, чтобы лучше видеть, что происходит, и полицейский в темных очках увидел его и сделал еще два выстрела. Пули с глухим ударом вошли в стену. Любимая картина Мэри («Ловцы омаров» Уинслоу Хомера) сорвалась со стены, ударилась о диван, а потом упала на пол. Стекло разлетелось вдребезги.

Он снова высунулся из-за кресла, потому что ему необходимо было выяснить, что предпринимают полицейские (и почему он не догадался купить себе детский перископ?). Надо было узнать, пытаются ли они зайти к нему в тыл (именно так Ричард Уидмарк и Марти Милнер всегда брали японские дзоты), а если это так, то ему придется одного подстрелить, но полицейские по-прежнему укрывались за патрульной машиной, а Феннер и человек в синем блейзере наконец-то опомнились и бросились за зеленый седан. Чемоданчик Синего Блейзера лежал на тротуаре, словно труп какого-то небольшого животного. Он прицелился, сморщился, заранее предвкушая боль от отдачи, и выстрелил.

KPPPPPPPAK! Чемоданчик разлетелся на две половины, которые устремились к небесам, развеивая по ветру множество бумаг.

Он выстрелил снова — на этот раз в правое переднее колесо седана. Шина лопнула. Один из укрывшихся за седаном людей издал жалобный крик ужаса.

Он выглянул и бросил взгляд на патрульную машину. Передняя левая дверь была открыта. Полицейский в темных очках что-то передавал по рации. Вскоре все

приглашенные съедутся на вечеринку. Они разделят его на части, и каждый, кто хочет, получит кусок, и больше не о чем будет беспокоиться. Он почувствовал облегчение — горькое, как алоэ. Что бы это ни было, какая бы смертельная болезнь ни загнала его сюда, на последнюю развилку высокого дерева, он уже был не один, плачущий в одиночку несчастный сумасшедший. Теперь он вышел на большую дорогу безумия. Вскоре они превратят его в безобидный заголовок: ХРУПКОЕ ПЕРЕМИРИЕ НА КРЕСТОЛЛИН ПОКА ЕЩЕ ДЕРЖИТСЯ.

Он положил винтовку и пополз через гостиную на четвереньках, стараясь не порезаться об осколки стекла, выпавшего из разлетевшейся рамы. Он взял маленькую подушку и пополз назад. Высунувшись, он увидел, что полицейский уже выбрался из машины.

Он взял «Магнум» и послал два выстрела над капотом патрульной машины. Кольт своенравно вырывался из его руки, но с такой отдачей вполне можно было справиться. Плечо болело, как гнилой зуб.

Один из полицейских — тот, что был без очков — выскочил над багажником с пистолетом в руке, и он выстрелил в заднее окно патрульной машины. Стекло покрылось сумасшедшим лабиринтом трещин. Полицейский нырнул обратно, так и не успев выстрелить.

— Стойте! — заорал Феннер. — Дайте я с ним поговорю!

— Давай, — сказал один из полицейских.

— Доуз! — закричал Феннер суровым голосом, похожим на голос следователя из последней серии фильма с Джимми Кегни. Полицейские прожектора безостановочно шарят по фасаду гнусной трущобы, где засел Бешеный Пес Доуз, сжимая по дымящемуся кольцу в каждой руке. Бешеный Пес свернулся калачиком за перевернутым мягким креслом и рычит. Одет он в полосатую рубашку с короткими рукавами. — Эй, Доуз, ты слышишь меня? Отзовись!

Бешеный Пес, лицо которого искажено непокорной злобой и залито потом, кричит:

— Попробуйте взять меня живым, грязные легавые! — Он выскочил из-за кресла и расстрелял весь свой кольт по зеленому седану, оставив в боку рваный ряд дыр.

— Господи, — воскликнул кто-то. — Господи, да он же сумасшедший!

— Доуз! — снова завопил Феннер.

— Вы никогда не возьмете меня живым! — закричал он, опьяненный всеобъемлющим ликованием. — Вы — грязные крысы. Вы застрелили моего братишку! Я вам отомщу! Много ублюдков отправится прямиком в ад, прежде чем вы до меня доберетесь! — Дрожащими руками он перезарядил «Магнум» и доложил недостающие патроны в магазин «Уэзерби».

— Доуз! — продолжал вопить Феннер. — Как насчет того, чтобы заключить сделку?

— А как насчет того, чтобы отведасть горячего свинца, ты, говнюк гребаный? — крикнул он Феннеру, но взгляд его в это время был направлен на патрульную машину, и когда полицейский в темных очках украдкой выглянул из-за капота, двумя выстрелами он загнал его обратно в убежище. Одна из пуль попала в окно дома Куиннов на противоположной стороне улицы.

— Доуз, — вопил Феннер, упиваясь значительностью собственной роли.

— Да заткнись же ты наконец! — крикнул ему один из полицейских. — Ты ведь его только раззадориваешь.

Феннер растерянно замолчал, и в наступившей тишине послышался звук сирен, вначале отдаленный, а потом все более и более громкий. Он положил «Магнум» и взял винтовку. Период радостного помешательства закончился. Он чувствовал себя разбитым, все тело болело, кишечник был переполнен.

Господи, только бы побыстрее приехали телевизионщики со своими камерами, взмолился он.

Когда первая полицейская машина с визгом и хорошо рассчитанным шиком завернула за угол, совсем как в фильме «Французский связной», он был готов к этому.

Он сделал два выстрела поверх патрульной машины, чтобы припугнуть засевших там полицейских, а потом тщательно прицелился в хромированную решетку и медленно надавил на курок, словно умудренный опытом ветеран в исполнении Ричарда Уидмарка. Решетка взорвалась, капот отлетел вверх, автомобиль вильнул, въехал на обочину и врезался в дерево ярдах в сорока от дома. Дверцы распахнулись, и оттуда высыпались четверо озадаченных полицейских с пистолетами наголо. Двое из них столкнулись. Потом полицейские за первой патрульной машиной (его полицейские — так он думал о них, видя в них уже нечто вроде своей собственности) открыли огонь, и он нырнул за кресло, спасаясь от жужжащих над головой пуль. Он несколько раз выстрелил в ответ и заметил, что две его пули продырявили новую алюминиевую обшивку на заборе Уилбура (интересно, компенсировал ли Городской Совет ее стоимость?). Он слышал, как пули вонзались в его собственный дом — прямо под окном и по обе стороны от него. Одна попала в раму, и щепки брызнули ему в лицо. Было семнадцать минут одиннадцатого. Теперь они попытаются зайти к нему в тыл.

Он высунул голову, так как это было просто необходимо, и пуля прожужжала совсем рядом с его правым ухом. Еще две патрульных машины с включенными сиренами и мигалками приближались с другого конца улицы Крестоллин. Двое полицейских из потерпевшей аварию машины попытались перелезть через забор Аполингеров. Он выстрелил по ним трижды — не чтобы попасть, а чтобы заставить их ретироваться обратно к машине. Так они и поступили. На улицу обрушился целый дождь щепок.

Две новых патрульных машины встали нос к носу буквой «V», перегородив улицу возле дома Хобарта. Полицейские сгрудились в вершине образовавшегося угла. Один из них разговаривал по рации с полицейским из машины, врезавшейся в дерево. Мгновение спустя новоприбывшие открыли по дому ураганный огонь, и ему

снова пришлось укрыться. Пули попадали в парадную дверь, в фасад и вокруг окна, из которого он вел огонь. Зеркало в холле взорвалось россыпью бриллиантов. Пуля пробила покрывало на телевизоре, и оно исполнило краткий, но темпераментный танец.

Он прополз на четвереньках в другой конец гостиной и выпрямился у небольшого окна за телевизором. Оттуда он мог наблюдать за всем двором Аполингера. Двое полицейских снова пытались осуществить обходной маневр. У одного из них носом текла кровь.

Фредди, может случиться так, что мне придется убить одного из них, чтобы заставить их остановиться.

Не делай этого, Джордж. Прошу тебя, не надо.

Рукояткой «Магнума» он разбил стекло, порезав при этом руку. Они оглянулись на шум, заметили его и открыли огонь. Он не стал прятаться и открыл ответный огонь. В любой момент пуля могла снести ему макушку черепа. Трудно сказать, сколько продолжалась перестрелка, но неожиданно один из полицейских схватился за предплечье и закричал. Потом он уронил свой пистолет, словно ребенок, уставший от этой глупой игры, и стал приплясывать на месте от боли. Его товарищ обнял его одной рукой, и вместе они побежали обратно к машине.

Он снова встал на четвереньки, подполз к перевернутому креслу и выглянул на улицу. Еще две патрульных машины приближались с разных концов улицы. Они остановились на противоположной стороне возле дома Куиннов. Из них выскочили восемь полицейских и тут же укрылись за патрульной машиной с пробитым колесом и зеленым седаном.

Он снова спрятался за креслом и пополз в холл. Град пуль непрерывно осыпал дом. Он знал, что было бы лучше взять винтовку и подняться наверх — там у него была бы более выгодная позиция, и, возможно, он сумел бы выкурить их из-за машин и заставить укрыться в домах на противоположной стороне улицы. Но он не мог позволить себе отойти так далеко от запального шнура и

аккумулятора. Телевизионщики могли появиться в любую минуту.

Парадная дверь была как решето. Слой темно-коричневого лака отлетел вместе со щепками, и из-под него показалась необработанная древесина. Он прополз в кухню. Все окна там были разбиты, линолеум был усыпан осколками. Шальная пуля сбила кофейник с плиты, и он лежал на полу в растекшейся луже коричневой гущи. Мгновение он выжидал под окном, а потом вскочил и опустошил свой кольт в запаркованные буквой «V» машины. Немедленно вся мощь обстрела сконцентрировалась на кухне. Две дырки появились в белой эмали холодильника, а одна из пуль попала в бутылку «Южного Утешения». Она взорвалась, брызнув во все стороны стеклом и южным радушием.

Когда он полз обратно в гостиную, ему показалось, что пчела ужалила его в бедро как раз под ягодницей. Он хлопнул рукой по бедру, чтобы убить ее. Когда он посмотрел на руку, выяснилось, что пальцы его в крови.

Он лег за креслом и перезарядил «Магнум». Потом перезарядил «Уэзерби». Высунул голову из-за кресла и мгновенно нырнул назад, едва успев укрыться от яростного града пуль. Пули попадали в диван, в стену, в телевизор. Покрывало исполняло безостановочный танец. Снова высунулся и несколько раз выстрелил по патрульным машинам, запаркованным на противоположной стороне улицы. Выбил одно окно. И увидел...

В начале улицы появились белый микроавтобус и фордовский фургон для аппаратуры. На боках у обеих машин были синие надписи:

НОВОСТИ ДаблЮЭйчЭлЭм КАНАЛ 9

Тяжело дыша, он снова подполз к окну, выходившему на внутренний двор Аполингеров. Телевизионщики медленно и неуверенно ехали вперед. Неожиданно из-за спины у них вынырнула новая патрульная машина и,

затормозив так, что шины задымились, перегородила им путь. Из заднего окна высунулась рука в синем и принялась отмахиваться от телевизионщиков, словно от назойливых мух.

Пуля срикошетила от подоконника и влетела в комнату.

Сжимая «Магнум» в окровавленной правой руке, он подполз к креслу и закричал:

— *Феннер!*

Огонь стал чуть менее интенсивным.

— *Феннер!* — закричал он снова.

— Подождите! — раздался крик Феннера. — Не стреляйте! Подождите минутку!

Раздалось несколько отдельных выстрелов, а потом все смолкло.

— Что тебе нужно? — крикнул Феннер.

— Телевизионщики! Их заблокировали в самом начале улицы. Я хочу с ними поговорить.

Последовала долгая, задумчивая пауза.

— Нет! — завопил наконец Феннер.

— Если мне дадут с ним поговорить, я прекращу стрельбу! — Что ж, в этом он их не обманывает. Он посмотрел на аккумулятор.

— Нет! — снова завопил Феннер.

Ублюдок! — подумал он в отчаянии. — Неужели же это так важно для тебя? Для тебя, для Орднера и для всей прочей бюрократической мрази?

Снова начался обстрел — сперва неуверенно, потом — постепенно набирая силу. Неожиданно глазам его предстало невероятное зрелище: человек в клетчатой рубашке и голубых джинсах бежал по тротуару, сжимая в руках портативную камеру.

— Я все слышал! — кричал человек в клетчатой рубашке. — Я слышал каждое слово! Я выясню, как тебя зовут, парень! Он предложил прекратить стрельбу, а ты...

Полицейский ударил его дубинкой, и человек в клетчатой рубашке свалился на тротуар. Его камера отлетела в водосточный желоб, и мгновение спустя три пули

превратили ее в кучку сверкающего мусора. Бобина неотснятой пленки лениво раскручивалась из останков. Потом огонь снова смолк.

— Феннер, дай им установить камеры! — закричал он. Голос его звучал хрипло, надсадно, горло его болело, все тело было разбито. Острая, пульсирующая боль стала подниматься от бедра вверх.

— Сначала выходи! — закричал Феннер в ответ. — Мы позволим тебе выступить перед камерой!

Красная волна ненависти захлестнула его, когда он услышал эту откровенную ложь. — **ЧЕРТ ВОЗЬМИ! У МЕНЯ ЗДЕСЬ БОЛЬШАЯ ПУШКА, И ЕСЛИ Я НАЧНУ ПАЛИТЬ ПО БЕНЗОБАКАМ, ТО ПОЛУЧИТСЯ НЕПЛОХОЕ БАРБЕКЮ, ПОНЯЛ ТЫ, ПИДОР ГНОЙНЫЙ?**

Потрясенное молчание.

Потом раздался осторожный голос Феннера:

— Что ты хочешь?

— Пришлите мне того парня, которого двинули дубинкой, и позвольте телевизионщикам поставить камеры.

— Ну уж нет! Мы не собираемся дать тебе в руки заложника, чтобы ты потом шантажировал нас еще бог знает сколько времени!

Один из полицейских подбежал к осевшему на один бок седану и скрылся за ним. Очевидно, там состоялось какое-то краткое совещание.

Раздался другой голос:

— Парень, за твоим домом — тридцать человек. Все они вооружены. Если ты не выйдешь, я отдам им приказ идти на штурм!

Настало время предъявить свои козыри. — Не советую. Весь дом начинен взрывчаткой. Посмотрите сюда!

Он выставил над креслом красный зажим соединительного провода.

— Видите?

— Ты блефуешь! — уверенно прокричал голос.

— Если я подсоединю этот зажим к клемме аккумулятора, который стоит рядом со мной на полу, всем нам придет конец!

Молчание. Еще одно совещание.

— Эй! — закричал кто-то. — Эй! Ведите сюда этого парня! — Он высунулся из-за кресла и увидел человека в джинсах и клетчатой рубашке, который шел по улице без всякого прикрытия, гордо подняв голову. То ли он был так героически предан профессии, то ли просто сошел с ума. У него были длинные черные волосы, доходившие почти до плеч, и тоненькие темные усики.

Двое полицейских решили было перезарядить оружие под прикрытием составленных буквой «V» машин, но передумали, когда он выстрелил поверх их голов.

— Господи, ну и вляпались мы в историю! — воскликнул кто-то в досаде.

Человек в клетчатой рубашке шел по лужайке, взбивая ногами маленькие фонтанчики снежной пыли. Что-то прожужжало мимо уха, потом раздался звук выстрела, и он обнаружил, что забыл спрятаться в укрытие. Он услышал, как повернулась ручка входной двери. Убедившись, что она заперта, молодой человек постучал.

Он пополз по полу, усыпанному цементом и штукатуркой, выбитыми из стен. Правая нога болела, как старая ведьма, и когда он посмотрел на нее, обнаружилось, что штанина от бедра и до колена пропитана кровью. Он повернул замок и отодвинул засов.

— Давай! — сказал он, и человек в клетчатой рубашке юркнул внутрь.

Он задыхался, но лицо его не показалось ему испуганным. На щеке у него была ссадина от полицейской дубинки, левый рукав был разодран. Впустив человека в клетчатой рубашке, он пополз обратно в гостиную, взял винтовку, выставил ее над креслом и сделал наугад два выстрела. Потом он обернулся. Человек в клетчатой рубашке стоял в дверном проеме. Вид у него был невероятно спокойным. Из кармана он достал большой блокнот.

— Ладно, парень, — сказал он. — Выкладывай, что тут за дерьмо.

— Как тебя зовут?

— Дейв Алберт.

— В автобусе есть оборудование?

— Да.

— Подойди к окну. Скажи полиции, чтобы они позволили съемочной группе установить камеру на лужайке у Куиннов. Это дом напротив. Скажи, что если через пять минут этого не произойдет, то у тебя начнутся большие проблемы.

— Вот как?

— Будь уверен.

Алберт засмеялся. — Ты не похож на человека, который собирается меня убить, парень.

— Скажи им.

Алберт подошел к разбитому окну и выдержал секундную паузу, без сомнения, наслаждаясь моментом.

— Он требует, чтобы моя съемочная группа поставила камеру на другой стороне улицы! — закричал он. — Если это не будет сделано, он говорит, что убьет меня!

— *Нет!* — яростно завопил Феннер. — *Нет, нет и еще раз...*

Кто-то заткнул ему рот. Секундная пауза.

— Хорошо! — Это был голос человека, обвинившего его в блефе. — Ты позволишь двум нашим людям пойти и привести их сюда?

Он кивнул вопросительно обернувшемуся репортеру.

— Да! — крикнул Алберт.

После некоторой паузы двое полицейских неуверенно двинулись туда, где стоял автобус телевизионщиков. Двигатель его самодовольно мурлыкал. Тем временем подъехало еще две патрульных машины. Отклонившись вправо, он увидел, что другой конец Крестоллин тоже перегорожен. Большая толпа стояла за желтыми барьерами.

— Ладно, — сказал Алберт, садясь. — У нас есть минутка. Что тебе нужно? Самолет?

— Самолет? — недоумевающе повторил он.

Алберт взмахнул руками. — Чтобы улететь, парень. Ууууулететь куда-нибудь.

— Ах, вот ты о чем. — Он кивнул головой, чтобы показать, что понял смысл вопроса. — Нет, мне не нужен самолет.

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу, — сказал он, тщательно подбирая слова, — чтобы мне опять было двадцать лет и чтобы я мог заново прожить свою жизнь немного по-другому. — Он увидел недоумение в глазах Алберта и быстро добавил:

— Я знаю, что это невозможно. Конечно, я сумасшедший, но не до такой степени.

— Ты ранен.

— Да.

— Ты сказал правду об этой штуке? — Он указал на запальный шнур и аккумулятор.

— Да. Провод идет во все комнаты. И в гараж тоже.

— Где ты взял взрывчатку? — Тон Алберта был вполне дружеским, но в глазах была внимательная настороженность.

— Нашел в рождественском чулке.

Он засмеялся. — Что ж, неплохо. Я использую эту фразу в сюжете.

— Прекрасно. Когда выйдешь отсюда, скажи полицейским, что лучше им отойти от дома подальше.

— Ты собираешься взорвать себя? — спросил Алберт. В голосе его звучал интерес, только интерес и ничего больше.

— Я думаю над этой возможностью.

— Знаешь что, парень, ты, по-моему, просто фильмов посмотрелся.

— В последние время я не слишком часто ходил в кино. Правда я посмотрел «Изгоняющего дьявола». Теперь жалею. Как там дела у твоей съемочной группы?

Алберт выглянул из окна. — Неплохо. У нас есть еще одна минутка. Твоя фамилия Доуз?

— Это они тебе сказали?

Алберт презрительно рассмеялся. — Они мне ничего не сказали бы, даже если бы я умирал от рака. Я прочел табличку под дверным колокольчиком. А ты мог бы ответить мне на вопрос, зачем ты все это делаешь?

— Могу. Это из-за дорожных работ.

— Новый участок 784-й автострады? — Глаза Алберта блеснули. Он начал что-то записывать в своем блокноте.

— Да.

— Они отобрали у тебя дом?

— Они попытались. Я возьму его с собой.

Алберт записал его ответ, захлопнул блокнот и записнул его в задний карман джинсов. — Это очень глупо, мистер Доуз. Вы не возражаете, что я так говорю? Почему бы вам не выйти отсюда вместе со мной?

— У тебя эксклюзивный материал, — сказал он устало. — Какие награды вам там присуждают, Пулитцеровскую премию?

— Я б не отказался. — Он весело улыбнулся, а потом снова посерьезнел. — Пошли, мистер Доуз. Выходи со мной. Я позабочусь о том, чтобы люди узнали о твоей позиции.

— У меня нет никакой позиции.

Алберт нахмурился. — Как это понимать?

— У меня нет позиции. Именно поэтому я так и поступаю. — Он высунулся из-за кресла и встретился с глазом кинокамеры, установленной на штативе посреди заснеженной лужайки Куиннов. — А теперь иди. Скажи, чтобы убились подальше.

— Ты действительно собрался все взорвать?

— Не знаю.

Алберт подошел к двери, но в последний момент обернулся. — Мы где-нибудь встречались? Мне постоянно кажется, что я тебя уже где-то видел.

Он покачал головой. Он думал, что видит Алберта в первый раз в жизни.

Наблюдая за тем, как репортер шел по лужайке (слегка под углом, чтобы предстать на пленке в более выгодном ракурсе), он задумался о том, чем может заниматься Оливия в эту самую секунду.

Он подождал пятнадцать минут. Огонь усилился, но штурма дома с тыла так и не последовало. Похоже, огонь велся для того, чтобы прикрыть отступление полиции в

дома на другой стороне улицы. Съемочная группа оставалась на прежнем месте, продолжая бесстрастно работать. Потом белый «Эконолайн» подъехал на лужайку Куиннов, и тогда оператор сложил штатив, оттащил его за фургон и снова начал снимать. Что-то черное и вытянутое просвистело в воздухе, приземлилось на полпути между домом и тротуаром и стало источать газ. Ветер подхватил его, и рваные облака понеслись вниз по улице. Второй выстрел также был недолетом, а через некоторое время он услышал, как снаряд приземлился на крышу. Он успел ощутить запах газа, когда последний снаряд скатился с крыши в сугроб, под которым мирно зимовали мэрины бегонии. Глаза его наполнились крокодиловыми слезами.

Он вновь пополз на четвереньках через гостиную, от души надеясь, что не сказал этому телевизионщику Алберту ничего такого, что могло бы быть впоследствии истолковано, как исполненные глубокого смысла предсмертные слова. У него действительно не было позиции, потому что в этом мире нет устойчивого места, на котором можно было бы ее занять. Взять, к примеру, Джонни Уокера, погибшего в бессмысленной катастрофе на перекрестке. Ради чего он умер? Ради того, чтобы простыни были доставлены вовремя? Или эта женщина в супермаркете. Игра не стоит свеч.

Он включил проигрыватель. Проигрыватель до сих пор работал. По-прежнему на диске стояла пластинка «Роллинг Стоунз», и со второй попытки он поставил последнюю песню (в первый раз он промахнулся мимо нужной дорожки из-за пули, с глухим звуком пробившей покрытие на «Зените»).

Когда все было готово, и последние такты «Человека-обезьяны» растворились в небытие, он снова подполз к перевернутому креслу и выбросил винтовку из окна. За ней последовал «Магnum». Прощай, Ник Адамс.

— Ты не всегда получаешь то, что хочешь, — доносилось из колонок, и он мог подтвердить, что это правда. Но даже если знаешь ее, желание все равно остается.

Граната со слезоточивым газом влетела в окно, удари-
лась в стену над диваном и взорвалась клубами белого
дыма.

*Но если, попытаешься, то может оказаться,
Что у тебя есть то, что тебе нужно.*

Вот и посмотрим, Фред. Вот и проверим. Он взял
красный зажим соединительного провода. Сейчас увидим,
есть ли у меня то, что мне нужно.

— О'кей, — пробормотал он и прижал красный зажим
к отрицательной клемме аккумулятора.

Он закрыл глаза, и его последняя мысль была о том,
что мир взрывается не снаружи, а внутри него, и хотя
последствия взрыва были катастрофическими, размера он
был совсем небольшого — скажем, примерно как грецкий
орех.

Потом все вокруг стало белым.

Эпилог

Команда теленовостей компании «ДаблЮЭйчЭлЭм» выиграла Пулитцеровскую премию за вечерний репортаж о том, что они назвали «Последним Противостоянием Доуза», и за получасовой документальный фильм, показанный три недели спустя. Документальный фильм назывался «Дорожные работы», и в нем исследовался вопрос необходимости (или отсутствия таковой) строительства нового участка 784-й автострады. В фильме утверждалось, что причина, по которой началось это строительство, не имела ничего общего ни с перераспределением автомобильных потоков, ни с усовершенствованием дорожной сети, ни с чем-либо подобным. Муниципалитету было необходимо строить в год определенное количество миль новых дорог, иначе он лишился бы бюджетных ассигнований на дорожное строительство. Поэтому Городской Совет и принял решение расширить 784-ю автостраду. В фильме также сообщалось, что Городской Совет без лишнего шума начал судебный процесс против вдовы Бартона Джорджа Доуза, чтобы взыскать с нее хотя бы часть денег, полученных за дом. Однако, общее возмущение заставило Совет отозвать свой иск.

Большинство газет по всей стране опубликовали снимки руин. В Лас-Вегасе молодая девушка, недавно поступившая в школу бизнеса, увидела эти фотографии за лентом и упала в обморок.

Но несмотря на фотографии и слова дорожные работы продолжались и были завершены восемнадцать месяцев спустя, даже раньше намеченного срока. К тому времени большинство жителей города забыли о фильме «Дорожные работы», а телевизионщики и репортеры, включая обладателя Пулитцеровской премии Дэвида Алберта, направили свое внимание на другие события и обстоятельства. Но несколько человек, смотревших самый первый сюжет в программе вечерних новостей, так и не смогли забыть его. Они помнили его даже тогда, когда связанные с ним факты и люди стали стираться у них в памяти.

В сюжете был показан обычный белый дом в предместье города с заасфальтированной подъездной дорожкой, ведущей к одноместному гаражу. Симпатичный дом, но ничего особенного. На такой дом не оглянешься, отправляясь в воскресенье на пикник. Единственная привлекающая внимание деталь — на фасаде разбиты почти все окна. Из большого окна вылетают винтовка и пистолет и падают в снег. На секунду показалась рука, выбросившая оружие, — вялая и обессиленная, словно рука утопающего. Дом окружен клубами белого дыма — наверное, это слезоточивый газ или что-нибудь в этом роде. А потом поднимается огромный столб огня, и стены выгибаются, словно в мультфильме. Звучит ужасный грохот, и камера трясется, словно от ужаса. Периферическим зрением зритель замечает, что гараж был мгновенно сметен одним сокрушительным огненным порывом. На мгновение кажется (и пок кадровый просмотр подтверждает правильность этого впечатления), что крыша снялась со стропил и поднялась в воздух. Потом весь дом приподнимается в воздух и разваливается на части. Во все стороны летят доски, кровельная дранка, куски штукатурки. Потом обломки начинают падать на землю, и воздух превращается в волшебное покрывало, лениво развевающееся на ветру.

Глухая барабанная дробь падающих обломков заканчивается, и наступает тишина.

Потом экран заполняет потрясенное, заплаканное лицо Мэри Доуз. В оцепенелом и испуганном удивлении она смотрит на выросший перед ней лес микрофонов, и мы снова оказываемся в безопасном мире живых существ.

С о д е р ж а н и е

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

Перевод А. Медведева

Пролог 9

Часть первая

НОЯБРЬ 13

Часть вторая

ДЕКАБРЬ 143

Часть третья

ЯНВАРЬ 295

Эпилог 380

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ

Выпуск 27

Сдано в набор 07.01.95. Подписано в печать 09.03.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 24 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

СТИВЕН КИНГ

Знаменитый бестселлер
Стивена Кинга «Дорожные работы»
повествует о том,
как простой американский обыватель
вступает в яростную схватку
защищая свои права.